

12572

ИЗЪ ПРАКТИКИ ДЛЯ ПРАКТИКИ.

ПРОВЕРЕНО

032013

ВОСПИТАНИЕ СОЛДАТА

для

СЛУЖБЫ ВЪ ВОЕННОЕ И МИРНОЕ ВРЕМЯ.

Составлено для ротныхъ, эскадронныхъ, батальонныхъ командировъ и младшихъ офицеровъ

Подполковникомъ ШПОНЪ,

состоящимъ при штабѣ пѣхотнаго полка Альвенслебена.

ПРОВЕРЕНО
2012

ПРОВЕРЕНО
2007 год

ПРОВЕРЕНО
1993/94 г.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна 1 р.

Филиал Библиотеки
Ленинградскаго Окружнаго Дома
Офицеров им. С. М. Кирова
Ленинград, Дворцовая площадь

Инв. № 20854

ИЗДАНИЕ „ПОСРЕДНИКА ДЛЯ ВОЙСКЪ“.

С.-Петербургъ, Гороховая. 3.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Проникнутый убѣжденіемъ, что развитіе социаль-демократіи въ связи со все нарастающимъ огрубѣніемъ нашей молодежи требуетъ особенно внимательнаго отношенія въ дѣлѣ воспитанія солдата, я взялъ на себя трудъ собрать здѣсь воедино всѣ тѣ точки зрѣнія, которыя—какъ мнѣ извѣстно по личному опыту—способны пробуждать и поддерживать въ нашихъ людяхъ вѣрность королю, такъ же, какъ любовь къ отечеству и военной службѣ.

Мое изложеніе отнюдь не должно имѣть значенія кодекса правилъ; его задача скорѣе поощрять и обезпечить воспитанію то мѣсто, которое ему принадлежитъ по праву; оно предназначено не для слѣплаго подражанія, а для возбужденія живой работы мысли, потому что каждый офицеръ долженъ свободно развиваться сообразно его индивидуальности, и рота, эскадронъ и батарея должны носить печать своего командира.

Моя работа не претендуетъ на полноту. Поэтому прошу всѣхъ товарищей, заинтересованныхъ въ ея дальнѣйшемъ развитіи смѣло, открыто, честно, безъ обиняковъ подѣлиться со мною взглядами въ чемъ-либо расходящимися съ моими, или дать мнѣ новыя указанія для того, чтобы я могъ ими воспользоваться въ новомъ изданіи, если таковое потребуетъ, — за что принесу свою искреннюю благодарность.

Cottbus, августъ 1906 г.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	1
Введеніе (муштра или воспитаніе?)	6
Воспитаніе	6
А. Общая часть	6
Б. Мѣры отрицательныя	8
а) Грубое обращеніе, оскорбленія и насиліе	8
б) Поддразниванія	12
в) Высокомѣріе и мягкосердіе	13
В. Мѣры положительныя	13
а) Приемъ	14
б) Средства воспитанія	19
1. Любовь къ службѣ	19
2. Религія	22
Рождество	26
Проповѣди и собесѣдованія	27
Критика вѣры	29
Воскресныя занятія	30
3. Вѣрность Государю	31
4. Любовь къ отечеству	33
5. Семейныя привязанности, любовь къ народу и національное самосознаніе	35
6. Обученіе воинскому уставу	38
Вѣрность	41
Хорошее и дурное общество	42
Готовность къ войнѣ	44
Сонъ	45
Употребленіе алкоголя	46
Женщины	46
Твердость при исполненіи служебныхъ обя- занностей и храбрость на войнѣ	49

Повиновеніе начальству	50
Форма приказанія	53
Свобода, равенство и братство	54
Порядочное поведеніе на службѣ и внѣ ея	57
Распутный образъ жизни	57
Ложь	59
Товарищи	60
7. Наказанія и награды	62
8. Общее попеченіе	64
Книги и игры	65
9. Попеченіе въ особенныхъ случаяхъ	66
Отпускъ на полевья работы	66
Помощь словомъ и дѣломъ	67
Посѣщеніе больныхъ	68
10. Пѣніе	69
11. Ротные праздники	70
Рожество	71
День рожденія Государя	72
Г. Заключительное слово.	73
Д. Начальники роты какъ воспитатели	74
а) Командиръ роты или эскадрона	74
б) Младшіе офицеры роты	77
в) Унтеръ-офицеры	82
Приложеніе:	86
Бережливость	86
Гражданскія права и обязанности	89
Всеобщее равное и тайное избирательное право	89
Право союзовъ и собраній	92
Личная свобода	93
Страхуваніе на случай несчастія, болѣзни, инвалид- ности и старости	94
Общія обязанности и воинская повинность	96

ВВЕДЕНІЕ.

Муштра или воспитаніе?

Когда въ 1888 г. былъ изданъ дѣйствовавшій вплоть до не давняго времени строевой пѣхотный уставъ, старые служаки, выросшіе въ строгой старо-прусской муштрѣ, хмурили брови и недоувѣрчиво покачивали посѣдѣлыми головами, считая невозможнымъ поддерживать дисциплину на должной высотѣ безъ сложныхъ плацъ-парадныхъ ученій и церемоніальнаго марша. Какъ дѣйствуетъ на солдата команда: «къ оружію!» и какъ подбадривается уставшій отъ продолжительной маршировки мушкатель, когда ружье со шелканіемъ вскидывается имъ на плечо, и когда, каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ разойтись, еще разъ промаршируетъ передъ своимъ начальствомъ! И вотъ все это совмѣстно съ другими чудесами плацъ-параднаго искусства должно отойти въ область преданій, что, по ихъ мнѣнію, приведетъ къ паденію дисциплины или, по крайней мѣрѣ, сильно подорветъ ее, а дальше, какъ необходимое слѣдствіе, наступитъ и полное разложеніе покрытой славой нѣмецкой арміи. Откуда взяться строгой дисциплинѣ и безусловному повиновенію, когда уничтожаются ихъ источники, эти безконечныя, однообразныя строевыя упражненія съ ихъ желѣзной муштрой, — источники, которые одни ведутъ къ непрерывному развитію тѣлесной силы и укрѣпленію воли, которые одни оберегаютъ солдата отъ необдуманныхъ поступковъ, нарушеній воинскаго долга и преступленій. И каковы будутъ люди запаса и ополченія, если сама дѣйствительная служба не можетъ дать увѣренности въ строгой дисциплинированности солдатъ!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было много офицеровъ, особенно среди моло-

дежи, которые не скрывали своей радости по поводу наступивших переменъ; нашлись даже такіе, которые высказывались въ пользу полного уничтоженія парадной выправки и такимъ образомъ, по моему мнѣнію, ударились въ другую крайность. Они усматривали въ строевыхъ маневрированіяхъ лишь тяжелую, сопряженную съ бесполезной тратой времени обязанность и привѣтствовали возможность посвятить выигранное время другимъ важнымъ отраслямъ службы; они не боялись за дисциплину; она, съ ихъ точки зрѣнія, основывается не на муштрѣ, но единственно на воспитаніи, потому что любовь къ королю и отечеству, любовь къ службѣ, равно какъ врожденное чувство чести образуютъ ту почву, на которой вырастаетъ безусловное, радостно-свободное повиновеніе.

Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ десять лѣтъ, и эти годы многому насъ научили. Мы видѣли, что армія во всѣхъ отношеніяхъ осталась вѣрна старымъ традиціямъ, и что съ одной стороны ошибочно придавать муштрѣ слишкомъ высокую оцѣнку, а съ другой — нельзя воспитанію приписывать столь незначительную роль. Въ настоящее время никто больше не спрашиваетъ: „муштра или воспитаніе?“ Теперь просто говорятъ о муштрѣ и воспитаніи, и это вполне естественно.

Рекрутъ, при своемъ поступленіи въ армію, не отличается вообще физической крѣпостью, такъ какъ сообразно особенностямъ гражданской жизни развитіе его односторонне; да онъ и не привыкъ ставить особенно большихъ требованій въ отношеніи физическихъ силъ и развивать свою работоспособность до крайнихъ предѣловъ. Чтобы заставить его вступитъ на этотъ путь, необходима строгая, постепенно усиливающаяся строевая подготовка другими словами — необходима такъ наз. муштра. Члены должны получить гибкость и ловкость, такъ чтобы каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ могли исполнять свои функціи; мускульная система должна быть равномерно развита, чтобы ни одинъ членъ не отказывался служить, и чтобы рекрутъ вѣрилъ къ своимъ собственнымъ силамъ.

Но рекрутъ былъ бы только наполовину солдатъ, если бы онъ былъ лишенъ той моральной силы, которая выражается въ бодрѣнномъ чувствѣ чести и въ развитомъ сознаніи долга, въ желѣзной энергіи и силѣ воли, въ мужественной гордости или, если это лучше звучитъ, въ гордой мужественности, благодаря которой

онъ можетъ преодолѣть всякій приступъ слабости. Но научаются этому не въ школѣ муштры, — это есть исключительно плодъ воспитанія съ помощью примѣровъ, обученія, поощренія и, если нужно, путемъ наказанія.

Да, муштра и воспитаніе должны идти рука объ руку, какъ два вѣрныхъ, неразлучныхъ товарища, всегда готовыхъ помочь другъ другу и оказать поддержку. Солдату, высокая задача котораго — защищать престолъ и отечество отъ враговъ внутреннихъ и внешнихъ, необходимо имѣть крѣпкое тѣло и желѣзное здоровье, разъ онъ долженъ бороться съ трудностями походной жизни, усталостью, лишениями, чтобы не сдѣлаться жертвой болѣзни и не промѣнять боевую славу на лазаретъ. Но въ не меньшей степени солдатъ долженъ обладать также и несокрушимымъ духомъ, отвагой, рѣшительностью и неустрашимостью, чтобы безъ страха и робости онъ могъ открыто смотрѣть въ глаза смерти; наконецъ, онъ долженъ быть проникнутъ преданной вѣрностью къ Верховному военному главѣ, быть воодушевленъ готовой на жертвы любовью къ нашему дорогому отечеству, съ радостью отдать свою жизнь за эти святые блага и, въ случаѣ нужды, твердой и увѣренной рукой направить свое оружіе для преодоленія врага внутренняго.

Сознавая это, нашъ строевой пѣхотный уставъ требуетъ и муштры и воспитанія. Правда, оба эти термина не упоминаются нигдѣ, но всюду уставъ требуетъ отъ солдата такихъ качествъ, которые ясно показываютъ, что здѣсь имѣются въ виду какъ моральная сила, такъ и физическая работоспособность, и, значитъ, уставъ одинаково высоко ставитъ и муштру и воспитаніе.

Приведемъ только слѣдующ.: во II-ой ч. Уст. ст. 88 гласитъ: «Существенная задача военнаго дѣла въ мирное время — это утвердить и развить духовную сторону войскъ и для этой цѣли, такъ же какъ и для поддержанія дисциплины пользоваться всѣми годными средствами».

И въ другомъ мѣстѣ высказано требованіе, чтобы «солдатъ стоялъ подъ непріятельскимъ огнемъ, не отвѣчая на него». Еще рѣзче выражены цѣнность и значеніе моральнаго элемента въ новомъ уставѣ 1906 г. См. II ч. ст. 16, 19 и др.

Все это задачи, которые можетъ выполнить лишь тотъ, чье тѣло закалено въ муштрѣ, чья воля силой воспитанія сдѣлалась господиномъ надъ тѣломъ и подавляетъ всякій приступъ слабости.

Быть солдатомъ—вовсе не значить носить только королевскій мундиръ вмѣсто статскаго платья, упражняться въ употребленіи оружія больше изъ привычки, чѣмъ изъ любви къ дѣлу, не значить—повторяю повиноваться изъ страха предъ наказаніемъ и играть роль безличнаго существа—вѣдь это было бы только подобіемъ жизни; нѣтъ, быть солдатомъ—значить привить внутренней сущности человѣка военныя доблести, значить по-военному думать, чувствовать и дѣйствовать, любить своего государя и отечество до послѣдняго издыханія.

Быть солдатомъ не значить украсить себя на короткое время дѣйствительной службы внѣшними солдатскими отличіями, а впитать въ себя, въ плоть и кровь, усвоенное на службѣ и прочно удержать его такъ, чтобы во всякое время быть готовымъ слѣдовать призыву Верховнаго повелителя, будь то для славы и почета въ жизни или для славной смерти героя на кровавомъ полѣ битвы.

Какія слова въ 2-мъ явл. «Лагеря Валленштейна» влагаает Шиллеръ въ уста первому кирасиру и обоимъ охотникамъ?

Такъ! И поэтому каждый солдатъ
Долженъ быть честенъ въ душѣ, благороденъ.
Или солдатомъ онъ быть не пригоденъ.
Ежели ставлю я жизнь на угадъ,
Долженъ же быть я другого достойнѣй
Въ чемъ-нибудь,—или не битвой, а бойней
Станетъ борьба, и солдатъ какъ кроать
Шею подставить.

Честь жизни дороже!

(Перев. Л. Мея).

Дай Богъ, чтобы каждый изъ нашихъ солдатъ научился такъ говорить, и чтобы полный глубокаго убѣжденія, онъ продолжалъ это говорить и тогда, когда онъ уже не состоитъ больше на службѣ ни въ регулярныхъ войскахъ, ни въ ополченія и уже давно спокойно занимается своимъ частнымъ дѣломъ; дай Богъ, чтобы онъ и дѣтей своихъ училъ такъ говорить!

Въ достиженіи этой цѣли заключается задача ротнаго, эскадроннаго и батарейнаго командировъ въ сотрудничествѣ съ офицерами и унтеръ-офицерами; дѣйствительно, это прекрасная цѣль, вполне заслуживающая затраты труда, работы и всякаго пожертвованія собственнымъ удобствомъ; награда—удовлетвореніе и признательность

начальства, сознание, что воспитатель для отечества достойныхъ сыновъ. И тѣмъ не менѣе, считаясь съ печальнымъ фактомъ, что идеальныя блага—престоль, отечество, семейныя привязанности и истинный національный духъ—становятся нашему народу все болѣе и болѣе чуждыми, и что идея или надежда на равенство, свободу и братство, въ социаль-демократическомъ смыслѣ, овладѣли умами широкихъ массъ, нѣкоторые ротные и др. командиры безпомощно опускаютъ руки: слишкомъ поздно, по ихъ мнѣнію, создавать новыя времена или оживить старыя. Такой образъ мыслей, по-моему, есть признаніе собственного безсилія, и это естественно парализуетъ энергію и бодрость. Чѣмъ выше громоздятся волны, тѣмъ глубже чувство побѣды; чѣмъ труднѣе посѣвъ, тѣмъ пріятнѣе жатва. Итакъ, смѣлѣе за работу! Гдѣ тотъ морякъ, который не дѣлалъ бы смѣлыхъ попытокъ спасти погружающееся судно? Гдѣ тотъ земледѣлецъ, который сложа спокойно руки, и равнодушно смотритъ на разыгравшіяся враждебныя силы природы, готовыя уничтожить плоды его тяжелаго труда? И неужели же долженъ патріотъ-офицеръ стоять въ сторонѣ, не протягивая руку помощи, пока еще не поздно, въ то время какъ духъ революціи свирѣпствуетъ въ нѣдрахъ собственного народа.

Нѣтъ, именно потому, что народъ боленъ, его должно лечить, и нѣтъ ничего, лучше отвѣчающаго этой цѣли, какъ народная „школа армія“, и нѣтъ никого, кто бы могъ лучше выполнить это дѣло, чѣмъ ротный командиръ и нѣтъ ничего полезнѣе воспитанія, основаннаго на примѣрахъ и обученіи.

Итакъ, муштра и воспитаніе—вотъ средства выработать изъ человѣка солдата. Какая разница съ одной стороны между солдатомъ,—безупречнымъ наѣздникомъ, строевикомъ, стрѣлкомъ и т. д., убѣгающимъ или скрывающимся отъ опасности грозящей ему на полѣ битвы и тѣмъ, который, быть можетъ, не такъ хорошъ на парадѣ, но который такъ крѣпокъ духомъ, что не моргнетъ и глазомъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль и въ оглушительномъ громѣ орудій.

ВОСПИТАНИЕ.

А. Общая часть.

Воспитанию солдата придают все еще слишком мало значения. Причина этого, по моему мнению, коренится в том, что при всех наших смотрах имется в виду всегда только внешность и лишь за редкими исключениями военный дух; кроме того офицеры боятся связать воспитание с политикой, которой конечно солдат заниматься не должен. Вопросъ об удобствах также играет здѣсь нѣкоторую роль: вѣдь надо сознаться, что чѣмъ сырьѣ матеріалъ воспитанія, тѣмъ труднѣе само воспитаніе. Но какъ бы то ни было, ничто не можетъ освободить офицера отъ обязанности быть воспитателемъ,—я иду даже дальше, и утверждаю, что офицеръ, обнаруживающій къ этому равнодушіе, недобросовѣстно выполняетъ свой долгъ или не имѣетъ вѣрнаго представленія о службѣ. Что касается меня, то я въ качествѣ полкового командира производилъ бы на каждомъ смотрѣ основательное изслѣдованіе въ этомъ направленіи, и счелъ бы отвѣчающими своему назначенію только тѣхъ, которые стоятъ на должной высотѣ въ отношеніи практической службы и въ дѣлѣ воспитанія.

Съ того момента какъ смотръ будетъ производиться такимъ образомъ, должна будетъ сама по себѣ отпасть рассчитанная на награды безконечная муштра, и каждый ротный командиръ будетъ безъ сомнѣнія одинаково заботиться какъ объ укрѣпленіи въ солдатахъ моральной силы, такъ и объ очищеніи ихъ взглядовъ на престолъ и отечество, на обязанность и велѣнія совѣсти отъ всякой вредной примѣси.

Поступающіе къ намъ рекруты еще не представляютъ изъ себя сознательныхъ социаль-демократовъ, по крайней мѣрѣ въ большей

ихъ части, это только такъ называемые „Mitläufer“, которые помогаютъ кричать; они точно также примкнули бы, не колеблясь, къ возгласу ура въ честь Его Величества Государя Императора. Вновь вернуть ихъ отечеству и армію вовсе не трудно, какъ не трудно съ другой стороны толкнуть ихъ въ объятія социаль-демократіи, если обращеніе съ ними будетъ неправильное или недостойное. Труднѣе конечно работать надъ другими, но и здѣсь ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о невозможности.

Воспитаніе въ духѣ вѣрности Государю ничего общаго съ политикой не имѣетъ, по крайней мѣрѣ съ той политикой, которая для арміи недоступна.

Политика лишь тамъ на лицо, гдѣ затрагиваются вопросы развитія государственнаго хозяйства или гдѣ критически разсматриваются отношенія международныя. Но воспитаніе въ духѣ вѣрности королю и любви къ отечеству вовсе не заключаетъ въ себѣ элементовъ политики, а потому офицеръ можетъ спокойно показать своимъ подчиненнымъ тѣ подводные камни, о которые долженъ разбиться государственныи корабль, если ихъ не устранить или обойти,—да, онъ не только можетъ, но и долженъ—въ этомъ его безусловная обязанность.

Неподвижности нѣтъ ни въ одной области, а потому намъ необходимо ясно понять, что все тѣ, которыхъ мы не спасемъ отъ бездны, на краю которой они висятъ, неминуемо попадутъ въ руки социаль-демократіи.

Время, когда отецъ, отправляя своего распущеннаго сына въ полкъ, говорилъ:—„Ну, подожди, на службѣ выбьютъ тебѣ дурь изъ головы“; это время прошло. Теперь отецъ говоритъ сыну:—„Никто не смѣетъ тебя оскорбить, ни пальцемъ тронуть, въ случаѣ малѣйшей несправедливости можешь тотчасъ жаловаться или донести“, и рекрутъ ждетъ лишь того момента, когда онъ законно будетъ преслѣдовать своего начальника.

Мы живемъ теперь въ другое время, а поэтому и средства требуются другіе. Воспитателю приходится отъ многого отрѣшиться и примѣнять многое, что прежде не примѣнялось.

Прежде чѣмъ вставить дерево въ станокъ, токарь его подготавливаетъ, прежде чѣмъ приладить камень на мѣсто, строитель его обрабатываетъ—при этомъ оба пользуются тѣми средствами, которыя ведутъ къ достиженію цѣли. Точно также и воспитатель

армія обязанъ изыскивать способы, могущіе изъ испорченнаго сына народа, сдѣлать дѣльнаго и годнаго солдата, превратить въ мечъ для защиты отечества въ борьбѣ на два фронта.

Эти средства сводятся къ мѣрамъ отрицательнымъ и положительнымъ.

Б. Мѣры отрицательныя.

Корень всего зла въ нашемъ народѣ кроется въ недовольствѣ, въ ужасающей мѣрѣ охватившемъ, благодаря упорному подстрекательству бесовѣстныхъ агитаторовъ, широкія массы и служащемъ источникомъ корыстолюбія и жадности, сопротивленія государственнымъ властямъ и явнаго неуваженія къ закону и праву. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ также и вѣра во всѣ идеальныя блага — Бога, Государя и отечество, въ отца и мать, въ семью въ болѣе тѣсномъ смыслѣ и въ нераздѣльность народа.

Съ такимъ недовольствомъ въ душѣ, быть можетъ даже съ ненавистью, поступаетъ рекрутъ въ армію — и не можетъ воспринять благого ученія прежде, чѣмъ не будутъ изъ него изгнаны эти злые духи.

Лишь тогда можно молодому солдату открыть глаза на его высокія задачи и внушить чувство радости и воодушевленія, безъ которыхъ онъ не въ силахъ выполнять своихъ тяжелыхъ, но славныхъ обязанностей, когда онъ сталъ доволенъ и обрѣлъ нѣкоторое удовлетвореніе.

На этой почвѣ вырастаетъ безусловная необходимость ради цѣлей воспитанія избѣгать всего возбуждающаго и усиливающаго чувство недовольства, а напротивъ предпринимать все, ведущее къ удовлетворенности.

а) Грубое обращеніе, оскорбленія и насиліе.

Ничто такъ скоро не вызываетъ въ насъ чувства непріязни и вытекающаго изъ него недовольства, какъ дурное отношеніе со стороны руководителей и сотрудниковъ; такъ-же и въ арміи не-

довольство по отношенію къ начальникамъ и товарищамъ складывается въ слѣдствіе того, что вмѣсто привѣтливости и дружескаго слова ободренія, доброты и снисходительности, мы испытываемъ на себѣ — выражаясь образно — тяжесть ежевой рукавицы.

Такъ бываетъ со всякимъ, — тѣмъ болѣе съ рекрутомъ, вступающимъ въ совершенно новыя, чуждыя ему отношенія; какъ всякій юноша, онъ полонъ жажды жизни и видитъ все въ розовомъ свѣтѣ

Если обращеніе съ нами оказываетъ большое влияніе на барометрическую высоту нашего настроенія, то ясно, что оно, повышается въ зависимости отъ всего хорошаго, что выпало на нашу долю, и падаетъ тѣмъ ниже, чѣмъ чаще приходится незаслуженно терпѣть обиды, страдать отъ капризовъ начальства или товарищей.

Поэтому, начальники всѣхъ степеней должны прежде всего дѣлать все возможное, чтобы солдатъ чувствовалъ себя въ арміи, какъ дома (объ этомъ мы поговоримъ ниже) и избѣгать всего, влекущаго за собою недовольство или нелюбовь къ службѣ.

Къ сожалѣнію, на казарменномъ дворѣ все еще раздаются крики, грубыя ругательства, все еще нѣтъ-нѣтъ да потянется рука, чтобъ толкнуть или ударить; все еще есть унтеръ-офицеры, постоянно, вполне сознательно прибѣгающіе въ чрезвычайно грубой формѣ, къ жестокимъ проявленіямъ насилія.

Что хорошаго можетъ изъ этого выйти? Неужели отъ подобнаго образа дѣйствія повысится любовь къ службѣ и закопная гордость солдата? Неужели такое недостойное обращеніе поможетъ несчастному быстрѣе соображать, лучше учиться, быть прилежнѣе? Развѣ удары и пинки, ругань и бранныя слова способны сразу сдѣлать человѣка неуклюжаго или недалекаго болѣе ловкимъ или умнымъ? — Конечно, нѣтъ. — Да въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же такъ поступать? Тогда это не больше, какъ необузданная игра каприза или, еще хуже, выраженіе изменнаго образа мыслей, находящаго больше удовольствія въ явной грубости, чѣмъ въ сердечномъ отношеніи.

Каждая причина имѣетъ слѣдствіе; если насиліе не приноситъ пользы, то, значитъ, оно вредно, — середины нѣтъ; дѣйствительно, и въ повседневной жизни, и въ прессѣ, и въ рейхстагѣ мы находимъ доказательства того, какіе горькіе плоды приноситъ подобное сѣмя.

Мы всё прекрасно знаем, что социаль-демократы питают жгучую ненависть къ арміи; но объ армію, какъ о несокрушимую скалу, будутъ разбиваться всё помыслы о переворотѣ, пока ея вѣрность государю и государственному строю не поколеблена, и ея отточенное оружіе готово поразить любого врага, откуда бы онъ ни пришелъ,— до тѣхъ поръ социаль-демократія безсильна, несмотря на ея широкое развитіе. Вотъ почему на ихъ знаменахъ начертано: „Долой армію!“, вотъ почему они травятъ и возбуждаютъ ее, не останавливаясь ни предъ извращеніемъ фактовъ, ни даже предъ гнусной ложью,— лишь-бы волновать массы и подрывать уваженіе къ арміи.

Въ то время какъ несправедливость, имѣвшая мѣсто въ арміи, вызываетъ въ душѣ истиннаго патріота, сознательнаго нѣмца, вѣрнаго своему государю, глубокое и неподдѣльное чувство боли, социаль-демократъ, несмотря на все его наружное возмущеніе, въ тайнѣ радуется этому: въ самомъ дѣлѣ, не сама ли армія дала ему поводъ торжествовать и возможность извлечь выгоду для своей партіи?

Очевидно, что неподходящій образъ дѣйствій, порождая кругомъ недовольство, влечетъ за собой множество нежелательныхъ послѣдствій; поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что оскорбленія, обиды, насиліе и т. д. не только не приносятъ ни малѣйшей пользы, но служатъ источникомъ неисчислимаго вреда для общаго блага государства.

Непонятно и прямо непостижимо то обстоятельство, что все еще есть такія начальствующія лица, которыя своими промахами усиливаютъ социаль-демократію,— этого внутренняго врага отечества; между тѣмъ, при всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, они должны были бы имѣть въ виду необходимость защиты престола и государства не только отъ враговъ внѣшнихъ, но, быть можетъ, еще въ большей мѣрѣ отъ опаснаго внутренняго врага. Что за польза, напримѣръ, оберегать строеніе отъ внѣшнихъ бушующихъ силъ природы, какъ буря, ударъ молніи, наводненіе и т. п., если внутри его ведутъ свою разрушительную работу червь и плѣсень?

Итакъ: стыдъ и срамъ тому начальнику, который еще не научился владѣть собою и сдерживать свою вспыльчивость въ должныхъ границахъ, ибо этимъ онъ не исполняетъ своей главнѣйшей обязан-

ности. Въ качествѣ воспитательныхъ мѣръ, предоставленныхъ въ распоряженіе начальства, отнюдь не должны быть ни рѣзкости, ни неистовства и проклятія, ни ругань и оскорбленія, ни незаконныя дѣйствія и насиліе, ни грубости и низость; напротивъ: добрый примѣръ, отеческое отношеніе, снисходительность, спокойное, дѣльное обученіе и наставленіе, серьезное поощреніе и совѣты, и, когда слѣдуетъ, справедливое наказаніе,— вотъ средства, ведущія къ цѣли.

Не надо забывать, что рекрутъ никогда или въ очень рѣдкихъ случаяхъ руководится въ своихъ поступкахъ злой волей. Люди одарены отъ природы далеко не одинаково физически и духовно; вполне естественно, что одинъ быстрѣ схватываетъ и усваиваетъ, чѣмъ другой, и что менѣе способные остаются далеко позади своихъ счастливыхъ товарищей. Нѣтъ сомнѣнія, что они не мало страдаютъ въ душѣ отъ этого—о чемъ свидѣтельствуютъ случаи самоубійства—они мучаются отъ сознанія своей глупости или неловкости и много дали бы, чтобы быть похожими на преуспѣвающихъ. Развѣ не грѣшно, бичуя недостойнымъ обращеніемъ, еще болѣе усугублять и безъ того тяжелое положеніе несчастныхъ, вмѣсто того, чтобы привѣтливимъ словомъ ободренія помочь имъ воспрянуть духомъ? Воспитатель, прибѣгающій къ такимъ средствамъ, не на своемъ мѣстѣ, потому что онъ самъ еще не воспитанъ, и нужно только радоваться, что армія, по мѣрѣ возможности, избавляется отъ подобныхъ учителей.

Каждый случай насилія, стараніями социаль-демократіи, дѣлается достояніемъ печати; его нельзя скрыть, и подобно искрѣ, брошенной въ кучу пороха, онъ захватываетъ не только лицъ, прикосновенныхъ къ нему, но и болѣе отдаленные слои. И вотъ, тономъ искренняго убѣжденія выкрикиваетъ въ рейхстагѣ социаль-демократъ, обращаясь къ своимъ избирателямъ и всѣмъ желающимъ: „Смотрите, какъ обращаются съ вашими сыновьями и братьями; тѣхъ, которые исполняютъ такъ называемыя священные обязанности, которые оторваны отъ семьи и работы для служенія государству,—ихъ начальство тиранитъ и топчетъ ногами. Не нужно намъ больше арміи, хотимъ вольно-наемныхъ, хотимъ милицію!“ Такъ путемъ насилій и пр. подрывается уваженіе къ арміи и безъ конца создаются враги въ собственной странѣ. Повода для этого никто не долженъ подавать, менѣе же

всего начальнигъ,—солдатъ по призванію. Поэтому, пусть будетъ положенъ конецъ всякому проявленію недостойнаго образа дѣйствія, какъ бы оно ни было незначительно и ничтожно.

б) Поддразниванія.

Большой популярностью пользуются у офицеровъ и унтеръ-офицеровъ поддразниванія и издѣвательства. Хотя сами по себѣ они и безобидны и по буквѣ закона не наказуемы, но тѣмъ не менѣе въ нихъ скрывается опасность, въ особенности если они вызываются физической пеловкостью или ограниченностью.

Осмѣиваемый становится жертвой издѣвательства и глумленія со стороны своихъ же товарищей,—вотъ въ чемъ заключается все зло, и никакъ нельзя предвидѣть, что изъ этого можетъ выйти; несчастный безпомощенъ: или онъ не умѣетъ защищаться тѣмъ же оружіемъ, или падъ нимъ одерживаетъ верхъ превосходство силъ,—онъ одинъ противъ многихъ.

Люди по своей внутренней организаціи, характеру сильно отличаются другъ отъ друга, и въ силу этого одна и та же причина, въ зависимости отъ нашихъ внутреннихъ свойствъ имѣетъ различныя слѣдствія. Такъ, на примѣръ, потеря состоянія заставитъ одного обратиться къ револьверу, чтобы покончить съ собой; второго — лишиться разсудка; третій будетъ искать богатую жену, а четвертый просто скажетъ: „слава Богу, я еще въ силахъ трудиться и зарабатывать“!

Дѣйствіе насмѣшки такъ-же различно: она нечувствительна для человѣка, умѣющаго постоять за себя; можно думать, она не задѣваетъ кроткаго и терпѣливаго по природѣ; побуждаетъ къ насилию вспыльчиваго, будитъ жажду мести въ человѣкѣ хитромъ и т. д. Недовольство она вызываетъ въ каждомъ, потому что осмѣиваемый никогда не чувствуетъ себя хорошо. Вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшка теряетъ свой характеръ безобидности, а потому каждый начальникъ долженъ всѣми силами избѣгать путемъ насмѣшки разоблачать слабыя стороны своихъ подчиненныхъ, такъ какъ это вмѣсто любви внушаетъ имъ ненависть и безъ сомнѣнія, дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, однимъ недовольнымъ, однимъ социаль-демократомъ больше.

в) Высокомѣріе и мягкосердіе.

Я здѣсь сваливаю въ одну кучу двѣ совершенно противоположныя вещи, но мы знаемъ, что крайности сходятся. Если желательно, чтобы подчиненный уважалъ и любилъ своего начальника, то этому послѣднему надлежитъ не дѣлать того, что способно вызвать противоположныя чувства. Понятно, что на почвѣ высокомѣрія одного по отношенію къ другому, ниже стоящему, вырастаетъ та стѣна, которая тѣмъ несокрушимѣе, чѣмъ она выше, и, напротивъ, мягкосердіе, въ своемъ отрицаніи этой самой стѣны, доводитъ отношенія до полного равенства. И тотъ и другой путь безусловно ложны. Если вслѣдствіе отчужденности, вносимой высокомѣріемъ, подчиненный теряетъ всякое довѣріе къ своему начальнику, пугливо отступаетъ передъ нимъ, даже, быть можетъ, боится его, — то, съ другой стороны, излишняя мягкость ведетъ къ тому, что подчиненный перестаетъ сознавать отдѣляющее его разстояніе и теряетъ то уваженіе, съ которымъ онъ обязанъ относиться къ начальнику; онъ становится дерзкимъ и при случаѣ невольно нарушаетъ требованія почтительности, такъ какъ не имѣетъ представленія о своемъ долгѣ по отношенію къ начальнику.

Случай, когда подчиненный подвергается наказанію за ослушаніе или непочтительность, нерѣдко коренятся въ неправильномъ образѣ дѣйствія какого-нибудь начальника, и самое худшее здѣсь то, что первый часто не сознаетъ своей неправоты, — слишкомъ крѣпка въ немъ увѣренность, что онъ ничего дурнаго не имѣлъ въ виду, и не думалъ, что совершаетъ что-нибудь нехорошее. И вотъ въ немъ растетъ злоба и недовольство, и социаль-демократъ готовъ.

Высокомѣріе раздражаетъ, потому что уязвляетъ и оскорбляетъ; мягкосердіе дѣйствуетъ вызывающе: результаты того и другого одинаковы.

В. Мѣропріятія положительныя.

Само собой разумѣется, что мѣры, долженствующія подавлять недовольство и вызывать къ жизни чувство удовлетворенности, гораздо

многочисленіе тѣхъ промаховъ, благодаря которымъ первому очищается путь, а второе убивается. Поэтому я вынужденъ дать имъ больше мѣста.

а) Пріемъ.

Съ сердечнымъ трепетомъ вступаетъ рекрутъ въ совершенно чуждый ему міръ. Быть можетъ, съ тяжелымъ сердцемъ, покинулъ онъ родительскій домъ или оставилъ на родинѣ дорогія ему привязанности. Конечно, ему рассказывали объ арміи, но то, что онъ слышалъ, не могло дать ему яснаго представленія о ней. Одни знали только страданія, другіе только радости, иные же не жалѣли красокъ—ни яркихъ, ни темныхъ. Какъ бы то ни было, идетъ ли одинъ смѣло и рѣшительно на встрѣчу будущему, овладѣли ли другимъ мрачныя представленія, оба они подъ властью ожиданія того, что имъ предстоитъ, и мысли о томъ, что они оставили дома.

При такомъ душевномъ состояніи, пріемъ, оказанный въ полку и казармѣ, имѣетъ для многихъ, если не для большинства, рѣшающее значеніе; это — первое впечатлѣніе, которое получаетъ солдатъ.

Несмотря на наступившія въ наше время социальныя перемѣны, встрѣчаются еще и теперь такъ, называемые, маменькины сынки, которые не могутъ подавить въ себѣ тоски по дому, если находятся далеко отъ маменькиной юбки. Вотъ почему прямо грѣшно оказывать этимъ юношамъ суровый пріемъ, карать ихъ слабости и дѣлать ихъ мишенью для глумленія товарищей вмѣсто того, чтобы ободрить ихъ привѣтливымъ словомъ, утѣшить и показать, что и въ ротѣ они могутъ себя чувствовать хорошо. Допустимъ, что подобныя слабости недостойны мужчины, но не надо забывать, что рекрутъ еще долженъ сдѣлаться мужемъ.

Слово утѣшенія, исходящее отъ искренней, сочувствующей души имѣетъ большую силу и всегда находитъ себѣ откликъ въ другой душѣ, — это я знаю изъ опыта. 16-ти лѣтнимъ юношей, я поступилъ, къ великой моей радости, въ резервный батальонъ—это было въ 1870 году—и уже четыре недѣли спустя мнѣ посчастливилось быть отправленнымъ вслѣдъ за выступавшимъ въ походъ полкомъ. Но какъ меня тамъ приняли! Свой полкъ нашелъ я стоящимъ на третьей линіи у Меца, а роту, къ которой былъ причисленъ, въ брошенномъ на произволъ судьбы имѣніи,

представлявшимъ изъ себя полное опустошеніе. Офицеры равнодушно проходили мимо меня, ни разу не подошли ко мнѣ съ ласковымъ словомъ, а мушкеры были иногда суровы. Мною овладѣло чувство одиночества, я забился въ уголъ и заплакалъ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ одинъ запасный унтеръ-офицеръ, бывший вольноопредѣляющійся и сталъ ласково гладить меня по волосамъ, его полныя любви утѣшенія вдохнули въ меня спокойствіе и бодрость. Въ тотъ же моментъ преодолѣлъ я этотъ приступъ слабости, который уже больше никогда не возвращался. А унтеръ-офицеръ сталъ пользоваться съ тѣхъ поръ моей любовью, уваженіемъ и почетомъ. Кто знаетъ, что было бы со мной, во что бы вылилось мое дальнѣйшее развитіе, если бы въ эту тяжелую минуту надо мной надругались и насмѣялись, если бы, при испытанномъ мною страданіи, понятномъ и вполне естественномъ въ виду моей юности, со мной обошлись бы грубо.

Немало начальниковъ и товарищей грѣшны въ этомъ отношеніи, погубивъ нѣжный цвѣтокъ любви къ положенію солдата. Для жизни всякаго существа необходимы свѣтъ и воздухъ,—этого не слѣдуетъ забывать и намъ, воспитателямъ народа; поэтому солдатъ не только не можетъ быть лишень того или другого блага, но, напротивъ, мы должны стараться окружить его атмосферой теплоты и любви.

Да, первая встрѣча, первое привѣтствіе, обращенное къ рекруту, является рѣшающимъ моментомъ его жизни и развитія. Съ первыхъ же шаговъ онъ долженъ почувствовать, что, оставивъ родителей, родственниковъ и друзей, онъ въ своей новой семьѣ вновь обрѣтаетъ въ лицѣ командира-отца, защитника, покровителя и совѣтника, въ лицѣ товарищей-вѣрныхъ, всегда готовыхъ помочь друзьямъ. Правда, все ему ново и чуждо, но горе, если имъ овладѣетъ чувство одиночества и безпомощности.

Молодой солдатъ, воспитанный въ такомъ пменно духѣ, будетъ въ послѣдствіи самъ примѣнять ту же систему въ отношеніи ко вновь поступающимъ рекрутамъ и вмѣсто издѣвательства приметъ новичковъ со всею радушіемъ, свойственнымъ настоящему товариществу. Раньше бывало практиковалось, что старослужащіе солдаты колотили ночью рекрутовъ, и этотъ дурной обычай переходилъ по традиціи отъ поколѣнія къ поколѣнію. Точно такимъ же образомъ могутъ проложить себѣ дорогу и добрые

правы, и уже первый день совместной жизни объединить старых солдатъ съ молодыми въ истинную военную семью. Въ этомъ именно направленіи должны дѣйствовать командиръ, офицеръ и унтеръ-офицеръ и въ этомъ же духѣ имъ слѣдуетъ воспитать себя.

Само собой разумѣется, одного „Добро пожаловать!“ еще очень мало; привѣтливая встрѣча требуетъ для полноты еще чисто внѣшнихъ проявленій. Необходимо, чтобъ рекрутъ чувствовалъ себя въ казармѣ, какъ дома. Для достиженія этой цѣли можно очень много сдѣлать. Украшай свой домъ! Правда, эти слова, благодаря профанирующему ихъ примѣненію въ рекламахъ, получили особый отъѣнокъ, но содержащійся въ нихъ внутренній смыслъ сохраняетъ свою силу и до сихъ поръ. Украшай жилище своихъ солдатъ, своихъ рекрутъ! Пусть этотъ призывъ до тѣхъ поръ звучитъ въ ушахъ командира, пока онъ не принесетъ плоды. При этомъ нельзя оправдывать свое бездѣйствіе ссылкой на недостатокъ средствъ и т. п. Было бы только желаніе, найдется и возможность привести его въ исполненіе, — хотя бы даже пришлось командиру открыть подписку. Что касается меня, то я прежде всего искалъ бы въ своихъ собственныхъ цѣнныхъ вещахъ подходящихъ картинъ или предметовъ украшенія, безъ которыхъ я могу обойтись, и къ Рождеству сдѣлалъ бы ротѣ подарокъ, заинтересовавъ этимъ вопросомъ офицеровъ, а такъ же и прикомандированныхъ къ ротѣ офицеровъ запаса и вольноопредѣляющихся. Конечно, казарма не можетъ сразу превратиться въ музей, но всетаки мало-по-малу исчезнутъ голыя стѣны корридоровъ и комнатъ; съ теченіемъ времени украшеній станетъ больше, вмѣстѣ съ этимъ увеличится уютность, чувство чего-то близкаго, родного и любовь къ домашней жизни.

Если только постоянная служба привязываетъ солдата къ казармѣ и удерживаетъ отъ распутнаго образа жизни, то онъ скорѣе похожъ на собаку на цѣпи или арестанта на каторжныхъ работахъ. Нѣтъ, желательнее, чтобы солдатъ самъ, по доброй волѣ, оставался дома, свободно отказывался отъ недозволенныхъ удовольствій и излишествъ, чувствуя себя хорошо только въ своей уютной казармѣ, въ кругу своихъ товарищей. Я ничуть не отрицаю, что нѣкоторые не любятъ уютной домашней жизни, и что именно поэтому ихъ постоянно тянетъ на улицу; — но что же это доказываетъ? Если украшениями казармы мы доставили удоволь-

ствію, хоть самому незначительному числу лицъ, то наша работа не пропала даромъ: во всякомъ случаѣ это обстоятельство не освобождаетъ насъ отъ необходимости продолжать свою дѣятельность въ томъ же направленіи. Если какой-нибудь рекрутъ осмѣлится высказать свое желаніе, наприимѣръ: остаться со своимъ другомъ въ одномъ и томъ же отдѣленіи или комнатѣ, — командиръ долженъ твердо помнить, что въ этой просьбѣ уже обнаруживается дѣтская довѣрчивость, и было бы большой ошибкой оставить желаніе неисполненнымъ или рѣзко обойтись съ просителемъ. Удовлетвореніе такой самой по себѣ незначительной просьбы доставляетъ начальнику уваженіе и плѣняетъ сердца многихъ, отказъ же сообщаетъ ему характеръ высокомерный и холодный и съ первыхъ же шаговъ отдѣляетъ отъ него какъ разъ самыхъ лучшихъ. Если же просьбы дѣйствительно нельзя исполнить, то нужно формулировать отказъ въ мягкихъ выраженіяхъ и изложить его основаніе спокойно и серьезно.

Отъ вопроса о жилищѣ переходимъ къ одеждѣ.

Прежде часто говорили: для рекрута все хорошо, онъ долженъ быть всемъ доволенъ! Теперь этого совсѣмъ не слышно, развѣ только по временамъ высказываются вслухъ подобныя мысли, но такое представленіе совершенно ложно. Вовсе не все пригодно для рекрута, а только самое лучшее.

Человѣкъ поступаетъ въ армію для исполненія своей священной гражданской обязанности и штатское платье, въ которомъ является рекрутъ, служить въ глазахъ многихъ доказательствомъ того, что человѣкъ знаетъ себѣ цѣну.

Какое разочарованіе, когда вмѣсто ожидаемой важной формы получаешь поношенные и даже, быть можетъ, не совсѣмъ опрятные сюртукъ и брюки. Это невольно отталкиваетъ. Лишь съ трудомъ удается подавить отвращеніе и надѣть такія вещи, а между тѣмъ люди разсуждаютъ: «званіе солдата должно быть почетно, солдатъ долженъ держать голову высоко и съ достоинствомъ». Интересно знать, откуда взятыя гордости въ такихъ лохмотьяхъ?

Само собою разумѣется, что невозможно давать новобранцу совершенно новую обмундировку, но какова бы она ни была, главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы всѣ эти вещи были опрятны, не рваны и вообще въ порядкѣ. Если и покоробить кого-нибудь необходимость носить и на службѣ заплатан-

Инв. № 20854

ный сюртукъ, то это еще ничего не значитъ: вѣдь всякій понимаетъ, что бережливость требуетъ использованія вещи до конца, да кромѣ того смущаютъ не заплата, а грязь и беспорядокъ, въ особенности первая источникъ неудовольствія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и одежда, въ зависимости отъ того, въ какомъ она состоянїи, или вызываетъ непрїятное чувство и недовольство или повышаетъ здоровое, законное самосознаніе солдата.

Слѣдующимъ не менѣе важнымъ факторомъ является пища. Хотя завѣдываніе кухней находится въ рукахъ особой комиссіи подъ руководствомъ командировъ, и регламентируется извѣстными правилами, тѣмъ не менѣе это не исключаетъ возможности участія командира роты или эскадрона. Въ самомъ дѣлѣ, командиры могутъ быть только благодарны за всякое данное имъ указаніе, потому что для нихъ должно быть важно исполненіе всѣхъ законныхъ требованій. Кушанье должно быть вкусно приготовлено, а то его не будутъ ѣсть съ должнымъ аппетитомъ, и люди будутъ испытывать голодь или, если средства позволяютъ, питаться на свой счетъ. Результаты такого положенія дѣль—очевидны. Солдатъ, недовольный уходомъ за нимъ, никогда не сытый вполнѣ, будетъ чувствовать себя нехорошо, и недовольство будетъ расти пропорціонально, нежеланію служить. Желудокъ играетъ въ человѣческой жизни большую роль,—говорятъ же, что путь къ сердцу идетъ черезъ желудокъ. Какъ бы абсурдно ни звучало такое заявленіе, надо сознаться, что патриотизмъ солдата приходитъ къ нему отчасти тоже черезъ желудокъ. Я того мнѣнія, что каждый командиръ роты и др. могутъ въ бесѣдѣ съ отдѣльными подчиненными—конечно, не въ присутствіи всѣхъ,—узнать, достаточно ли отпускается пищи, вкусна ли она, какія блюда они любятъ, какихъ не любятъ и т. д., и доложить объ этомъ командиру. Правда, среди завѣдующихъ кухней всегда есть низкіе люди, но опытъ показываетъ, что они никогда не выступаютъ открыто или опасаясь непрїятностей, или думая, что ихъ мнѣніе не будетъ принято во вниманіе.

Жилище, одежда и пища — вотъ три главныхъ элемента человѣческой жизни, главныя основы, гарантирующія продолжительность спокойнаго и прїятнаго самочувствія, которое лишь слегка можетъ быть омрачено во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Чѣмъ больше сдѣлано и дѣлается въ этомъ направленіи, тѣмъ ярче вы-

ступаетъ забота о подчиненныхъ, которая въ свою очередь вызываетъ любовь и довѣріе, и образуютъ ту почву, на которой, при надлежащей обработкѣ, сѣмена воспитанія дадутъ ростки, эти послѣдніе пышно расцвѣтутъ и принесутъ великолѣпные плоды.

б. Средства воспитанія.

1. Любовь къ службѣ.

Вопреки подстрекательствамъ и всевозможнымъ ложнымъ ученіямъ социаль-демократіи не удалось еще убить въ нашемъ народѣ доброе начало, и такимъ образомъ можно быть увѣреннымъ, что новобранцы, за немногими исключеніями, поступаютъ въ армію съ твердымъ намѣреніемъ свято исполнять свои обязанности и долгъ службы. При такихъ условіяхъ является легко осуществимой задача начальниковъ всѣхъ степеней — дать пищу доброму желанію и стараться поддерживать и укрѣплять эту готовность служить или насаждать и беречь ее, если ея еще нѣтъ. Это совсѣмъ не трудно, нужно только обуздать свои страсти и наряду съ человѣческимъ обращеніемъ не предъявлять чрезмѣрныхъ требованій; не гнать людей отъ одной работы къ другой и, какъ говорятъ, заучивать до смерти, а, напротивъ, заботиться о разнообразіи солдатской службы и о поощреніяхъ.

О томъ, какъ скверно дѣйствуютъ брань и крики, оскорбленія и насилія, я уже выше говорилъ; но отказаться отъ этихъ неправильныхъ приемовъ еще не значитъ, что все сдѣлано: необходима кромѣ этого и положительная работа.

Новобранецъ долженъ свыкнуться съ совершенно чуждымъ ему порядкомъ вещей, а это не дѣлается въ одинъ-два дня, нужно нѣкоторое время; естественно поэтому, если онъ первые дни грѣшитъ противъ требованій военнаго режима, и непривычная служба довольно быстро утомляетъ его тѣло. Понятно также и то, что эти признаки сказываются слабѣе у умственно развитыхъ, разумныхъ или ловкихъ въ физическомъ отношеніи, чѣмъ у глупыхъ и неповоротливыхъ, такъ что самъ собой намѣчается цѣлый рядъ всевозможныхъ переходовъ. Какъ людямъ интеллигентнымъ нельзя ставить въ заслугу ихъ способность быстро соображать, точно

такъ же было бы ошибкой упрекать недаровитаго за то, что онъ не успѣваетъ за первыми,—но къ сожалѣнію, и то и другое случается слишкомъ часто.

Съ точки зрѣнія человѣческой природы вполнѣ понятно обычное явленіе, что тѣ, которые быстрѣе усваиваютъ, пользуются у своихъ учителей большимъ расположеніемъ и любовью, чѣмъ другіе, но именно поэтому долженъ учитель или воспитатель, если они желаютъ быть справедливыми, не давать въ себѣ развиться пристрастію по отношенію къ однимъ и явному нерасположенію къ другимъ. Ничто такъ не вредитъ и подрываетъ уваженія, какъ несправедливость: человѣкъ чувствуетъ себя обиженнымъ, страдаетъ въ глубинѣ души, и его любовь къ службѣ умираетъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ подавленность его настроенія; хуже всего здѣсь то, что несправедливость колеблетъ довѣріе не только отдѣльныхъ личностей, но и всѣхъ вмѣстѣ, даже тѣхъ, кому оказано ранѣе предпочтеніе.

Отсталыхъ въ ученія необходимо двинуть впередъ путемъ постоянныхъ упражненій, и это всякому станетъ ясно, если онъ на помощь будетъ смотрѣть какъ на помощь, а не какъ на наказаніе. На учителяхъ лежитъ обязанность разъяснить солдатамъ эту разницу. Справедливая оцѣнка такого образа дѣйствія не замедлитъ сказаться, если замѣтятъ, что неспособнаго не бранятъ и не ругаютъ точно онъ являетъ собой цѣлый зоологическій садъ, но что его терпѣливо и спокойно учатъ.

Вотъ здѣсь то именно и можетъ начальникъ въ качествѣ воспитателя сдѣлать безконечно много — и хорошаго, и дурного, потому что какъ ругательство, такъ и привѣтливое слово ободренія доходятъ до ушей всѣхъ окружающихъ: первое оскорбляетъ всѣхъ, второе вселяетъ чувство радости и счастья; первое дѣлаетъ начальника чужимъ его подчиненнымъ, второе порождаетъ любовь и довѣріе; первое разрушаетъ, а второе возвышаетъ и усиливаетъ желаніе служить.

Къ чему въ самомъ дѣлѣ шумѣтъ и пзвергать проклятія? Отъ этого, какъ мы уже знаемъ, неспособный ни на шагъ не поведется впередъ, и если бы—паче чаянія—здѣсь дѣйствительно проявлялась злая воля, то во всякомъ случаѣ для преодоленія ея брань и проклятія могутъ служить какъ послѣднія средства; такіа стороны характера исчезаютъ только подъ вліяніемъ обученія и

поощренія и, если ужъ все испробовано, и путемъ наказанія. Нѣтъ человѣка, который бы такъ низко палъ, чтобы въ немъ не осталось и искорки добра; любого можно воспитать, пользуясь для этого средствами, отвѣчающими его внутреннимъ качествамъ.

Часто наши старанія остаются безъ результата; виновата въ этомъ наша человѣческая близорукость, которая, несмотря на самое серьезное размышленіе вводитъ насъ въ заблужденіе. Какъ врачъ, лечащій больного, долженъ опредѣлить родъ болѣзни, чтобы найти подходящее лекарство, такъ и воспитатель не долженъ руководствоваться только внѣшними проявленіями порока, а обратиться къ изслѣдованію его источника, чтобы парализовать его.

Ошибка врача въ опредѣленіи причины болѣзни естественно обуславливаетъ и невѣрный выборъ лекарствъ; точно такъ же, если воспитатель ошибается въ своихъ предположеніяхъ, то онъ ошибается, конечно, и въ примѣненныхъ средствахъ.

Изъ этого положенія вытекаетъ то необходимое требованіе, чтобы воспитатель не былъ связанъ разъ навсегда установленными правилами, а изучалъ своихъ воспитанниковъ и дѣйствовалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразуясь съ результатами своихъ наблюденій. Но какъ это выполнить? Въ качествѣ основного матеріала могутъ служить біографіи новобранцевъ, которыя должны быть составлены въ теченіе первыхъ же дней. Эти біографіи проникнуты еще искренностью и въ зависимости отъ полученнаго школьнаго образованія представляютъ болѣе или менѣе яркое отраженіе духовной жизни. Чего въ нихъ нѣтъ, должно быть дополнено съ помощью бесѣды.

Воспитателю вмѣняется въ обязанность разузнать, откуда происходитъ рекрутъ, какіе люди его окружали, и главнымъ образомъ обстоятельства, оказавшія вліяніе на его развитіе и жизнь; онъ долженъ имѣть свѣдѣнія о его профессіи, занятіяхъ, товарищахъ и союзахъ, съ которыми или въ которыхъ онъ проводилъ время, если хочетъ найти надлежащіе пути, чтобы вѣрно и неуклонно вести своего воспитанника къ цѣли. Только серьезное отношеніе къ дѣлу даетъ возможность видѣть рядомъ съ бросающейся въ глаза причиной и скрытое дѣйствіе, только оно находитъ настоящее средство исцѣленія.

Итакъ, чтобы создать или поддержать любовь къ службѣ,

слѣдуетъ остерегаться ложныхъ путей, ведущихъ всегда къ противоположнымъ результатамъ.

Пусть же воспитатель будетъ по отношенію къ слабому добрымъ и мягкимъ, готовымъ ободрить и помочь; по отношенію къ безпомощному—совѣтникомъ и заступникомъ; споткнувшемуся—крѣпкой и вѣрной опорой; къ павшему—справедливымъ судьей, но за то и добрымъ руководителемъ; пусть его гнѣвъ, даже справедливымъ, никогда не выйдетъ, подъ вліяніемъ минуты, изъ границъ должнаго, и пусть онъ будетъ далеко-далеко отъ криковъ, брани, бѣшенства, проклятій, оскорбленій и насилій.

Эти требованія не чрезмѣрны и при серьезномъ желаніи безусловно выполнимы; потому что за серьезнымъ желаніемъ должно непосредственно слѣдовать исполненіе; одними благими намѣреніями вымощенъ адъ.

2. Р е л и г і я.

„Я хочу, чтобы народъ мой сохранилъ вѣру!“ Эти слова блаженной памяти великаго императора Вильгельма должны какъ священный призывъ не переставая звучать въ ушахъ воспитателей и заставляя ихъ всѣми силами способствовать осуществленію исходящаго изъ глубины души желанія. Но какъ обстоятъ дѣла въ наши дни у народа перваго императора Вильгельма? Религія не только не сохранилась, но даже съ теченіемъ времени была утеряна, такъ что вмѣсто «сохраненія» мы принуждены теперь говорить о «возвращеніи и сохраненіи».

Намъ всѣмъ хорошо извѣстно, что социаль-демократія проповѣдуетъ ученіе противное христіанству; она дѣятельно работаетъ надъ разрушеніемъ вѣрныхъ и надежныхъ опоръ государства, среди которыхъ религія принадлежитъ почетнѣйшее мѣсто, и пытается вмѣсто нея утвердить—безнравственность, эгоизмъ и необузданность.

Можно ли въ настоящее время встрѣтить въ народѣ, въ особенности въ лагерѣ социаль-демократовъ, уваженіе къ закону, къ праву и начальству? Гдѣ вы найдете почтительность къ старости, отцу и матери или уваженіе къ святости семьи и чистой любви къ другому полу? Они утеряны вмѣстѣ со старой, дорогой вѣрой нашихъ отцовъ въ Бога и Спасителя.

Партія, на знаменахъ которой значится: «Долой старое, долой государство и монархію, долой существующій общественный строй! Равноправіе, равенство всѣхъ въ социальномъ отношеніи, равное участіе въ прибыли и необузданная, не знающая границъ свобода для всѣхъ!»—такая партія, повторяю, лишь тогда можетъ имѣть послѣдователей своего ученія, когда удастся искоренить религію, которая облагораживаетъ, очищаетъ и въ извѣстномъ смыслѣ освящаетъ; только потерявшій вѣру въ Бога и вмѣстѣ съ ней сознаніе необходимости отдать за гробомъ отчетъ въ земныхъ дѣлахъ, можетъ принять это новое ученіе.

„Подчиняйтесь начальству! Слушайте своихъ учителей!“—эти правила, теряютъ всякое значеніе и смыслъ, если не имѣютъ характера божественнаго откровенія и не западаютъ глубоко въ душу.

Доброе сѣмя растетъ только на доброй почвѣ; человѣческое сердце лишь тогда подобно доброй почвѣ, когда оно исполнено чистой вѣры и любви. Вотъ почему блаженной памяти императоръ выразилъ желаніе, чтобы въ его народѣ сохранилась вѣра; вотъ почему офицеры и унтеръ-офицеры должны заботиться о ея возвращеніи арміи, чтобы она сдѣлалась достоинствомъ народа.

Къ сожалѣнію, существуетъ не мало воспитателей, чуждыхъ религіи, надѣющихся обойтись безъ нея и забывающихъ о необходимости просвѣщать своихъ воспитанниковъ. Нѣкоторые считаютъ старую вѣру для себя излишней, а для народа и его воспитанія все-таки полезной; иные же смотрятъ на вѣру прямо какъ на нѣчто опасное для солдатъ.

Да, къ сожалѣнію, религія коренится не въ разумѣ, а въ чувствѣ: поэтому она утвердится лишь тамъ, гдѣ имѣется соотвѣтствующее настроеніе, и всякая борьба въ этомъ отношеніи—напрасна.

Я далеко отъ мысли проповѣдывать здѣсь или писать философскій трактатъ; мнѣ хочется только обратить вниманіе на вещи, которыя каждый можетъ видѣть собственными глазами, или которыя ему извѣстны изъ исторіи. Мнѣніе, будто вѣра, ослабляя и парализуя активную дѣятельность, представляетъ опасность для солдата, совершенно ложно. Это доказалъ Лютеръ, вступившій въ борьбу съ Римомъ. Еще и теперь мы слышимъ его мощное слово: «Я стою здѣсь, иначе я не могу». Это доказали также всѣ му-

ченики, вѣрные Спасителю, умиравшіе съ сознаниемъ побѣды; доказали наши солдаты на полѣ брани, когда они съ упованіемъ на Бога шли сражаться за короля и отечество и радостно боролись до послѣдней капли крови. Нѣтъ, вѣра не только не лишаетъ человека мужества, но, напротивъ, даетъ силу умереть съ достоинствомъ, и тотъ христіанинъ не боится смерти, который стоитъ подъ градомъ пуль съ надеждой на спасенье.

Только скептикъ во власти страха, а также тотъ, кто свое земное существованіе цѣнитъ выше всего. Такимъ образомъ мы видимъ, что никому такъ не нужна религія, какъ солдату; она—источникъ силы для слабыхъ духомъ.

Но помимо этого религія предохраняетъ отъ всѣхъ искушеній, которымъ мы подвергаемся извнѣ, и которыя имѣютъ цѣлью свратить насъ съ пути истины и, если даже она не можетъ уберечь насъ отъ паденія, то все же ведетъ насъ къ раскаянію и учить стыдиться своихъ поступковъ, искать и находить средства противъ собственной слабости,—учить, наконецъ, познавать самихъ себя. А этимъ ужъ сдѣланъ большой шагъ впередъ.

Кто вѣритъ въ Бога, кто видитъ въ Немъ отца своего, тотъ будетъ всѣми силами стараться исполнить волю Его, тотъ уже носить въ себѣ всѣ добродѣтели солдата, прежде чѣмъ оцѣнилъ все ихъ значеніе. Чѣмъ успѣшнѣе идетъ работа въ дѣлѣ прочнаго утвержденія религіи въ арміи, тѣмъ болѣе мы облегчаемъ себѣ задачу воспитанія. Съ возвратомъ религіи исчезаютъ всѣ революціонныя мысли, и съ каждымъ солдатомъ, котораго мы привели къ старой вѣрѣ, мы завоевали отечеству сына, а у социаль-демократовъ отняли единомышленника,—мало того, мы вносимъ вѣру въ народъ. Но вотъ вопросъ: какъ достигнуть этой высокой цѣли?

Прежде всего, мы должны начать съ себя и проникнуться вѣрой нашихъ отцовъ: нельзя учить тому, во что самъ не вѣришь. Это особенно справедливо для тѣхъ вещей, которыя не зависятъ отъ разума. Вѣра рождается въ сердцѣ и только тамъ, гдѣ сердце говоритъ сердцу съ силой непоколебимаго убѣжденія, оно доступно пониманію. Ни одинъ воспитатель не въ правѣ оправдываться предъ самимъ собой тѣмъ, что онъ „не годится въ роли вѣроучителя, что для этого существуютъ церковь и священникъ“. Безотрадно было бы положеніе религіи, если бы дома не заботились

о развитіи религіознаго чувства, если бы даже домашняя жизнь находилась въ противорѣчій съ ученіемъ церкви. Тѣ немногія свѣдѣнія изъ закона Божьяго, которыя намъ даетъ школа, а также пасторъ, подготавливая конфирмантовъ, слишкомъ недостаточны для созданія христіанина, даже въ томъ случаѣ когда онъ каждое воскресенье посѣщаетъ церковь.

Вѣра — это нѣжное растеніе, которое для произрастанія нуждается въ постоянномъ и преданномъ уходѣ; церковь и школа сообщаютъ только первоначальное движеніе, дальнѣйшее же развитіе есть дѣло воспитанія при содѣйствіи воспитателей и друзей.

Для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ представляется въ этомъ отношеніи не мало благопріятныхъ случаевъ; они должны заставлять солдатъ читать библію, рекомендовать или доставать книги, которыя, не будучи тенденціозны, проповѣдуютъ глубокую вѣру; разговаривать съ ними, разсѣивать сомнѣнія и, не жалѣя силъ, обучать и показывать примѣры.

Правильно поставленная служба оставляетъ еще много свободнаго времени. Какъ легко, проходя черезъ помѣщенія, завести разговоръ сегодня съ однимъ, а завтра съ другимъ; для этого и не требуется много времени, потому что каждое сѣмя въ отдѣльности приноситъ свой плодъ. Затѣмъ, другой благопріятный поводъ представляется во время обученія, когда очень не трудно каснуться и вопросовъ религіи, точно такъ же и отечественная исторія даетъ въ этомъ смыслѣ нѣкоторый матеріалъ. Но самое главное—это воскресные приказы: ротные командиры должны пользоваться каждымъ изъ нихъ для того, чтобы заставить солдатъ углубиться въ себя.

Недостаточно еще того, что солдатъ каждая четыре недѣли ходитъ въ церковь, какъ того требуетъ служба; надо обратить вниманіе на добровольное посѣщеніе имъ церкви и, если даже онъ не прослушаетъ проповѣдь до конца, то все же кое-что унесетъ съ собою. Но обученіе должно быть связано съ примѣромъ: никто не придаетъ такого значенія своему учителю, какъ солдатъ,—другими словами, нужно чтобы начальникъ не ограничивалъ своихъ посѣщеній церкви случаями, отмѣченными въ приказѣ, а показывался своимъ подчиненнымъ въ церкви и въ другое время. Главное же — это безупречное поведеніе какъ въ церкви, такъ и внѣ ея.

Если солдатъ видить, что его офицеры не принимаютъ участія въ общемъ пѣніи, а болтаютъ и занимаются разговорами, что они невнимательно слушаютъ богослуженіе, обнаруживая явное равнодушіе къ нему, если, даѣе, отъ солдата не ускользаетъ, что по окончаніи службы офицеры спѣшатъ въ погребокъ,—то что онъ долженъ объ этомъ думать? Требованіе: „слѣдуйте моимъ словамъ, а не дѣламъ“. есть ядъ въ устахъ воспитателя; лучше было бы сказать обратное.

Въ самомъ дѣлѣ, что значить присяга, когда говорятъ только уста, а сердце молчитъ? Какой смыслъ призывать Бога въ свидѣтели, когда отсутствуетъ вѣра въ Бога?—„Да накажетъ меня Богъ!“ заключаетъ свою присягу новобранецъ и этимъ выражаетъ слѣдующее: „да буду я проклятъ, и да покинетъ меня Богъ, если не останусь вѣренъ своему обѣту до послѣдняго издыханія“. Развѣ это не пустая и ничего не значащая форма, если присягающій не сознаетъ того, что его святая присяга, доходитъ до Бога, что Онъ можетъ его поразить, если она будетъ нарушена и что, за вѣрность Богъ его не оставитъ въ нуждѣ и опасности? Присяга богоотступника лишена всякаго значенія, но она обрѣтаетъ живую силу и становится вѣрной поддержкой и надежной опорой, если одухотворена вѣрой въ Троицаго Бога, укрѣпляющаго человѣка даже въ несчастіи.

Конечно, существуетъ много средствъ для достиженія этой цѣли, и каждому начальнику предоставляется выбирать ихъ по своему усмотрѣнію. Но мнѣ бы хотѣлось обратить вниманіе на два изъ нихъ: на Рождество Христово и на проповѣди или собесѣдованія.

Рождество.

У всѣхъ войсковыхъ частей существуетъ обычай въ сочельникъ собирать солдатъ около елки и сообразно средствамъ дѣлать имъ подарки. Къ этому я еще вернусь ниже; здѣсь я ставлю вопросъ: много ли найдется такихъ ротъ, эскадроновъ и батарей, гдѣ всѣ офицеры безъ исключенія присутствовали бы при этомъ торжествѣ? Гдѣ поются наши чудесныя рождественскія пѣсни, и гдѣ командиры говорятъ солдатамъ о христіанскомъ значеніи этого единственнаго въ своемъ родѣ праздника?“

А между тѣмъ нѣтъ болѣе благопріятныхъ условій для пробужденія человѣческой души. Не подлежитъ сомнѣнію, что сочельникъ, празднованіе котораго пріобрѣтаетъ характеръ все болѣе и болѣе свѣтскій (зажигаютъ же елку даже и евреи), дѣлаетъ душу болѣе способной воспринимать все доброе, прекрасное и благородное, чѣмъ даже посѣщеніе церкви въ обыкновенное воскресенье. При этомъ каждый долженъ внести свою долю участія и бросить на вспаханную такимъ образомъ почву сѣмена добра. Я предложилъ бы г.г. ротнымъ и др. командирамъ хоть разъ начать празднованіе Рождества съ пѣсни «Съ высотъ небесъ пришелъ я къ вамъ» и не прибѣгая къ фразамъ, къ изысканной, подготовленной домарѣчи, а въ непосредственной формѣ, слѣдуя минутному вдохновенію, рассказать о рожденіи Христа и о томъ, какъ черезъ Его жизнь, страданія и смерть намъ обѣщано спасеніе. Я убѣжденъ, что тѣ, которые это разъ сдѣлали никогда больше этого не оставлять,—я даже утверждаю, что сами начальники лишь при этихъ условіяхъ придутъ въ настоящее рождественское настроеніе.

Проповѣди и собесѣдованія.

Много ли такихъ гарнизоновъ, въ которыхъ ведутся такъ наз. назидательныя бесѣды (Erbanungsstunden), я не знаю; но ихъ сильное вліяніе на нашихъ солдатъ мнѣ извѣстно изъ личнаго опыта. Необходимо отмѣтить здѣсь два условія,—оба очень важныя. Прежде всего, духовное лицо, которое беретъ на себя этотъ трудъ, должно съ любовью относиться къ дѣлу, не раздражаясь внутренно за похищенный у него досугъ, и стараться говорить въ такихъ случаяхъ не въ проповѣдническомъ тонѣ, а по возможности просто и ясно, такъ чтобы его понималъ и самый ограниченный, оно не должно заниматься разрѣшеніемъ теологическихъ проблемъ,—его цѣль—съ помощью захватывающихъ рассказовъ возжечь пламя вѣры. Но тутъ нужна поддержка со стороны командировъ роты и др., а именно соотвѣтствующее воздѣйствіе на подчиненныхъ, въ формѣ поощренія, но отнюдь не путемъ принужденія или мѣры, равносильной принужденію.

Въ моемъ гарнизонѣ посѣщеніе назидательныхъ бесѣдъ носило особый характеръ. Вначалѣ они совпадали съ временемъ службы, и залъ бывалъ переполненъ; затѣмъ, когда со всѣхъ сто-

ронъ стали указывать на то, что участники ихъ хотятъ только уклониться отъ службы, ихъ устраивали въ 8 часовъ вечера, и вотъ на первыхъ порахъ громадное большинство не приходило, но затѣмъ число посѣтителей возросло настолько, что эти бесѣды уже не могли происходить въ полку, а въ каждомъ батальонѣ устраивался свой вечеръ.

Развѣ это не служить достаточнымъ доказательствомъ того, что наши солдаты еще безусловно воспримчивы ко всему хорошему, и развѣ не наша обязанность терпѣливо, не зная усталости, работать надъ внутреннимъ существомъ человѣка?

Для усѣбности такой работы служатъ также и собесѣдованія, которыя, конечно, имѣютъ мѣсто въ каждомъ полку. Но какой характеръ они носятъ? Въ общемъ это не собесѣдованія, а уроки, а потому не достигаютъ цѣли. Они должны имѣть въ виду не интересы службы, а развитие въ солдатахъ благородныхъ стремлений; ихъ назначеніе—вернуть людей къ религіи, вѣрности Государю и любви къ отечеству, или поддержать эти добродѣтели, беречь ихъ и способствовать ихъ дальнѣйшему росту.

Въ легкой бесѣдѣ, безъ малѣйшаго намека на принужденіе или обычную военную строгость, рассказываетъ, напримѣръ, офицеръ всевозможныя небольшія исторіи изъ жизни нашихъ государей, о томъ, какъ твердая, непоколебимая надежда на Бога даже въ несчастіи давала имъ утѣшеніе и силу; или изображаетъ нѣкоторые моменты изъ народной жизни и показываетъ, какъ часто близость Бога ощущалась всего сильнѣе тамъ, гдѣ положеніе казалось безвыходнымъ, или пользуясь примѣрами изъ мирнаго и военного времени, показываетъ, какъ божественный Промыселъ чудеснымъ образомъ въ послѣднюю минуту даровалъ силу и побѣду отчаявшимся предводителямъ, объатымъ страхомъ войскамъ, или, наконецъ, рисуя жизнь отдѣльныхъ героевъ твердыхъ въ вѣрѣ, показываетъ, какая сила присуща этой послѣдней.

Такимъ образомъ, эти собесѣдованія призваны не только оживить религіозное чувство, но и все больше укрѣплять вѣрность Верховному Главѣ страны и любовь къ нашему славному отечеству.

Въ вышеизложенномъ указаны средства и пути, способные вести къ познанію Бога; но въ концѣ этой главы я не могу не остановиться на двухъ пунктахъ, которые уже сами по себѣ

являются большими ошибками, и значеніе которыхъ тѣмъ болѣе велико, что они не только не помогаютъ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія солдатъ, но скорѣе вредятъ ему; я говорю о критикѣ вѣры и воскресныхъ занятіяхъ.

Критика вѣры.

Нерѣдко случается, что офицеры, тотчасъ послѣ богослуженія, не считаясь съ фактомъ присутствія солдатъ, начинаютъ неподобающе рѣзко осуждать проповѣдь и священника, причемъ правда далеко не всегда на ихъ сторонѣ. Къ чему это ведетъ? Это нарушаетъ настроеніе человѣка, еще всецѣло, быть можетъ, находящагося подъ впечатлѣніемъ проповѣди и занятаго внутренней работой; и если онъ слышитъ отъ офицеровъ, своихъ учителей, что священникъ говорилъ одну только безсмыслицу, или что онъ самъ не вѣритъ ни одному слову изъ того, о чемъ возвѣщала проповѣдникъ, или что пасторъ любитъ пожить и на свое высокое и святое призваніе смотреть только какъ на необходимый источникъ существованія, то развѣ его вѣра, по меньшей мѣрѣ, не пошатнется? И не скажетъ ли онъ себѣ, что социаль-демократы правы, что, дѣйствительно, нѣтъ Бога, а библія только сказки для дѣтей и глупцовъ? Развѣ онъ не станетъ говорить, что ходить въ церковь—безсмысленно? Не говоря уже о добровольномъ посѣщеніи богослуженія, онъ будетъ дѣлать попытки уклоняться и отъ установленнаго приказомъ хожденія въ церковь. вмѣсто того чтобы углубиться въ самого себя, онъ будетъ глумленіемъ и издѣвательствами преслѣдовать тѣхъ, которые еще крѣпко держатся вѣры и, лишивъ библію какого бы то ни было значенія, сдѣлаетъ читающихъ ее товарищей, предметомъ безпощадныхъ насмѣшекъ.

Всякая вѣра покоится и будетъ покоиться на уваженіи и благоговѣніи предъ словомъ Божиимъ и тѣми, которые являются его учителями и проповѣдниками.

Поэтому воспитатель долженъ и обязанъ приложить все старанія къ тому, чтобы поддержать такое отношеніе и избѣгать всего, ведущаго къ противоположнымъ результатамъ; поэтому и офицеръ долженъ и обязанъ, какъ я уже выше указалъ, самъ съ чувствомъ благоговѣнія присутствовать при отправленіи богослуженія и тамъ, какъ и вездѣ, служить яркимъ примѣромъ для своихъ

подчиненныхъ, постоянно помня о томъ, что примѣръ есть вѣрнѣйшее и лучшее воспитательное средство.

Воскресныя занятія.

Въ недѣлѣ шесть рабочихъ дней, и ихъ вполне достаточно даже при самой напряженной работѣ для того, чтобы имѣть отдыхъ въ седьмой день; но этотъ седьмой день—воскресенье—есть также день, посвященный Господу Богу; онъ данъ человѣку для отдыха отъ оставшейся позади работы и для накопленія силъ на слѣдующую недѣлю; онъ установленъ для прославленія Бога и самоуглубленія, — серьезнаго самоуглубленія подъ руководствомъ слова Божія; и онъ не долженъ уходить ни на примѣриваніе вещей, ни на сдачу или полученіе одежды и предметовъ снаряженія, чтобы такимъ образомъ убить время, — ни на разнузданный образъ жизни, ни на разнаго рода распутство, губящее душу и тѣло.

Ротный командиръ, все еще придерживающійся мнѣнія, что воскресенье предназначено для окончанія необходимыхъ работъ, для которыхъ не нашлось времени въ теченіе недѣли, и, вопреки строгому запрещенію злоупотребляющій воскреснымъ днемъ принялъ совершенно ложное направленіе, обнаруживая не только полнѣйшее неуваженіе къ святости воскресенья, но также и ослушаніе. Призванный воспитывать свою роту въ духѣ религіи и послушанія, онъ дѣйствуетъ своимъ собственнымъ примѣромъ прямо въ противоположномъ направленіи; онъ долженъ учить солдатъ чтить воскресенье, какъ святыню, а самъ нарушаетъ его святость и вынуждаетъ своихъ подчиненныхъ дѣлать то же самое.

Не естественно ли, что въ наше время дорого приходится расплачиваться за подобную ошибку, и что этимъ только облегчается дѣло социаль-демократіи? Развѣ нѣтъ основаній бояться, что даже хорошій солдатъ, твердо еще вѣрующій и съ радостью поступающій въ армію, отвернется отъ нея, потому что у него отнимаютъ его воскресенье, или потеряетъ вѣру, уступая постоянно противодѣйствующимъ теченіямъ?

На воскресной службѣ лежитъ не благословеніе, а скорѣе проклятіе. Воскресныхъ занятій не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутымъ въ этой главѣ приказомъ, означającym только собраніе

роты съ цѣлью дѣйствовать, такъ сказать, душеспасительно, т. е. предостерегать отъ всего, могущаго нарушить святость воскресенья и призывать къ ея соблюденію. Но и этотъ приказъ никогда не долженъ совпадать съ временемъ богослуженія, а имѣть мѣсто до или послѣ него.

3. Вѣрность Государю.

При поступленіи на службу солдатъ даетъ присягу въ вѣрности своему Государю и желаніи ее сохранить. Извѣстно, что каждый долженъ участвовать въ произнесеніи присяги, и присягавшимъ считается также и тотъ, кто и рта не открывалъ. Но мы не знаемъ, какія чувства овладѣваютъ каждымъ при этомъ священномъ актѣ, и можетъ только догадываться о нихъ. Одинъ дѣйствительно серьезно настроенъ; у него твердое желаніе остаться вѣрнымъ до гробовой доски данной имъ присягѣ; у другого мысли быть можетъ совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ, или онъ вообще ни о чемъ не думаетъ, а третій, социаль-демократъ, уже во время присяги оправдываетъ себя отъ возможныхъ ея нарушеній. Одинъ знаетъ и уже любитъ своего Государя, другой едва о немъ слышалъ, а третій преслѣдуетъ его со скрытой ненавистью; но нужно, чтобы всѣ были вѣрны ему, не только сегодня, не только на дѣйствительной службѣ, но всегда до самой смерти; несмотря на военную форму, солдатъ долженъ быть попрежнему гражданиномъ, точно также какъ этотъ послѣдній, живя у домашняго очага, все еще остается солдатомъ, когда бы онъ ни снялъ королевскій мундиръ.

Съ другой стороны, совершенно невозможно быть вѣрнымъ кому бы то ни было, если его не знаешь, и тѣмъ менѣе, если его ненавидишь, потому что вѣрность — дитя любви, а любовь есть необходимое условіе всякой вѣрности.

Итакъ, задача начальника — сдѣлать Верховнаго Правителя страны и Вождя настолько близкимъ подчиненному, чтобы онъ полюбилъ его всѣмъ сердцемъ.

Для этой цѣли въ общемъ очень полезны уроки, имѣющіе своимъ предметомъ воинскій уставъ, королевскую фамилію, отечественную исторію и исторію полка; въ отдѣльныхъ же случаяхъ я бы совѣтовалъ использовать малѣйшую возможность побесѣдо-

вать съ глазу на глазъ и даже приглашать къ себѣ на квартиру наименѣе податливыхъ.

Естественный, не испорченный еще человѣкъ сильно привязанъ къ своему отцу; неужели же онъ въ той же мѣрѣ не любить своего Государя, если ему станетъ яснымъ, что Государь есть также его отецъ, съ отеческой заботливостью управляющій своимъ народомъ? И не забьется ли сильнѣе сердце рекрута, когда онъ пойметъ, что у трудящихся нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ ихъ король? Просвѣтленный, онъ проникнется сознаниемъ, что всѣ благодѣтельные законы созданы не социаль-демократами, а Гогенцоллернами, и что этимъ послѣднимъ народъ обязанъ учрежденіями, обезпечивающими на случай старости, несчастія, инвалидности и др. Невозможно, чтобы новобранцы не прониклись вѣрностью своему Государю, когда узнаютъ что онъ является защитникомъ и хранителемъ мира, и что процвѣтаніе, ростъ и благополучіе страны, развитіе народа составляютъ единственно его заслугу, такъ какъ благоденствіе возможно только при господствѣ спокойствія и мира. Какую радость, благодарность и любовь должны они чувствовать къ Правителю, видя, какъ онъ дни и даже ночи проводитъ въ серьезной работѣ на пользу своего народа и, несмотря на свое высокое происхожденіе, далеко возвышающее его даже надъ знатнѣйшими, является лишь слугой государства, да ничѣмъ инымъ и не желаетъ быть, какъ только работникомъ въ интересахъ государства, и что, далѣе, вся его жизнь, всѣ его стремленія, желанія и дѣятельность имѣютъ лишь одну цѣль — поднять народъ, дорогой ему нѣмецкій народъ, на невиданную дотолѣ высоту, обезпечить за нѣмецкимъ именемъ почетъ и уваженіе у всѣхъ народовъ и придать нѣмецкому слову подобающій вѣсъ и значеніе въ совѣтѣ народовъ.

Да, дѣйствительно, если солдатъ будетъ близко знать своего монарха, то его сердце должно загорѣться любовью, а эта послѣдняя — расти и пускать такіе крѣпкіе корни, чтобы никакая буря ей не была опасна; тогда пламя воодушевленія къ возлюбленному Государю будетъ горѣть все ярче, и преданность и вѣрность будутъ жить до гробовой доски.

Изъ этой вѣрности, сильной проникающей ее вѣрой въ Триединого Бога, должна возродиться и

4. Любовь къ отечеству.

Призваніе солдата есть защита съ опасностью для собственной жизни престола и отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Это невозможно, если отечество для него не болѣе какъ пустой звукъ, — нѣчто, совершенно ему чуждое и ничего не стоящее, а потому его и не беспокоитъ, въ опасности оно или нѣтъ; разъ онъ дышитъ однимъ воздухомъ съ внутренними врагами, думаетъ, чувствуетъ и поступаетъ подобно имъ, то его самого можно причислить къ нимъ. Лишь тогда способенъ онъ въ тяжелую минуту исполнить свой долгъ, когда тѣснѣйшимъ образомъ связанъ со своимъ отечествомъ, глубоко и крѣпко пустилъ въ немъ корни и изъ любви къ нему готовъ на жертвы и самоотреченіе.

Какъ насаждается этотъ патриотизмъ? Изученіемъ исторіи отечества и выясненіемъ его значенія.

Лучшій матеріалъ въ этомъ смыслѣ даютъ намъ время упадка подъ владычествомъ Наполеона и возрожденія благодаря освободительнымъ войнамъ 1813—1815 годовъ. Изъ нихъ съ одной стороны мы видимъ пораженіе всего народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и каждаго въ отдѣльности, въ то время какъ отечество томилось въ оковахъ и, казалось, истекаетъ кровью, а съ другой убѣждаемся въ той силѣ, самоотверженной любви, безъ которой Пруссія никогда не могла бы возстать изъ праха. Народъ поднялся и принесъ на алтарь отечества свое достояніе и свою жизнь. Никто не прятался за спиной другого, каждый хотѣлъ быть первымъ, и вѣрные люди не только не покинули глубоко потрясеннаго несчастіемъ короля, но еще тѣснѣе сплотились вокругъ него.

Безъ этой преданности Государю и отечеству наша исторія не имѣла бы 1813-го года; точно также, если бы за Вильгельмомъ, королемъ Прусскимъ, не стоялъ сплоченный вѣрностью нѣмецкій народъ, если бы любовь къ отечеству не воодушевляла ихъ сердца на геройскую смерть, за нами не было бы славной кампаніи 1870—71 годовъ.

Возраженіе, что и французы были исполнены любви къ отечеству, и однако потерпѣли пораженіе отъ нѣмецкаго войска, ставящее подъ сомнѣніе самый вопросъ о значенія этой любви упускаетъ при этомъ изъ виду нѣкоторыя парализующія причины.

Въ то время какъ король Вильгельмъ и нѣмецкіе князья въ глубокомъ смиреніи славили Бога, а народъ присоединялъ къ нимъ свои молитвы; въ то время когда вся армія какъ одинъ человекъ обнажила мечъ въ упованіи на милосердіе и всемогущество Божьи, и послѣ каждой побѣды громко возносила къ небу „Возблагодаримъ всѣ Бога!“ -- Наполеона гнало къ оружію дерзкое тщеславіе. За нимъ стоялъ народъ, отрекшійся отъ Бога, разнузданный и безиравственный, и армія, думающая въ хвастливой самоувѣренности обойтись безъ помощи Бога и разсчитывающая только на свои собственные силы. Съ одной стороны князья, въ смиреніи преклонившіе колѣна предъ Всевышнимъ, погруженный въ молитву народъ и крѣпкая вѣрой въ Бога армія; съ другой — надменный властитель, буйный, безпокойный народъ и слишкомъ много берущая на себя армія.

Только любовь, коренящаяся въ Богѣ, дѣлаетъ солдата способнымъ умереть за отечество; онъ долженъ ставить отечество такъ высоко, чтобы оно, въ его глазахъ, было достойнымъ такой жертвы. Поэтому необходимо возможно полнѣе выяснить солдату значеніе, какое имѣетъ отечество.

Дерево укрѣпляется своими корнями въ почвѣ и получаетъ такимъ образомъ надежную опору; оно растетъ и развивается и гордо подымается своей вершиной къ небу. Но если земля взрыта и не можетъ удерживать корней, дерево падаетъ, его сила и крѣпость погибаютъ. Точно такъ же и съ человекомъ: все, что ему нужно для поддержанія своего существованія, жизни и развитія, даетъ ему земля, на которой онъ живетъ, другими словами — отечество. вмѣстѣ съ потерей этого драгоценнаго блага онъ теряетъ все. Человекъ сростается со своимъ отечествомъ, и только ему онъ обязанъ тѣмъ, что онъ есть, и чѣмъ онъ обладаетъ, а потому онъ долженъ его любить и своей жизнью защищать отъ всякой грозящей ему опасности. Не любить отечества, не уважать, не чтить, быть можетъ даже, презирать его — это значитъ убить жизнь въ себѣ и въ народѣ. Какъ низко нужно пасть для того, чтобы не сознавать этого и равнодушно смотрѣть, какъ измѣнники, продавая отечество, роютъ могилу своему собственному народу!

Вотъ почему солдатъ долженъ всѣмъ сердцемъ любить свое отечество и вмѣстѣ съ нимъ Государя, его заступника и защитника, и вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, распространять свою любовь;

вотъ почему армія призвана насаждать эту любовь такъ, чтобы ея лучи проникали въ отдаленнѣйшіе слои народа.

Если социаль-демократія дѣйствительно удастся погасить это святое чувство, тогда все пропало: погибло нѣмецкое государство, погибъ нѣмецкій народъ, и самое ужасное въ этомъ то, что своимъ паденіемъ оно обязано не вражеской силѣ, противъ которой ужъ не было защиты, а внутреннему врагу по собственной винѣ.

Но до этого армія ни въ коемъ случаѣ не должна допускать, она не должна обольщаться ложными надеждами, должна стоять наготовѣ не только у внѣшнихъ границъ страны, но и внутри ея быть *toujours en vedette* (всегда на сторожѣ).

Только крѣпкая вѣра и вѣрность Властителю страны и Государю, такъ же какъ преданность и любовь къ отечеству, дѣлаютъ человека надежнымъ охранителемъ и настоящимъ солдатомъ.

Задача солдата — защита отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, а для этого ему нужно знать и тѣхъ и другихъ. Обнажать мечъ противъ внѣшняго врага не трудно, потому что имѣешь дѣло съ чужимъ, но выступать съ оружіемъ въ рукахъ противъ внутреннего врага, противъ собственной плоти и крови, совѣтъ не легко, а тѣмъ болѣе, для недостаточно проникательнаго простолудина. См. также „Хорошее и дурное знакомство“, равно какъ „Свобода, равенство, братство!“.

5. Семейныя привязанности, любовь къ народу и національное самосознаніе.

Социаль-демократія, въ своемъ стремленіи къ разрушенію государственныхъ основъ, постаралась поколебать семейныя устои и вмѣстѣ съ ними національный духъ. Это и не удивительно: чтобы проложить себѣ дорогу, ея вредоносное ученіе должно сначала устранить всѣ препятствія на своемъ пути. Безъ семьи не можетъ быть народной жизни, безъ этой послѣдней нѣтъ національнаго или народнаго самосознанія, невозможно воспитаніе дѣтей и подрастающаго юношества; оно вырастаетъ грубымъ, невѣжественнымъ, своенравнымъ, пошлымъ, безиравственнымъ: оно не знаетъ идеальныхъ благъ этой жизни, его особенностями становятся упрямство, своекорыстіе, себялюбіе и вмѣсто самосовершенствованія самолюбіе и эгоизмъ.

Посмотримъ, что дѣлается въ нашемъ народѣ. Почитаютъ ли дѣти своихъ родителей и стараются ли они скрасить ихъ старость? Гдѣ такіе рабочіе и слуги, которые считали бы за честь для себя служить вѣрой и правдой своимъ господамъ? Гдѣ вы найдете людей, готовыхъ повиноваться своему начальству и помочь ему, когда это надо?—Они представляютъ рѣдкое явленіе, но зато переполнены тюрьмы, остроги, исправительные и воспитательные дома, строптивыхъ рабочихъ и слугъ сколько угодно, —упрямство считается дѣломъ чести.

Развѣ могутъ молодые люди съ такимъ образомъ мыслей сдѣлаться когда-либо хорошими солдатами, если ихъ заранѣе не исправить? Отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи этихъ пороковъ должно искать въ недостаточномъ развитіи семейныхъ началъ и національнаго духа; отсюда забота всѣхъ воспитателей арміи оживить эти свойства души.

Семья—это народъ въ миниатюрѣ. Тотъ, кто не любитъ и не воспитываетъ своихъ дѣтей, кому родители не дороже всего на свѣтѣ, такъ что ни одна жертва для нихъ не кажется слишкомъ большой, кто равнодушно поворачивается спиной къ своей семьѣ и родинѣ, тотъ не понимаетъ своего народа, и его сердце не бьется для отечества, тому недоступно высокое и святое чувство любви, тотъ потерялъ сознание долга и чести, потерялъ всякое благородное побужденіе.

Семейная привязанности составляютъ необходимое условіе для процвѣтанія народа. Любящіе родители воспитываютъ въ своихъ дѣтяхъ вѣрующахъ христіанъ и вѣрныхъ слугъ Государя и отечества. Если мы дѣтьми учимся уважать и слушаться своихъ родителей, любить братьевъ и сестеръ, помогать и содѣйствовать имъ во всемъ, учимся любить и высоко цѣнить все, имѣющее какое-либо отношеніе къ нашей семьѣ—своихъ друзей и родственниковъ, домъ и домочадцевъ, но больше всего родину, какъ бы она ни была бѣдна, то уже съ раннихъ лѣтъ растетъ пониманіе и симпатія къ великой семьѣ—народу и великой родинѣ—отечеству.

Семья подобна отдѣльному дереву, народъ — лѣсу. Какъ въ лѣсу деревья каждое само по себѣ мощно поднимаются къ небу и въ то же время мирно дѣлятъ между собой свѣтъ и воздухъ, такъ и каждая семья въ отдѣльности должна сама по себѣ расти и развиваться, не отнимая отъ другихъ средствъ къ жизни. Два дерева,

слишкомъ близко примыкающія другъ къ другу, должны погибнуть, истощая свои силы въ борьбѣ за обладаніе воздухомъ и свѣтомъ, вмѣсто того чтобы дѣлиться ими; точно такъ же невозможна и мирная жизнь двухъ семей, питающихъ враждебныя чувства другъ къ другу, и какъ неизбежна гибель цѣлаго лѣса, въ которомъ деревья осаривали бы другъ у друга свѣтъ и воздухъ, такъ неизбежна и гибель народа, если входящія въ составъ его семьи, вмѣсто взаимной помощи и поддержки, будутъ думать лишь о собственной выгодѣ въ ущербъ другимъ. Отдѣльная личность имѣетъ свое начало въ семьѣ, семья въ общинѣ, эта послѣдняя— въ народѣ, а народъ — въ отечествѣ.

Любовь къ семьѣ ведетъ къ истинному національному самосознанію и патриотизму, а потому на арміи лежитъ обязанность углублять эту любовь.

Благоприятныхъ случаевъ для этого — множество, и средства на лицо. Неисчерпаемымъ источникомъ и въ этомъ смыслѣ является религія, нашедшая себѣ прочное основаніе въ сердцахъ солдатъ. Вмѣстѣ съ вѣрой приходитъ почти само собой и познаніе, и стремленіе слѣдовать ея заповѣтамъ. Въ чемъ они заключаются? „Чти отца твоего и мать твою“ „Любите другъ друга“. „Что ты сдѣлалъ одному изъ меньшихъ братьевъ твоихъ, то ты сдѣлалъ Мнѣ“. „Кто презираетъ своего брата, тотъ убійца“. „Подчиняйтесь начальству, поставленному надъ вами“. „Отповское благословеніе создаетъ дѣтямъ счастье, а материнское проклятіе разрушаетъ его“.

На ряду съ религіей имѣетъ большое значеніе и отечественная исторія, въ которой ясно и опредѣленно говоритъ съ нами настоящій, истинный національный духъ. Въ 1813 году весь народъ всталъ для борьбы съ общимъ врагомъ, выступая съ оружіемъ въ рукахъ или участвуя дѣлами любви и добровольными жертвами на алтарь отечества. Сознаніе общности происхожденія объединило въ 1870—71 г.г. всѣ нѣмецкія народности для того, чтобы вмѣстѣ обнажить мечъ противъ надменнаго и заносчиваго врага на Западѣ.

Мы, нѣмцы, говоримъ на одномъ языкѣ, хотя, быть можетъ, и не совсемъ одинаково, у насъ одни и тѣ же нравы и обычаи, тѣ же интересы и условія жизни, та же христіанская вѣра: какъ же намъ не быть воодушевленными и единымъ національнымъ духомъ? Неужели вмѣсто общаго благополучія и единства,

мы должны эгоистически преслѣдовать свои особенные, исключительные интересы? Это было бы роковымъ заблужденіемъ.

Для блага народа семейныя привязанности необходимы, онѣ представляютъ серьезное воспитательное средство и не должны быть утеряны; въ нихъ коренится здоровое національное чувство, изъ котораго пышно вырастаетъ любовь къ государю и отечеству.

Дальнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ является.

6. Обученіе волнскому уставу.

Волнскій уставъ, трактующій объ обязанностяхъ солдатъ, является особенно хорошимъ средствомъ, дѣйствующимъ на умъ и сердце, если вести преподаваніе въ соответствующей формѣ, и только въ таковой. Но что значитъ въ соответствующей формѣ? Это значитъ, что нужно вложить въ дѣло преподаванія душу свою, а не заниматься учеными объясненіями и толкованіями, недоступными пониманію средняго человѣка. Ученикъ долженъ видѣть, что офицеръ самъ всецѣло проникнуть тѣмъ, чему онъ учитъ, и все, что онъ говоритъ, имѣетъ своимъ основаніемъ глубокое убѣжденіе; учитель долженъ показать обязанности на живомъ примѣрѣ, для того чтобы ихъ сдѣлать болѣе понятными солдату. Самое лучшее въ нашемъ призваніи есть то, что обязанности начальниковъ и подчиненныхъ однѣ и тѣ же, и даже постановленія Воинскаго Устава, касающіяся офицеровъ всѣхъ чиновъ, выражены буквально такъ же, какъ и для простаго солдата, — подобно христіанской вѣрѣ не различающей въ своихъ требованіяхъ ни людей высокопоставленныхъ, ни людей низкаго происхожденія.

Итакъ, солдатъ долженъ не учить Воинскій Уставъ а понимать его, — это первое условіе. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза въ выученномъ наизусть, если оно не примѣняется, и не служитъ въ поступкахъ руководящимъ принципомъ? Кто легко усваиваетъ, тотъ и такъ запомнить самое необходимое; но кому ученіе дается трудно, у того въ памяти ничего не остается, и въ результатѣ — отвращеніе къ занятіямъ. Достаточно вспомнить собственное школьное время. Какъ часто предметъ, прежде невтересный, впоследствии, съ перемѣной учителя, до того насъ увлекалъ, что мы съ нетерпѣніемъ ждали времени любимаго урока. Голодный неразборчивъ въ пищу, но почти сытому нравится только вкусно приготовленное.

Голодныхъ очень немного, поэтому приходится дѣлать ученіе пріятнымъ, въ особенности если рѣчь идетъ о предметѣ, который долженъ тронуть сердце, прокладывая себѣ путь къ нему не чрезъ разсудокъ, а наоборотъ.

На это обстоятельство я и хотѣлъ указать въ общихъ чертахъ, отказывъ ясь отъ болѣе подробнаго опредѣленія самаго способа преподаванія. тѣмъ болѣе, что это выходило бы за предѣлы моей задачи. Вопросъ сводится здѣсь лишь къ оцѣнкѣ того значенія, какое имѣетъ Воинскій Уставъ для воспитанія солдата.

Всякое воспитаніе покоится на нравахъ, формахъ, обычаяхъ и законахъ; первые имѣютъ въ виду, такъ сказать, внѣшняго человѣка, а вторые — внутренняго. Основой общаго внутренняго воспитанія въ смыслѣ совершеннѣйшаго, т. е. христіанскаго міровоззрѣнія служатъ библія и десять заповѣдей. Кто усвоилъ это міровоззрѣніе, тому легко ориентироваться во всякихъ жизненныхъ отношеніяхъ, тотъ не встрѣтитъ затрудненія въ усвоеніи и переработкѣ ученія, не противорѣчащаго заложеннымъ въ немъ основнымъ началамъ; тотъ легко пойметъ военные законы — я разумѣю здѣсь обязанности — сознавъ всю ихъ необходимость, такъ же какъ справедливость требованія строго и добросовѣстно исполнять ихъ.

Но эта необходимость должна быть всякому очевидна, поэтому воспитатель путемъ примѣра, обученія и поощренія прежде всего долженъ вернуть къ вѣрѣ воспитанника, стоящаго далеко отъ религіи. Мнѣ возразятъ, указавъ на существованіе хорошихъ и вѣрныхъ солдатъ, которые по своимъ убѣжденіямъ атеисты, и тѣмъ лишаютъ религію того значенія, какое я ей придаю. Это возраженіе для меня не ново, я считаю прямо невозможнымъ, чтобы атеисты этого рода не имѣли никакой вѣры; напротивъ, я скорѣе склоненъ съ увѣренностью утверждать, что въ нихъ это благородное сѣмя только скрыто или благодаря современнымъ теченіямъ или благодаря чтенію извѣстныхъ философовъ и естествоиспытателей. Только одно способно несомнѣнно вести къ нравственному развитію, — это христіанская вѣра, которая одна облагораживаетъ человѣка и очищаетъ его душу; поэтому во всякомъ, въ комъ бьется чистое сердце, теплится и божественный огонекъ, тотъ обладаетъ и вѣрой, безразлично, сознаетъ ли онъ ее или нѣтъ.

Пусть не раздѣляютъ со мной этого убѣжденія; во всякомъ

случаѣ никто не будетъ спорить противъ того, что религія никогда не можетъ быть вредна; даже болѣе, со мной согласятся, что сердце, открывающееся для религіи, наиболѣе приспособленно для усвоенія Воинскаго Устава. Но разъ это такъ, то почему же отмахиваться руками и ногами отъ предлагаемаго религіей ученія?

Если офицеру удалось вполнѣ выяснитъ своему воспитаннику его обязанности и дать ему полное понятіе о нихъ; если новообращенецъ узналъ, что значить „защитить престолъ и отечество отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ“ и какія ему необходимы для выполненія этой задачи духовныя и тѣлесныя качества, какая твердость воли и точность исполненія, то этимъ уже много достигнуто. Напротивъ, пока солдатъ лишь догадывается о своихъ обязанностяхъ, имѣя о нихъ неясное представленіе, до тѣхъ поръ у него не будетъ вѣры въ свои собственныя силы, и если ему чужды чувства долга и чести, если онъ видитъ свою честь въ высокомеріи и внѣшнемъ блескѣ, то при первомъ же столкновеніи все знаніе обратится въ прахъ.

Такимъ образомъ обученіе Воинскому Уставу, имѣетъ въ виду скорѣе моральное, чѣмъ практическое воспитаніе, если послѣдняго ужь совершенно нельзя изъ него исключить. Воинскій Уставъ т. е. ученіе о томъ, что приказано и что запрещено, долженъ вести къ радостному чувству, порождаемому серьезнымъ, неуклоннымъ исполненіемъ всѣхъ, даже самыхъ незначительныхъ обязанностей; въ немъ солдатъ находитъ твердое основаніе сознанія своего положенія и неоспоримое право гордиться своимъ солдатскимъ званіемъ и черпаетъ чистое, неомраченное чувство чести, служащее источникомъ любви къ Государю и отечеству и просвѣтленнаго національнаго духа, такъ же какъ и непреодолимаго отвращенія къ малѣйшему ра первый взглядъ, ослушанію, униженію, не говоря уже о проступкахъ и преступленіяхъ.

Въ этомъ пменно смыслъ военныя постановленія являются главнымъ средствомъ въ дѣлѣ моральнаго воспитанія. — средствомъ, никогда не отказывающимся служить, если только имъ пользоваться надлежащимъ образомъ. Поэтому я того мнѣнія, что обученіе Уставу должно находиться исключительно въ рукахъ искушеннаго опытомъ командира роты или эскадрона, а отнюдь не поручаться младшему офицеру. Этотъ послѣдній, безъ сомнѣнія, самъ нуждается въ соотвѣтствующемъ образованіи и надлежащихъ упраж-

неніяхъ, ему было бы полезно сначала присутствовать на урокахъ командира роты, а затѣмъ, при немъ же приступить къ дѣлу. Это вещь слишкомъ серьезная для того, чтобы сводить ее на степень пустой формальности.

Вѣрность.

Солдату, который воспитывается въ духѣ вѣрности, необходимо, конечно, знать, что такое вѣрность, хотя, съ другой стороны, понятіе это таково, что оно не поддается выраженію словами, его содержаніе лишь чувствуется. О наличности настоящаго чувства вѣрности можно судить по той степени совершенства, какую обнаруживаетъ солдатъ. Если онъ религіозенъ, и любитъ своего Государя, родину, свою семью и свой народъ, то онъ также и вѣренъ, потому что любовь безъ вѣрности немыслима. О томъ, какіе пути ведутъ къ развитію этихъ свойствъ, я уже выше говорилъ. Тотъ, кто любитъ своихъ родителей, будетъ имъ преданъ и послушенъ и, избѣгая всего, могущаго ихъ огорчить, всѣми силами будетъ стараться доставлять имъ радости, оберегать отъ непріятностей и, насколько онъ въ силахъ, помогать. Любящій своихъ друзей радуется ихъ удачамъ и страдаетъ, когда они страдаютъ; онъ раздѣляетъ ихъ горе и радость, ему близки ихъ счастье и несчастье. Кто любитъ свой народъ, видя въ каждомъ своего брата, тотъ всегда готовъ прийти на помощь, нерѣдко рискуя своей собственной жизнью, какъ это часто бываетъ, когда человѣческая жизнь въ опасности. Кто любитъ своего учителя, тотъ всегда постарается такъ или иначе его обрадовать; онъ добросовѣстно прилеженъ и внимателенъ; огорчить учителя было бы для него величайшей непріятностью. Кто, наконецъ, любитъ своего господина, тотъ ему вѣренъ и преданъ; съ радостью и охотно способствуетъ онъ его благосостоянію, предотвращая всякій вредъ и ущербъ.

Да, если есть любовь, то есть уже и вѣрность.

Во вмѣстѣ съ тѣмъ солдатъ долженъ быть и лучшимъ гражданиномъ. По окончаніи службы онъ возвращается къ себѣ на родину, гдѣ подвергается соблазнамъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ арміи на глазахъ у начальства. Вслѣдствіе этого воспитаніе должно такъ укрѣпить въ немъ любовь и вѣрность, чтобы онъ

не только не пришли въ колебаніе, но благотворно дѣйствовали просвѣщая, воспитывая и исправляя самихъ соблазнительей. Не хороши тотъ, кто, будучи солдатомъ, берегалъ бы только для себя свои солдатскія и гражданскія доблести; въ то время какъ его главная обязанность—какъ можно болѣе расширять поле ихъ примѣненія. Какъ солнце, не довольствующееся своей собственной теплотой, посылаетъ повсюду лучи, чтобы будить къ жизни, способствовать росту и развитію, такъ и солдатъ долженъ излучать свою любовь и вѣрность, дѣлясь ею съ тѣми, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе и прежде всего, конечно, въ родной семьѣ.

Если сердце исполнено любви къ Государю, то уже внѣшній видъ дома будетъ свидѣтельствовать о томъ, что въ немъ обитаетъ человекъ, преданный своему Государю; его жилище будетъ украшено портретомъ возлюбленнаго Монарха. Подобно тому, какъ католикъ убираетъ свою квартиру изображеніями папы, Дѣвы Маріи и Святыхъ, такъ что каждый входящій тотчасъ узнаетъ въ хозяинѣ христіанина-католика, такъ и въ домѣ патріота гость уже по внѣшнимъ признакамъ видитъ, какой чудесный духъ царитъ въ этомъ домѣ.

Воспитаніемъ въ духѣ любви и вѣрности ничего не достигалась бы, если бы эти высокія добродѣтели утрачивались вмѣстѣ съ солдатской формой; но его дѣйствіе было бы очень велико, если бы онъ обладал прочностью и постоянствомъ,—пока существуетъ нѣмецкій народъ.

Положительно или отрицательно вліяетъ на чувство вѣрности хорошее или дурное общество?

Нужно незамѣтнымъ образомъ слѣдить за тѣми, съ кѣмъ встрѣчается солдатъ, и указать ему на то, какъ благотворно вліяніе хорошаго общества и опасно вліяніе дурного. Онъ долженъ научиться отличать заблужденіе отъ истины, ложнаго пророка отъ дѣйствительнаго. Было бы непростительной ошибкой приписывать всѣмъ безъ исключенія социаль-демократамъ такую низость, что они охвачены страстью къ разрушенію только изъ озорничества, не имѣя ввиду ничего положительнаго въ будущемъ. Напротивъ, большинство изъ нихъ ослѣплены и твердо вѣрятъ, что стоятъ на вѣрномъ пути. Социаль-демократы—жертвы обмана, они попали

во вражескій лагерь, уступая грубой силѣ, и влѣдствіе привычки вращаться ежедневно среди однихъ и тѣхъ же людей, или потеряли пониманіе того, что справедливо и что несправедливо, или отупѣли и, чувствуя свое полное безсиліе, стали равнодушны и безучастны. Они не двигаются, ихъ двигаютъ; у нихъ нѣтъ собственной воли, нѣтъ своихъ убѣжденій, они—пассивное орудіе въ рукахъ ихъ мучителей. Ихъ искушали всевозможными обѣщаніями, рисовали картины, затемнявшія ясность ума и будившія надежды, неосуществимости которыхъ они не сознавали. Въ началѣ они, быть можетъ, энергично боролись, но капля продолбилась въ концѣ концовъ камень, и паденіе сдѣлалось несомнѣннымъ фактомъ.

Какъ злое, являясь обыкновенно въ оболыстательной формѣ, скорѣе прививается человекъ, чѣмъ доброе, точно также и вліяніе дурного общества быстро начинаетъ свою работу, а потому нужно тщательно очищать пшеницу отъ плевелъ.

Недоброе, всегда на взглядъ прекрасно и заманчиво: то въ образѣ женщины, то въ видѣ алкоголя, денегъ, лести и т. д. оно съ успѣхомъ прокладываетъ себѣ путь къ своимъ жертвамъ, причемъ злое, нечистое намѣреніе не рѣдко ускользаетъ. Будь это не такъ, ни одинъ человекъ не погрязъ бы во злѣ.

Если кто, какъ волкъ въ овечьей шкурѣ, подходитъ къ гражданину и солдату, кто безпрестанно дѣлаетъ попытки убить въ немъ чувство вѣрности, то это социаль-демократъ, и онъ на это чертовски способенъ. Вотъ тутъ-то офицеръ обязанъ представить своему воспитаннику социаль-демократа во всей его наготѣ и показать, что социаль-демократія распространяетъ ложныя ученія, оболыщаетъ мечтами и борется низкими средствами—ложью и обманомъ, грубостью и насиліемъ, происками и подстрекательствомъ; нужно сдѣлать очевиднымъ, что преслѣдуемая ею цѣль постыдна и недостойна, и что она въ своей классовой ненависти стремится разрушить опоры престола—религію, чистую любовь, вѣрность, семейныя привязанности, національный духъ, и обезчестить армию, чтобы ея существованіе стало невозможнымъ.

Воспитатель долженъ разорвать овечью шкуру и заставить злобнаго волка показаться во всемъ его звѣрскомъ видѣ. Здѣсь вовсе не политика, а этого просто требуетъ воспитаніе въ духѣ вѣрности; при этомъ слѣдуетъ избѣгать выраженной ненависти, но въ то же время быть беспощаднымъ.

Необходимо постоянно предостерегать солдата от знакомства съ социаль-демократами, равно и съ тѣми, которые, будучи нечестны на словахъ, дѣлаютъ и помыслахъ, въ силу эгоизма и своекорыстія, думаютъ лишь о своей выгодѣ, предостерегать отъ людей, явно или тайно измѣнившихъ идеальнымъ благамъ этой жизни, и въ то же время рекомендовать общеніе съ тѣми, которые рядомъ съ Богомъ дали почетное мѣсто въ своемъ сердцѣ и Государю, которые любятъ свою родину и народъ, готовы для славы и чести его на всякую жертву, не исключая и собственной жизни: вотъ общество солдата, всякое другое—недостойно.

Зная, какъ сильно вліяетъ на насъ привычный, изо дня въ день повторяющійся кругъ знакомства, такъ что подъ его дѣйствіемъ мы незамѣтно для себя совершенно измѣняемся, не трудно оцѣнить все его значеніе для нашего развитія; поэтому воспитатель долженъ слѣдить и руководить выборомъ знакомыхъ своего воспитанника.

Если такимъ образомъ вѣрность, имѣя свое начало въ сердцѣ, есть только дѣло воспитанія, то этимъ самымъ доказаны цѣнность и необходимость воспитанія; если, съ другой стороны, быть вѣрнымъ составляетъ первую обязанность солдата, то моральная сила является тѣмъ условіемъ, безъ котораго исполненіе этой обязанности немислимо.

Готовность къ войнѣ.

Необходимо, чтобы мы были готовы къ войнѣ, т. е. практически усвоили тѣ начала, которыя необходимы для войны, и въ полной мѣрѣ обладали качествами, нужными для боевого солдата. Если даже допустить, что практическое образованіе имѣетъ мало общаго съ воспитаніемъ, то все же примѣненіе выученнаго зависить только отъ сильной воли. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ бы невозмутимо стоять подъ градомъ пуль, спокойно пользуясь своимъ оружіемъ, если бы пренебреженіе къ собственной жизни не порождало мужества, храбрости, рѣшительности и выдержки! Этими свойствами солдатъ обязанъ не практической службѣ, а воспитанію. Только въ здоровомъ тѣлѣ обитаетъ здоровый духъ, а послѣдній есть результатъ дисциплинированія воли. Лишь здоровое тѣло способно вынести чрезмѣрные напряженія силъ, лишенія и трудности,

связанныя съ походной жизнью; оно становится такимъ не только благодаря практической службѣ, закаляющей тѣло, но не сберегающей его, а благодаря тому, что мы дѣлаемъ все, способствующее укрѣпленію, и избѣгаемъ всего ослабляющаго, изнѣживающаго и нездороваго. Открыть глаза и сдѣлать это доступнымъ пониманію есть дѣло нравственнаго воспитанія.

Солдатъ долженъ понять, что онъ обязанъ напрягать на службѣ все свои силы и, не зная усталости, прилежно и со вниманіемъ относиться къ своей работѣ; точно также онъ долженъ считать своей обязанностью укрѣпленіе своего тѣла для выполненія высокой и конечной задачи—сражаться за честь своей родины на кровавомъ полѣ битвы. Къ этой цѣли ведетъ разумный образъ жизни въ такой же степени, въ какой распутство вредитъ здоровью.

Сонъ.

Никто не можетъ обойтись безъ сна. Кто отказываетъ своему тѣлу въ укрѣпляющемъ снѣ, потворствуя своимъ страстямъ, тотъ вскорѣ замѣтитъ ослабленіе нервной системы, и если онъ затѣмъ упадетъ въ заблужденіе и, вмѣсто единственно цѣлительнаго средства—сна, обратится къ тому, что лишь щекочетъ нервы, то вскорѣ обнаружится, что его тѣло, казавшееся въ данный моментъ стойкимъ, на самомъ дѣлѣ еще болѣе ослаблено, какъ скрипичная струна, слишкомъ сильно натянутая. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы солдатъ спалъ каждую ночь точно опредѣленное количество часовъ, и чтобы онъ поэтому отказывался отъ всякаго удовольствія, затягивающагося до поздней ночи; только удовольствіе не должно носить характера безпутства и не должно сдѣлаться общимъ правиломъ; напротивъ, таковымъ долженъ остаться сонъ. Въ случаѣ ночныхъ упражненій солдату приходится отдыхать въ свободное время, хотя, какъ показываетъ опытъ, бессонныя ночи не вредятъ; онѣ, правда, утомляютъ, но не ослабляютъ.

Съ другой стороны, отнюдь не слѣдуетъ отводить сну первенствующаго мѣста. Какъ умѣренный сонъ—для взрослыхъ отъ 8 до 9 час. ежедневно—укрѣпляетъ тѣло, такъ всякое излишество въ этомъ отношеніи ослабляетъ его, не освѣжаетъ, а лишь изнѣживаетъ.

Употребленіе алкоголя.

Въ злоупотребленіи алкоголемъ кроется величайшая опасность для организма. Въ виду этого вѣрный солдатъ будетъ считать своимъ долгомъ или совѣмъ отказаться отъ него, или пользоваться имъ въ скромныхъ размѣрахъ. Къ такому рѣшенію онъ долженъ придти путемъ надлежащаго воспитанія и наставленій. Не говоря уже о вредныхъ послѣдствіяхъ пьянства, о которыхъ рѣчь впереди, чрезмѣрное употребленіе алкоголя ослабляетъ желудокъ и подрываетъ общее состояніе здоровья.

Желудокъ въ извѣстной степени является важнѣйшей частью человѣческаго тѣла. Если онъ не въ состояніи болѣе воспринимать необходимую для поддержанія и крѣпости членовъ пищу и перерабатывать ее на пользу этихъ послѣднихъ, то они откажутся служить. Кто не знакомъ съ басней, подтверждающей это?

Однажды члены стали ругать желудокъ, называя его лѣнтяемъ, и подговорили руки не доставлять ему больше пищи. Но когда затѣмъ они сдѣлались слабыми и вялыми, то поняли, что были несправедливы, и снова стали усердно служить органу, отъ благосостоянія котораго все они зависѣли. У всѣхъ, много пьющихъ, — я не говорю о такъ называемыхъ пьяницахъ — желудокъ съ теченіемъ времени дѣлается ненормальнымъ, не будучи въ состояніи переваривать достаточнаго количества питательнаго матеріала; это — старая, на каждомъ шагу подтверждаемая жизнью истина. вмѣсто того, чтобы бросить пить, эти люди перестаютъ ѣсть; имъ кажется невозможнымъ «одолѣть» твердую пищу. Если дѣло зашло ужъ такъ далеко, то нужно насильно ѣсть; стоитъ только захотѣть и начать съ небольшихъ количествъ, которыя потомъ неизбѣжно будутъ сами собой увеличиваться.

Разумѣется, желудокъ портится и весь организмъ изнашивается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ чаще и больше вводится въ него алкоголя; съ другой стороны простая сивуха, водка и т. п. дѣйствуютъ вреднѣе, чѣмъ пиво или вино.

Женщины.

Не лучше, чѣмъ неразумное употребленіе алкоголя, вліяютъ половыя сношенія, если они переходятъ извѣстную границу и

являются источникомъ болѣзни, отравляющей организмъ и представляющей опасность для потомства.

Солдатъ долженъ быть такъ воспитанъ, чтобы онъ считалъ за грѣхъ знакомство съ распущенными женщинами, и не только не искалъ соблазновъ, но всячески избѣгалъ ихъ. Женщины этого сорта хуже яда: онѣ отравляютъ и душу и тѣло, что не нуждается въ особыхъ доказательствахъ.

Мнѣ могутъ возразить, признавая опасность вѣббрачнаго сожителства, что воздержаніе невозможно, что здѣсь природа предъявляетъ свои права, и что нужно быть только осторожнымъ, и тогда опасности нѣтъ и т. д.

Но это — ложное представленіе: вѣдь половой инстинктъ одинаково присущъ, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ, и если сношенія для мужчины необходимы, то таковыми же они должны быть и для женщины. Однако, женщины отказываютъ въ равноправіи и падшую женщину презираютъ въ то время, какъ мужчина, даже если онъ самъ соблазнился, умышленно совершивъ грѣхъ, не перестаетъ пользоваться почетомъ и уваженіемъ. Это — безумный нравственный законъ, созданный не Богомъ, а мужчинами, чтобы скрасить проявленія своей похотливости и оправдаться въ собственныхъ глазахъ.

Вѣббрачное сожителство есть и останется явленіемъ безнравственнымъ — этого измѣнить нельзя; оно запрещено также шестой заповѣдью и составляетъ грѣхъ, въ которомъ повинны, какъ мужчина, такъ и женщина. Если бы Богъ вложилъ въ человѣка половой инстинктъ, какъ силу, которой никто противостоять не можетъ, то блудъ не былъ бы запрещенъ, и никто изъ людей не несъ бы за это наказанія вплоть до четвертаго поколѣнія. Человѣкъ долженъ пить и ѣсть, и это ему не только не вредно, но, напротивъ, очень полезно, пока онъ держится въ извѣстныхъ границахъ. Но какъ только онъ начинаетъ грѣшнить, предаваясь кутежамъ и пьянству, тогда его дѣло плохо. То же наблюдается вездѣ, гдѣ вмѣсто разумнаго пользованія выступаетъ злоупотребленіе; точно также скажутся результаты извѣстства въ половыхъ отношеніяхъ, какъ бы они по своей природѣ ни были необходимы.

Влеченіемъ къ падшей женщинѣ человѣкъ обязанъ вовсе не природѣ; оно привилось и получило широкое развитіе еще въ дѣтскіе годы, подъ вліяніемъ дурныхъ товарищей, а привычка

затуманила ясность разсудка и парализовала способность сознавать ненормальность; многие даже нарочно закрывают глаза, чтоб не отстать от ставшаго для них необходимым порока. Но какъ бы то ни было, все призванные защищать престолъ и отечество, находясь-ли они на дѣйствительной службѣ, въ запасѣ или вообще способны еще владѣть оружіемъ, такъ же, какъ и тѣ, которые хотятъ дать своему отечеству здоровыхъ сыновей, должны избѣгать вибѣрачнаго сожителства.

Наше время принято называть нервнымъ вѣкомъ, но причину этого явленія видятъ не тамъ, гдѣ нужно. Правда очень красиво и невинно звучитъ, когда отвѣтственность за все это взывается на силу пара, на электричество, быстроту сообщенія, умноженіе труда и т. д. Но вовсе не эти обстоятельства превращаютъ юношу въ молодого старика, а распутный образъ жизни, шатанье по ночамъ, пьянство и сношенія съ развратными женщинами. Если бы это было не такъ, если бы въ дѣйствительности причины лежали въ нашемъ тревожномъ времени, тогда были бы нервными все безъ исключенія и мало нашлось бы здоровыхъ старыхъ людей, которыхъ съ полнымъ правомъ называютъ молодыми старцами.

Кто не преданъ распутству, тотъ сохраняетъ свое здоровье, крѣпость и свѣжесть; въ томъ не видно признаковъ наступающей старости.

Сношенія съ женщиной, даже далекая отъ излишествъ, разрушаютъ организмъ вслѣдствіе тяжелыхъ, отравляющихъ плоть и кровь болѣзней, противъ которыхъ не существуетъ надежнаго средства. Ужаснѣе всего при этомъ то, что если не избавиться отъ такой болѣзни, она передается по наслѣдству дѣтямъ, а эти послѣднія вѣдь тоже принадлежатъ отечеству и къ нимъ отечество можетъ предъявить и предъявляетъ свои вполне основательныя требованія.

Разумный образъ жизни ведетъ къ тому, что и будущія поколѣнія станутъ предметомъ народной гордости; распутство же имѣетъ своимъ послѣдствіемъ одно вырожденіе. Итакъ, не будемъ сами себя губить, а будемъ на почвѣ истинной морали воспитывать во ввѣренной намъ молодежи готовность къ войнѣ.

Твердость при исполненіи служебныхъ обязанностей и храбрость на войнѣ.

Въ дѣлѣ усвоенія этихъ качествъ воспитаніе также играетъ выдающуюся роль.

Твердость и храбрость коренятся въ сильной волѣ, энергіи, въ чувствѣ долга и чести, а это послѣднее, въ свою очередь, вытекаетъ изъ любви къ военному дѣлу, изъ радости, порождаемой успѣшной дѣятельностью, изъ благородныхъ стремленій, изъ любви къ Государю и отечеству, такъ же, какъ изъ здороваго чувства сознанія своего достоинства и гордаго сознанія принадлежности къ сословію, задача котораго—защищать престолъ и отечество.

О томъ, почему солдатъ, какъ и гражданинъ, долженъ любить и быть преданнымъ своему Государю и отечеству, было уже изложено въ главѣ „Вѣрность“; поэтому считаю достаточнымъ здѣсь замѣтить, что въ вѣрности содержатся также твердость духа и храбрость, потому что безъ этихъ качествъ немыслима вѣрность.

Средства воспитанія въ большей или меньшей степени остаются всегда одни и тѣ же; въ зависимости отъ поставленной цѣли, на первый планъ выступаетъ то одно, то другое. Въ каждомъ данномъ случаѣ надлежащее средство опредѣляется характеромъ недостатковъ, подлежащихъ исправленію, но первенствующее значеніе принадлежитъ всегда примѣру. Робкій духомъ обращаетъ, конечно, свои взоры на своихъ товарищей и начальниковъ, и если онъ видитъ, что они храбры и отважны, то онъ стыдится своего малодушія; ободряющее слово дѣйствуетъ на него сильнѣе, чѣмъ на смѣшки и издѣвательства, поддразниванія и грубость. Представимъ себѣ человека, который во время похода начинаетъ отъ усталости отставать. Безъ сомнѣнія, онъ тотчасъ останется назади, если услышитъ: «Проклятый лѣнтяй, должно быть захотѣлъ отвѣдать палочныхъ ударовъ!» или „Что маменькинъ сынокъ, плохо придется вдали отъ маменькиной юбки?“, или если сосѣдъ сзади подтолкнетъ его впередъ; но зато ласковое и доброе слово навѣрное придастъ уставшему силу и крѣпость. Однажды въ походѣ, когда я, будучи еще вольноопредѣляющимся, чуть не изнемогъ отъ приступа слабости во время передвиженія, одинъ унтеръ-офицеръ предложилъ мнѣ нести мое оружіе и сказалъ при этомъ: „Вольноопредѣляющемся не подобаетъ быть вялымъ, а то что подумаютъ

люди? Я вамъ охотно помогу“. Мнѣ стало совѣстно: я удержалъ свое оружіе и рѣшилъ продолжать путь, пока совѣтъ не выбьюсь изъ силъ. И, дѣйствительно, мнѣ это удалось: лишь на квартирѣ, когда сильный нервный подъемъ прошелъ, я упалъ въ обморокъ. Но это мнѣ ничуть не повредило; напротивъ, принесло пользу, потому что я никогда больше не поддавался слабости.

Не иначе обстоитъ дѣло и съ храбростью; и здѣсь слово увѣщанія поднимаетъ бодрость духа, но главнымъ образомъ дѣйствуетъ примѣръ, конечно, при условіи наличности живого чувства чести.

Равнодушное отношеніе, пренебреженіе, насмѣшки и издѣвательства начальниковъ или товарищей, такъ же какъ и собственная физическая слабость, недостаточно сильная воля, безстыдство и безчестіе — есть могила для храбрости и мужества; напротивъ, утѣшеніе, ласковое и дружеское увѣщаніе, примѣръ храбрости со стороны начальниковъ и товарищей, равно какъ энергія и сила воли, твердая выдержка, усердіе и старательность, живое и добросовѣстное исполненіе обязанностей — образуютъ ту почву, на которой сами собою произрастаютъ высокія солдатскія добродѣтели.

Повиновеніе начальству.

Повиновеніе, такъ же какъ и вѣрность, не есть нѣчто внѣшнее; оно беретъ свое начало глубоко въ сердцѣ и является такимъ образомъ скорѣе плодомъ воспитанія, чѣмъ результатомъ муштры, — если даже согласиться съ тѣмъ, что строгая муштра не остается безъ вліянія. Къ повиновенію ведутъ два пути: одинъ — страхъ предъ наказаніемъ, другой — любовь къ начальнику; поддержку оно находитъ въ признаніи необходимости повиновенія.

Повиновеніе изъ страха предъ наказаніемъ ненормально и по существу не выдерживаетъ критики: его нѣтъ, конечно, тамъ, гдѣ солдатъ не на глазахъ у начальства, гдѣ онъ думаетъ, что остается незамѣченнымъ и можетъ безнаказанно грѣшить. Такого рода повиновеніе всегда представляетъ собой выраженіе низменной души, вводящей въ заблужденіе своимъ лицемѣріемъ. Подобные солдаты не могутъ быть терпимы въ арміи, потому что, лишеныя чувства чести и долга, они, навѣрно, покинутъ отечество въ минуту опасности.

Поэтому нельзя довольствоваться фактомъ повиновенія самимъ по себѣ, а необходимо изслѣдовать источникъ его происхожденія, чтобы имѣть возможность очищать его и просвѣтлять.

Заслуживаетъ довѣрія лишь то повиновеніе, которое вытекаетъ изъ любви къ Государю и родинѣ, изъ любви къ начальству и высокому призванію солдата, также изъ чувства радости, обусловленнаго сознаніемъ повиновенія, которое ощущается не какъ тягостное принужденіе, а въ каждомъ данномъ случаѣ представляется какъ свободный даръ свободного человѣка.

Итакъ, задача воспитанія — вызвать въ солдатахъ именно такое повиновеніе. Это не трудно сдѣлать по отношенію къ тѣмъ, кто уже обладаетъ качествами, отвѣчающими условіямъ его возниженія, ибо въ нихъ мы уже находимъ потребность повиноваться начальству; въ другихъ же эти качества должны быть еще воспитаны. О мѣрахъ для этой цѣли было изложено въ предшествующихъ главахъ, а потому не стану здѣсь ихъ повторять, но мнѣ хотѣлось бы указать только на два пункта — на примѣры начальника и на упомянутое выше сознаніе необходимости повиновенія.

Ни въ одной области, какъ мнѣ кажется, не бросается такъ сильно въ глаза вліяніе примѣра, какъ въ дѣлѣ повиновенія. Когда солдатъ видитъ полное повиновеніе со стороны всѣхъ своихъ начальниковъ, какое бы служебное положеніе они не занимали, когда онъ видитъ, что они охотно, вполне добровольно и радостно подчиняются не только выше ихъ стоящему, но съ такой же готовностью и безъ колебанія исполняютъ предписанія службы, то онъ, безъ сомнѣнія, постарается побороть въ себѣ побужденіе къ неповиновенію, если таковое имѣется; напротивъ, оно въ немъ еще болѣе усилится, если унтеръ-офицеры или офицеры будутъ на его глазахъ прекословить своимъ начальникамъ, или при исполненіи приказанія не скрывать своего неудовольствія, или говорить „Слушаю!“, не думая при этомъ его исполнить. Тутъ дѣйствіе примѣра наиболѣе дѣйствительно, такъ какъ не проходитъ дня, чтобы въ присутствіи подчиненныхъ не отдавалось приказовъ ихъ начальникамъ. Такимъ образомъ на всѣхъ начальникахъ солдата лежитъ обязанность воспитать себя такъ, чтобы никогда не служить сомнительнымъ или даже дурнымъ примѣромъ, а быть свѣтлымъ образцомъ, достойнымъ подражанія.

Съ этимъ требованіемъ приходится считаться въ гораздо большей степени, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось и дѣлается.

Если на ряду съ примѣромъ выступаетъ также сознание необходимости повиновенія, то это означаетъ большой шагъ впередъ. Что человекъ считаетъ неизбежнымъ, то онъ обыкновенно и дѣлаетъ. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы всѣ приказывали; къ кому бы тогда относились приказанія или кто бы исполнялъ данныя приказанія? Итакъ, должны быть начальствующіе и подчиненные, первые съ правомъ приказывать, а вторые съ обязанностью повиноваться. Сраженіе можно выиграть лишь при условіи подчиненія воли всѣхъ волѣ предводителя; только тогда достигается цѣль похода, когда люди съ готовностью слѣдуютъ за своимъ предводителемъ и признаютъ надъ собой его власть, а не опредѣляютъ каждый по своему направленіе пути и время, и не рѣшаютъ самостоятельно вопроса о томъ, идти ли или оставаться дома. Хорошій солдатъ можетъ выработаться только тогда, когда онъ не поступаетъ противно предъявляемымъ къ нему требованіямъ и обнаруживаетъ въ ученіи прилежаніе и послушаніе. Порядокъ въ комнатахъ и казармахъ можетъ быть поддержанъ, если выполняются данныя приказанія, служація для этой цѣли. Такимъ образомъ послушаніе проходитъ красной нитью черезъ всю жизнь солдата, и тысячи крупныхъ и мелкихъ примѣровъ лучше всего показываютъ и доказываютъ необходимость повиновенія, если въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дать живое и образное изображеніе послѣдствій повиновенія и ослушанія. Не безъ вліянія остается пріемъ, когда учитель посредствомъ удачно подобранныхъ примѣровъ показываетъ своимъ воспитанникамъ, какъ ни одинъ человекъ не можетъ обойтись безъ повиновенія, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился. Что было бы съ воспитаніемъ дѣтей дома и въ школѣ безъ послушанія? Какъ можетъ быть доведена до конца работа—будь это обрабатываніе поля или жатва, будь это возведеніе зданія или выполненіе заводскихъ работъ,—если служаціе не будутъ повиноваться? Какъ могъ возникнуть какой-либо союзъ или товарищество, если бы каждый хотѣлъ быть предсѣдателемъ, организаторомъ и проводить непремѣнно свою волю? Какъ машина—скажемъ локомотивъ—лишь тогда способенъ двигаться, когда всѣ части его на своихъ мѣстахъ и выполняютъ каждая свое назначеніе, и тотчасъ останавливается, если хоть

одна часть отказывается служить; такъ же и благосостояніе народа процвѣтаетъ лишь тогда, когда всѣ—каждый на своемъ мѣстѣ—участвуютъ въ работѣ, когда всѣ приспособляются другъ къ другу, вмѣсто того, чтобы упорствовать на своемъ и преднамѣренно или непреднамѣренно противодействовать другъ другу.

Если это явленіе имѣетъ мѣсто въ повседневной жизни, да и вездѣ безъ исключенія, то всякому должно быть ясно, что повиновеніе въ арміи имѣетъ еще большее значеніе и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей солдата.

Однако, начальникъ не долженъ затруднять своему подчиненному повиновеніе, или—еще хуже—вызывать на неповиновеніе. Къ этому можетъ вести, не говоря уже объ оскорбленіяхъ, ругательствахъ и насиліяхъ, о негодности которыхъ была рѣчь выше, и

Форма приказанія.

Стоитъ только обратиться къ личному опыту, углубиться въ самихъ себя, и мы должны будемъ согласиться, что приказанія или указанія нашихъ воспитателей дѣйствуютъ непріятно на насъ и побуждаютъ къ противорѣчію или непослушанію въ томъ случаѣ, если у насъ является такое чувство, какъ будто приказывающій смотритъ на насъ свысока, или ему доставляетъ особенное удовольствіе заставлять насъ плясать по своей дудкѣ, или онъ хочетъ подчеркнуть нашу зависимость, или, наконецъ, когда мы сознаемъ ненужность приказанія. Непослушаніе принимало размѣры сопротивленія въ различнѣйшихъ формахъ, когда намъ казалось, что насъ мучаютъ и тиранятъ, или совершаютъ надъ нами нравственное насиліе. Наоборотъ, мы всегда были готовы безусловно повиноваться, даже старались по глазамъ воспитателя угадывать его желанія и приказанія, нерѣдко исполняли ихъ прежде, чѣмъ они были высказаны, если любили его и знали, что онъ не допуститъ сознательно ни малѣйшей несправедливости. Его приказанія были въ нашихъ глазахъ несомнѣнно необходимыми и справедливыми, и тогда, когда мы этого и не понимали.

Такимъ образомъ характеръ приказанія обуславливаетъ съ одной стороны побужденіе къ радостному повиновенію, съ другой—прямо вызываетъ желаніе не подчиняться, смотря по тому, въ какой формѣ оно отдано. Поэтому умѣніе приказывать есть искусство

ство, которое слѣдуетъ изучить начальнику, это его безусловная обязанность, потому что, какъ я только что показалъ, отъ него зависитъ многое.

Мнѣ придется здѣсь ближе разсмотрѣть общеизвѣстное, боевое выраженіе социаль-демократіи, которое также дѣйствуетъ неблагоприятно на духъ радостнаго повиновенія, и потому должно быть искоренено изъ сердца солдата,—это:

Свобода, равенство и братство.

По представленію социаль-демократіи свобода заключается въ полной, незнающей границъ, разнузданности, въ отсутствіи законности: при чемъ они придаютъ значенія только собственной волѣ; такимъ образомъ, она составляетъ прямую противоположность послушанію и приводитъ къ рабству низшихъ. Социаль-демократъ ни въ коемъ случаѣ не свободный человѣкъ, онъ — рабъ деспотизма, достойный сожалѣнія. Вотъ почему солдату надо открыть глаза. Социаль-демократъ ругаетъ подати, которыя онъ долженъ платить государству или общинѣ, но которыя ему сторицей возмѣщаются, благодаря благодѣтельному порядку, вносимому надлежащимъ государственнымъ управленіемъ и общественной жизнью; вспомнимъ хотя бы благодѣтельные учреждения государства: учреждения для бѣдныхъ и больныхъ, пути сообщенія, желѣзныя дороги, почту, трамваи и т. д., мощеніе и освѣщеніе улицъ, санитарныя установленія, школы, церкви и т. п.

Да, такія подати кажутся социаль-демократу тягостными, потому что онѣ представлены ему въ ложномъ свѣтѣ, а между тѣмъ онъ добровольно платитъ несравненно большіе партійные налоги, которые путемъ происковъ и подстрекательства служатъ лишь для распространенія ложнаго ученія, отравляютъ народъ и разрушаютъ устой отечества, только наполняютъ карманы агитаторовъ и создаютъ имъ прекрасную въ матеріальномъ отношеніи жизнь.

Человѣкъ, не заботящійся о своемъ воспитаніи, не владѣющій собой, но ведущій безпутный образъ жизни, потворствуя своимъ страстямъ, — несвободенъ, онъ — рабъ грѣха. Истинная свобода состоитъ не въ ненасытности желаній и самовласти, а исключительно въ удовлетворенности, въ чувствѣ внутренняго довольства.

Поэтому стремящійся къ истинной свободѣ ищетъ именно этихъ благъ.

Послушаніе не есть рабство, а, напротивъ, господство. Но оно должно являться какъ свободный даръ свободаго человѣка, а не какъ проявленіе тягостнаго принужденія, какимъ оно бываетъ для раба. Кто изъ насъ могъ бы почувствовать себя несвободнымъ? Конечно, мы связаны чувствомъ долга и чести, требованіями закона, порядка и морали, но мы тѣмъ не менѣе не несвободны, какъ разъ наоборотъ, именно благодаря тѣсной связи съ добродѣтелью, мы свободны. Это нужно выяснитъ солдату, что совсѣмъ не трудно, если ему показать, куда ведетъ ложная свобода и куда — истинная свобода.

Далѣе, подъ равенствомъ социаль-демократъ понимаетъ одинаковость жизненныхъ условій всѣхъ людей, т. е. требованіе, чтобы каждый имѣлъ ровно столько, сколько и другой.

Всѣ работаютъ сообща для всѣхъ, и все, что добываютъ, дѣлятъ между собой поровну; приобретенное личнымъ трудомъ перестаетъ существовать, и рабочій имѣетъ такое же значеніе, какъ и купецъ или чиновникъ. Но это неправильно, такъ какъ при такомъ порядкѣ вещей замираютъ всякое стремленіе и прогрессъ. Въ настоящее время жизнь насъ учитъ, что бѣднякъ можетъ сдѣлаться богатымъ, богачъ — обѣднѣть, одинъ благодаря личнымъ заслугамъ, другой благодаря собственной винѣ; семьи вырождаются и возрождаются, и та или другая дѣятельность сама собой оплачивается по достоинству. Такое состояніе вполне нормально: оно ведетъ къ все большему развитію какъ матеріальному, такъ и духовному, оно полезно отдѣльной личности, такъ же какъ и семьѣ, народу и государству. Равенство въ смыслѣ социаль-демократовъ есть вещь невозможная, оно влечетъ за собой общій упадокъ, такъ какъ безъ заработка отдѣльнаго лица, безъ частной собственности, безъ имущества и безъ богатства отдѣльныхъ лицъ немислимо и благо государства, а безъ этого послѣдняго и благосостояніе народа. Что за польза предоставлять каждому равное количество благъ и ставить всѣхъ въ одинаковое положеніе? До тѣхъ поръ пока мы еще люди со свойственными намъ недостатками и слабостями, будутъ пьяницы, игроки, разбойники, воры, убійцы и др., а пока существуютъ эти послѣдніе, естественно, будетъ ежедневно мѣняться матеріальное состояніе.

Въ день полученія жалованья каждый солдатъ имѣеть 2,20 марки, но уже спустя часъ свободнаго отъ службы времени, едва ли найдется два человѣка, у которыхъ въ кошелькѣ осталось бы денегъ поровну.

Неосуществимо также равенство въ смыслѣ одинаковаго отношенія къ людямъ, занимающимъ различное общественное положеніе. Конечно, простой солдатъ, какъ таковой или какъ вообще человѣкъ, можетъ пользоваться такимъ же уваженіемъ и любовью, какъ офицеръ, или рабочій такимъ же почетомъ, какъ важнѣйшій чиновникъ, — это само собою понятно; но такое отношеніе къ нему не можетъ быть обусловлено его положеніемъ, такъ какъ офицеръ стоитъ выше солдата, чиновникъ — выше рабочаго.

То равенство, которое выпадаетъ и должно выпадать на нашу долю, какъ людей, заключается только въ равенствѣ передъ закономъ и во взаимномъ уваженіи; другого равенства не существуетъ, потому что это противорѣчило бы міровому порядку, установленному Богомъ, котораго никто не можетъ ниспровергнуть, — ни социаль-демократы, ни даже короли.

А братство? Быть братьями — не значить представлять собою одно и то же, и имѣть въ глазахъ общества одинаковое со всѣми значеніе, — братство означаетъ лишь взаимную любовь. Но этого какъ разъ социаль-демократы не выполняютъ, они только того считаютъ братомъ, кто дѣлаетъ съ ними одно общее дѣло и со своей рабской душой принимаетъ участіе въ ихъ подпольной работѣ; къ другимъ они питаютъ безграничную ненависть. Жить по братски, значить оказывать другъ другу помощь и поддержку, дѣлить радость и горе, имѣть состраданіе къ бѣднымъ и несчастнымъ, спастись отъ опасности даже цѣной собственной жизни.

Такимъ образомъ оказывается, что мы несмотря на повиненіе — свободы; несмотря на различіе въ общественныхъ положеніяхъ — равны, и несмотря на внѣшнее разстояніе, раздѣляющее наши семьи, занятія или знаки оказываемаго намъ уваженія, — мы все же братья, а съ другой стороны социаль-демократы, эти носители свободы, равенства и братства, ни свободны, ни равны, ни братья.

Это происходитъ отъ того, что социаль-демократъ, одержимый корыстолюбіемъ и классовой ненавистью, черпаетъ содержаніе этихъ понятій изъ чисто свѣтскаго взгляда на земную жизнь, а мы ихъ строимъ по ученію Христа согласно требованіямъ вѣры.

Порядочное поведеніе на службѣ и внѣ ея.

Живое чувство чести необходимо для исполненія всѣхъ обязанностей; это явѣ всего выступаетъ въ порядочности поведенія, такъ какъ малѣйшая нерадивость скверно отражается одновременно и на этой обязанности. Порядочность поведенія требуетъ точнаго исполненія даже самыхъ незначительныхъ предписаній службы, безразлично, находится ли солдатъ на глазахъ у своего начальства, или оно его не видитъ; она требуетъ чтобы солдатъ и внѣ службы велъ чистую и безупречную жизнь, чтобы на всѣхъ его дѣйствіяхъ положительнаго и отрицательнаго характера лежала печать того достоинства, которое неразрывно связано съ его высокимъ призваніемъ.

Чѣмъ живѣе это чистое, просвѣтленное чувство чести, тѣмъ достойнѣе будетъ и поведеніе; и задача воспитанія сообразно съ этимъ — пробудить это сознаніе собственного достоинства, беречь его, усиливать и развивать. Такой результатъ получается самъ собою съ помощью примѣра, обученія и поощренія, предупрежденія и наказанія, если одновременно примѣняются средства, способствующія порядочности поведенія, и устраняется все то, что оказываетъ дурное вліяніе. Любовь къ Государю и родинѣ, любовь къ родителямъ и начальникамъ, которымъ хорошій солдатъ старается доставлять однѣ только радости; любовь къ товарищамъ, расположеніемъ которыхъ онъ дорожитъ; гордое чувство, вызываемое въ немъ войсковою частью, значеніе которой онъ стремится все больше и больше расширить; гордость своимъ королевскимъ мундиромъ, который онъ боится запятнать; знакомство съ честными людьми и истинными патриотами — вотъ условія достойнаго поведенія, въ то время какъ общеніе съ негодями разнаго рода или съ социаль-демократами, пускающими въ ходъ всевозможные ухищренія и соблазны, чтобы сойтись съ человѣкомъ, равно какъ пьянство и пороки приводятъ къ все большому отчужденію отъ долга и чести.

Распутный образъ жизни.

О томъ, какъ всякая разнузданность губить тѣло и является преступной по отношенію къ готовности къ войнѣ, я показаль

выше; здѣсь я намѣренъ выяснитъ, какъ она отравляетъ также и душу и мало-по-малу убиваетъ всякое благородное побужденіе, чистоту, чувство чести и строгую правдивость. Порядочность поведенія должна такъ глубоко корениться въ существѣ солдата, чтобы онъ испытывалъ настоящій ужасъ предъ всякимъ нарушеніемъ ея, какъ бы незначительно оно ни было, и долженъ быть такъ далекъ отъ проступковъ и преступленій, чтобы онъ ихъ и въ мысляхъ не имѣлъ. Если это достигнуто, то онъ ужъ самъ будетъ сторониться всѣхъ, кто недостаточно добропорядоченъ, и заботиться о надлежащемъ выборѣ знакомыхъ; онъ будетъ избѣгать склонныхъ къ распутству и карать своимъ презрѣніемъ тѣхъ, которые осмѣлились бы отнимать у него самыя святыя его чувства и отравлять его душу.

Привычка обладаетъ большою силой и мощью, отъ которой никто не можетъ освободиться; даже при самомъ внимательномъ наблюденіи подъ своими дѣлами трудно замѣтить ея начало. Кто по привычкѣ ведетъ знакомство съ развратными женщинами, тотъ скоро запутается въ ихъ сѣтяхъ, и если онъ въ нихъ основательно застрялъ, то этимъ сдѣланъ первый шагъ къ движенію по наклонной плоскости; затѣмъ, слѣдуетъ просрочка отпуска; да и вообще никто не можетъ сказать, какіе другіе проступки могутъ къ этому присоединиться, если не будетъ во-время сдѣлано поворота назадъ. Развратная женщина подобна болоту, которое, правда, у береговъ мелко и имѣетъ твердое дно, но которое чѣмъ дальше, тѣмъ глубже затягиваетъ. Какъ въ болотѣ существуетъ мѣсто, откуда уже нѣтъ возврата за отсутствіемъ твердаго дна и необходимой опоры, и неизбежна гибель, если не явится помощь извнѣ, точно также умираетъ и чистота сердца, сила воли и энергія тѣхъ, кого общеніе съ подобными женщинами все больше и больше отравляетъ. Душа умерла; ей больше недоступны ни честь, ни сознание долга, ни любовь, ни вѣрность, ни религія, ни вѣра; она погибла въ нечистотѣ, въ грязи, въ тинѣ и болотѣ.

Не иначе обстоитъ дѣло и съ пьянствомъ, которое для солдата само по себѣ, даже въ единичномъ случаѣ, недопустимо. Всякій, кто хоть сколько-нибудь уважаетъ себя и гордится своимъ званіемъ, будетъ страшиться возбуждать противъ себя общественное неудовольствіе;—тѣмъ болѣе долженъ этого бояться солдатъ Пьяный, потерявъ власть надъ своими членами, шатаясь пе-

реходить съ одной стороны улицы на другую, дѣлается посмѣшищемъ для старыхъ бабъ и предметомъ потѣхи для дѣтей; преслѣдуемый уличными мальчишками, продолжаетъ онъ свой путь, и воздухъ оглашается неистовымъ, насмѣшливымъ крикомъ и ликоваціемъ, когда онъ, наконецъ, очутится въ канавѣ; дѣйствительно отталкивающее зрѣлище, отъ котораго съ отвращеніемъ отворачиваешься, и неужели позволительны такіе случаи съ солдатомъ!? Дальше! Богъ надѣлилъ человѣка разумомъ и тѣмъ самымъ возвысилъ его надъ животными; Богъ поставилъ человѣка господиномъ надъ землею, и ему должна быть покорна всякая тварь на землѣ и въ воздухѣ. Сколько нужно подлости и низости, чтобы по собственной винѣ стать хуже животныхъ и потерять подобіе Божіе! Неужели можно такъ низко пасть солдату, чье высокое и святое призваніе требуетъ отъ него чрезвычайно болѣзненного чувства части? Дальше! Богъ даровалъ человѣку на ряду съ разумомъ и силу, чтобы пользоваться ею въ интересахъ своего дѣла, семьи, государства и своихъ занятій, чтобы изъ этой силы исходило благословеніе на всѣхъ тѣхъ, кому она оказывается полезной, и неужели же человѣку, солдату отказываться отъ нея?

Нѣтъ недостатка въ картинахъ, рисующихъ, какъ вредно дѣйствуетъ пьянство на нравственность, и какъ человѣкъ опускается все ниже и ниже, чѣмъ чаще онъ предается этому пороку. Пьянство есть путь къ пороку, убивающему душу, и я хочу указать на тѣ опасности, которымъ подвергаются всѣ пьяницы, не будучи больше господами самимъ себѣ и находясь подъ вліяніемъ бѣса алкоголя.

Сходите въ остроги и тюрьмы и спросите арестантовъ, какъ они дошли до своего преступленія, и вы въ большинствѣ случаевъ получите отвѣтъ: „я былъ пьянъ“. Въ трезвомъ состояніи онъ могъ бы противостоять искушенію, а въ состояніи опьяненія онъ сдѣлался убійцей, обманщикомъ, лжецомъ, клятвopреступникомъ и т. д. Развѣ честный и добросовѣтный солдатъ не долженъ послѣ этого избѣгать злоупотребленія алкоголемъ?

Ложь.

Добропорядочное поведеніе требуетъ строгой правдивости; кто лжетъ, тому становится чуждымъ чувство чести. Ложь представ-

ляетъ собой особенно большую опасность, потому что на нее обращается слишком мало вниманія; я даже не колеблюсь утверждать, что большинство людей во многихъ случаяхъ извиняють себя ложь, но этимъ она отнюдь не оправдана, —наоборотъ именно поэтому она очень вредна.

Ложь сама по себѣ есть низость; она происходитъ или изъ желанія скрыть какой-нибудь проступокъ, чтобы другихъ не огорчить или разочаровать, или она вытекаетъ изъ трусости, т. е. изъ страха передъ наказаніемъ, или изъ неуваженія людей. Но какъ бы то ни было, ложь остается подлой, дважды и трижды подлой, если изъ-за нея падаетъ подозрѣніе на другого.

Солдатъ долженъ бояться лжи, такъ какъ и она ведетъ въ трясины. Отъ лжи до обмана только одинъ шагъ. Кто можетъ указать, когда именно онъ дѣлается? Отъ обмана до воровства опять-таки одинъ шагъ, и такъ далѣе вплоть до проступковъ и тягчайшихъ преступленій.

Кто согрѣшилъ—вѣдь мы все люди и нѣтъ между нами такихъ, которые поступали-бы всегда только правильно—тотъ долженъ также имѣть мужество сознать свою ошибку, какъ бы это ни было ему тяжело; въ этомъ заключается искупленіе, и такая откровенность не остается безъ награды. За наказаніемъ обыкновенно слѣдуютъ забвеніе и прощеніе, наоборотъ, ложь только отягчаетъ проступокъ, и самое худшее здѣсь то, что вслѣдствіе лжи человекъ теряетъ вѣру окружающихъ въ его правдивость,—для солдата это значитъ потерять довѣріе начальства и товарищей. Кто разъ солгалъ, тому не вѣрять, коль онъ и правду говоритъ.

Товарищи.

Теперь обращаюсь къ послѣдней обязанности. Несмотря на то, что она стоитъ въ концѣ, она, быть можетъ, является самымъ дѣйствительнымъ воспитательнымъ средствомъ. Чѣмъ крѣпче солдаты связаны духомъ товарищества, тѣмъ сильнѣе должно быть воспитательное вліяніе ихъ другъ на друга. Отсюда вырастаетъ для начальниковъ—воспитателей задача сдѣлать вполне яснымъ для новобранцевъ различіе между истиннымъ товариществомъ и ложнымъ. Все солдаты должны преслѣдовать общую, великую цѣль—съ любовью стью служить своей родинѣ и научиться съ чувствомъ

гордости жертвовать своей жизнью ради чести Правителя и славы отечества. Это возможно лишь тогда, когда они такъ усвоили себѣ вышеупомянутыя солдатскія добродѣтели, что онѣ перешли въ ихъ плоть и кровь, сдѣлались частью ихъ существа.

Какъ пятно портитъ видъ новаго сюртука и постоянно бросается въ глаза, такъ и дурной солдатъ подрываетъ значеніе войсковой части и арміи, онъ не перестаетъ быть позорнымъ пятномъ, всегда возбуждающимъ неудовольствіе.

Поэтому солдатъ не только имѣетъ право, но и обязанъ, смотрѣть не только за собой, но и за своими товарищами и требовать, чтобы они избѣгали всего вредящаго ихъ и общей чести, которой они пользуются и чтобы дѣлали все, что способствуетъ славы какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всѣхъ и возвѣщаетъ о ней далеко за предѣлами отечества.

Товарищество, дѣйствующее и воспитывающее въ этомъ смыслѣ, есть настоящее товарищество, а всякое другое, которое старается заглаживать и скрывать отдѣльныя провинности своихъ членовъ, ложно и опасно. Странно, что это воспитательное средство нашло себѣ сравнительно незначительное примѣненіе, между тѣмъ всякому ясно, какъ благотворны результаты воспитательнаго вліянія, которое оказываютъ другъ на друга люди, занимающіе одинаковое положеніе.

Неправильна также постановка воспитанія съ помощью товарищей, если при этомъ только и дѣлаютъ, что подвергаютъ людей, часто безъ всякаго основанія, наказаніямъ и насиліямъ,—это никогда не приноситъ хорошихъ плодовъ. Такой пріемъ вовсе не вытекаетъ изъ вѣрно понятаго военнаго духа, но изъ удовольствія причинять зло и совершаетъ жестокости. Средства руководить сбившимися съ пути товарищами заключаются не въ насиліи—его мы смѣло предоставляемъ социаль-демократамъ, а въ обученіи и предупрежденіи, главнымъ же образомъ въ непрестанной бдительности и достойныхъ подражанія примѣрахъ. Какъ палка или костыль поддерживаетъ калѣку, давая ему возможность стоять и ходить безъ боли, такъ долженъ хорошій, въ самомъ себѣ увѣренный солдатъ служить слабому товарищу необходимой опорой, быть его надежной поддержкой, такъ чтобы онъ могъ твердо стоять на ногахъ и увѣренно ходить.

Объ этомъ можно было бы бесконечно много говорить и не

трудно высказанную мысль развивать дальше,—пусть каждый дѣлаетъ это по своему.

Такимъ образомъ, обученіе Военскому Уставу, далѣе національный духъ съ его любовью къ семьѣ и народу, наконецъ, любовь къ родинѣ, преданность Государю, религія и радостная готовность къ службѣ—составляютъ главныя воспитательныя средства: но кромѣ этихъ существуетъ еще цѣлая масса другихъ, менѣе значительныхъ средствъ, которыя, не будучи докучливы, служатъ той же цѣли, пріятны солдатамъ, и потому довольно существеннымъ образомъ помогаютъ дѣлу воспитанія.

7. Наказанія и награды.

Награды и наказанія являются въ рукахъ ротнаго командира дѣйствительными средствами воспитанія лишь въ томъ случаѣ, когда они назначаются и даются исключительно согласно требованіямъ справедливости и независимо отъ личности, и когда они соотвѣтствуютъ не только особенностямъ наказываемаго или награждаемаго, но также согласуются съ даннымъ проступкомъ или заслугою.

Всякое наказаніе имѣетъ цѣлью искупленіе совершеннаго проступка и предупрежденіе его повторенія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно служить предостереженіемъ для всѣхъ другихъ солдатъ. Награда въ свою очередь означаетъ признательность за честное исполненіе обязанностей, налагаемыхъ службой, и за добропорядочное поведеніе; она должна побуждать не только награжденнаго, но и всѣхъ остальныхъ посвятить службѣ всѣ силы безъ остатка проявляя усердіе, прилежаніе, неутомимость и выдержку, и въ смыслѣ умѣнья вести себя быть примѣромъ, достойнымъ подражанія. Отсюда слѣдуетъ, что наказанія и награды лишь тогда достигаютъ цѣли, когда всѣ относящіяся сюда обстоятельства тщательно провѣрены. Не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія возможности допущенія какой-нибудь ошибки, потому что такой случай составляетъ рѣдкое исключеніе.

Какъ наказаніе, соотвѣтствующее характеру человѣка и совершенному имъ проступку, только при томъ условіи служитъ задачамъ воспитанія, если начальникъ связываетъ его съ наставле-

ніемъ и поощреніемъ, точно такъ же, но въ противоположномъ направленіи оно дѣйствуетъ, когда назначается въ гнѣвѣ, сгоряча, или съ видомъ полнаго равнодушія или даже вопреки справедливости; она будитъ упрямство и заглушаетъ чувствительность. Съ другой стороны вполне заслуженная награда заставляетъ человѣка все больше и больше стараться, между тѣмъ какъ чрезмѣрная, не по заслугамъ большая награда оказывается вредной. Не скажетъ ли себѣ получившій такую награду: „Къ чему мнѣ мучиться? Ротный ничево отъ меня не требуетъ; дѣлаю ли я что-нибудь особенное или нѣтъ. я все равно получаю все, что хочу“. Жестокая, т. е. безсердечная строгость, такъ же какъ и легкомысленное награжденіе—это ядъ для воспитанія; напротивъ, строгость, вытекающая изъ доброжелательства, даже если она жестока, и награды, согласныя съ требованіями справедливости, всегда приносятъ хорошіе плоды.

Наказанія и награды, при назначеніи которыхъ должны быть приняты во вниманіе всѣ обстоятельства, легко производятъ впечатлѣніе несправедливости, если напр., двое, совершившіе одинаковыя проступки, подвергаются различнымъ наказаніямъ или неравномѣрно награждаются, хотя ихъ заслуги, повидимому, одинаковаго достоинства. Если такой случай имѣетъ мѣсто, то начальникъ непременно долженъ собрать часть, ясно представить дѣло и показать, что справедливость требуетъ обсужденія съ различныхъ точекъ зрѣнія, и что было-бы несправедливо примѣнять ко всѣмъ одну мѣрку. Примѣръ: двое одинаково долго отсутствовали послѣ вечерней зари, но одинъ изъ нихъ подвергался уже наказанію и довольно часто подавалъ поводъ къ порицанію, въ данномъ случаѣ былъ даже иниціаторомъ, а другой, которымъ начальство вообще было довольно, только по глупости слѣдовалъ за нимъ; какъ неправильно было бы наказывать обоихъ съ одинаковой строгостью! Не иначе обстоитъ дѣло и съ наградами. Конечно, ротный командиръ охотно даетъ отпускъ только хорошимъ солдатамъ; но вотъ у него въ ротѣ имѣется солдатъ, который изъ всѣхъ силъ старается сдѣлаться такимъ же отличнымъ для строя, какъ и его товарищи, но это ему никакъ не удается, потому что мать-природа обошлась съ нимъ, какъ мачеха: у него Х— или О—образныя ноги или какой-нибудь другой недостатокъ,—развѣ не было бы вопіющей несправедливостью отказать въ отпускѣ человѣку, который дѣлаетъ все въ предѣлахъ возможнаго?

Наказывать не легко, награждать же еще труднее; поэтому начальник никогда не должен действовать ни слишком поспешно, ни под влиянием гнева или в порыве вспыльчивости, ни в состоянии минутного расстройства или дурного настроения, а всегда только руководствуясь результатами основательного исследования обстоятельств, смягчающих или отягчающих вину. Не лицепрятная справедливость, создает несокрушимое доверие со стороны подчиненных к своим начальникам, — доверие, которого не может поколебать даже строгость, если в ней, несмотря на присущую ей жесткость, чувствуется любящее сердце.

Мы должны заслужить любовь своих солдат. В настоящее время это является болѣе необходимым, чѣм когда бы то ни было; — любовь представляет единственный связующий цемент; поэтому нужно испробовать все средства, ведущія к этой цѣли. Это направляет мою мысль на

8. Общее попечение.

В другом мѣстѣ я уже говорил: солдат должен видѣть, что его начальники не живутъ отдѣльной жизнью, но что они съ ними и живо интересуются ихъ благосостояніемъ.

Заботы могутъ существенно проявляться въ украшеніи жилища, въ хорошемъ уходѣ, въ доставленіи хорошихъ книгъ и игръ, въ одеждѣ, затѣмъ въ разумномъ распредѣленіи времени службы съ предоставленіемъ дѣйствительно свободныхъ часовъ, особенно по вечерамъ, а также въ разрѣшеніи отдохнуть на постели послѣ утомительныхъ занятій, и, наконецъ, въ облегченіи физическихъ упражненій въ жаркое время, въ доставкѣ воды и т. д. Ротный командиръ долженъ вездѣ и во всемъ являться настоящимъ отцомъ. Я считаю это особенно важнымъ не только потому, что такая заботливость наполняетъ сердца любовью, порождаетъ довольство, чувство удовлетворенности, упрочиваетъ и возвышаетъ авторитетъ арміи, но и потому, что отсутствіе подобнаго отношенія влечетъ за собой гибельныя послѣдствія, которые тѣмъ сильнѣе сказываются, чѣмъ чаще солдатамъ приходится наблюдать заботливое отношеніе въ другихъ ротахъ. Мнѣ совершенно непонятно, какъ могутъ быть въ наше время такіе офицеры, которые еще этого не видятъ, — вѣдь и слѣпому, какъ говорится, видно, что

воспитаніе, основанное исключительно на сухой буквѣ закона, равно какъ и муштровка могутъ только оттолкнуть и, такимъ образомъ, создать социаль-демократовъ въ арміи. А между тѣмъ воспитаніе, хотя и отвѣчающее требованіямъ права и закона, но проникнутое заботливостью, привлекаетъ сердца, и благотворное дѣйствіе его выходитъ далеко за предѣлы дѣйствительной службы.

Я не имѣю возможности перечислить все тѣ случаи, когда начальники — могу смѣло сказать — обязаны проявлять заботливость. Пусть каждый, руководствуясь моими общими соображеніями, изыскиваетъ самъ пути для осуществленія этой задачи; здѣсь же я укажу только на

Книги и игры.

Я не знаю, во всехъ-ли частяхъ существуютъ игры, я знаю только одно, что отсутствіе въ казармахъ разнообразныхъ игръ, могущихъ доставить солдатамъ удовольствіе, является болѣе большимъ недостаткомъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, не слѣдуетъ придерживаться шаблона, а сообразовываться лишь съ потребностью, т. е. со степенью развитія и привычками солдатъ.

Здѣсь относятся: шахматы, шашки, военно-морская игра, мельница, сальта (Salte), пуфъ (Puff), скачки, почта, путешествіе (Reisespiel), а также общепринятыя игры, какъ домино и др. И тамъ гдѣ эти игры имѣются, фельдфебель не долженъ ихъ держать подъ замкомъ для сохраненія ихъ новыми; ихъ надо выставить въ такомъ мѣстѣ, чтобы онѣ были бы доступны каждому; дежурный же устанавливаетъ порядокъ. Чѣмъ болѣе употребляются игры, тѣмъ должно быть пріятнѣе командиру роты. Когда же онѣ начинаютъ портиться, не должно браниться, а купить новыя. Неужели кто-нибудь спроситъ откуда взять деньги?

Существуетъ много разныхъ путей для этого, напр.: подарки друзей и знакомыхъ, или пожертвованіе изъ собственнаго кармана или постепенное образованіе суммы изъ небольшихъ денегъ, назначенныхъ для угощенія на Рождествѣ.

Въ такомъ способѣ нѣтъ ничего несправедливаго, такъ какъ игры одинаково пріятны всемъ. Было бы величайшей ошибкой заставлять солдатъ по вечерамъ сидѣть въ казармахъ, давая имъ столько работы, чтобы у нихъ вмѣстѣ съ желаніемъ погулять

пропадала и радость сознавать себя солдатами, и чтобы они возвращались въ народъ какъ враги арміи; но безусловно хорошо, когда солдаты по собственной волѣ остаются дома, потому что имъ нигдѣ такъ не нравится какъ въ казармѣ, гдѣ съ такой любовью заботятся о нихъ ихъ начальникъ. Такимъ образомъ каждый, несмотря на тягость службы чувствуетъ себя свободнымъ, и потому предметомъ его разказовъ дома являются только признательность, восхваленіе, слава и честь арміи.

Въ этомъ смыслѣ играютъ большую роль также и книги, но такія, которыя, не будучи слишкомъ тенденціозны, написаны простымъ, понятнымъ и естественнымъ языкомъ, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ способны укрѣплять и воспламенять вѣру, также какъ разжигать огонь воодушевленія за Государя и отечество. Одинаково благотворно было бы вліяніе подобныхъ книгъ какъ на отдѣльныхъ читателей, такъ и на всю роту. Но, само собой разумѣется, въ интересахъ сохраненія переплетовъ, фельдфебель не долженъ держать ихъ подъ замкомъ, не долженъ сердиться и уклоняться отъ работы, когда кто-нибудь хочетъ обмѣнить книгу. Съ другой стороны въ каждомъ помѣщеніи могутъ находиться книги и отъ времени до времени мѣняться. Благо той ротѣ, которая такъ воспитала своихъ унтеръ-офицеровъ, что они сами устраиваютъ вечернія чтенія для солдатъ.

Теперь перехожу къ отдѣлу

9. О попеченіи въ особенныхъ случаяхъ.

Отпускъ на полевые работы.

Мы всѣ изъ опыта знаемъ, что въ деревнѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ, и тамъ, гдѣ имѣются, онѣ очень дороги и бѣдный поселянинъ принужденъ отказываться отъ чужой помощи. Вотъ почему поселяне просятъ отпуска для своихъ сыновей, лишь только они начинаютъ нуждаться въ ихъ помощи во время обработыванія поля или жатвы. Такой отпускъ долженъ быть данъ, если не мѣшаютъ какія-либо серьезныя соображенія; этого съ одной стороны требуетъ живой интересъ, какой долженъ выказывать ротный командиръ по отношенію къ своимъ солдатамъ, съ

другой стороны—заботливость и то обстоятельство, что повсюду солдаты отпускаются въ большомъ числѣ къ сосѣднимъ владѣльцамъ. Развѣ не было бы вопіющей несправедливостью, если-бы живущій по близости крупный землевладѣлецъ пользовался услугами солдатъ, а сыну бѣднаго поселянина пришлось бы остаться въ казармѣ и думать: „у моего отца гниетъ на полѣ жатва, потому что мнѣ нельзя ему помочь, а другіе солдаты идутъ на работу къ чужому челоуѣку, который ими такъ же мало интересуется, какъ и они имъ!“ Какія произошли бы отсюда послѣдствія? Необходимо давать отпускъ на родину для полевыхъ работъ, если позволяютъ извѣстные условія, т. е. при добропорядочности поведенія на службѣ и внѣ ея, и при достаточномъ запасѣ знаній.

Что касается отпуска для полевыхъ работъ къ владѣльцамъ недалеко отъ гарнизона, то и здѣсь нужно проявить извѣстную степень заботливости. Солдаты, получающіе изъ дому денежную поддержку и тѣмъ поставленные въ лучшее положеніе, чѣмъ ихъ товарищи, могутъ лишиться отпуска, приносящаго имъ доходъ; по крайней мѣрѣ теплое участіе, которое командиръ принимаетъ въ судьбѣ своихъ солдатъ, уже подсказываетъ, что въ первую очередь должны быть поставлены тѣ, для которыхъ пара грошей имѣетъ большое значеніе.

Помощь словомъ и дѣломъ.

Командиръ роты или эскадрона—это отецъ своей роты; отсюда вытекаетъ для него обязанность не только воспитывать своихъ солдатъ, но и поддерживать ихъ также совѣтомъ и дѣломъ. Большая часть его подчиненныхъ находятся вдали отъ родины,—если и не особенно далеко, то во всякомъ случаѣ бывать дома приходится имъ лишь изрѣдка; еще большая часть изъ нихъ неопытны, недостаточно разсудительны, чтобы ориентироваться во всѣхъ случаяхъ жизни.

Къ кому имъ обращаться, если не къ ихъ ротному? Однако онъ это сдѣлаетъ не раньше, чѣмъ естественная робость передъ начальникомъ уступитъ мѣсто довѣрію къ нему.

Поэтому начальники обязаны стать ближе къ своимъ подчиненнымъ. Я уже касался разныхъ средствъ, съ помощью которыхъ достигается такое чудо,—и если оно достигнуто, то затѣмъ на-

чальникъ долженъ оправдать довѣріе къ нему, и быть готовымъ придти на помощь, безразлично, предстоитъ ли ему поработать для этого или потерять немного времени. Гнать просителя отъ дверей или утѣшить обѣщаніемъ поговорить въ другой разъ— большая ошибка; нужно, чтобы ротнаго можно было всегда видѣть. Во многихъ случаяхъ уже прямо по лицу видно, что солдата что-то гнететъ или что у него какія-то заботы.

Не естественно ли ротному командиру обратиться къ нему съ разспросами и побудить открыто рассказать, что у него на душѣ? А между тѣмъ мнѣ приходилось довольно часто замѣчать, что такіе вопросы не дѣлались въ предположеніи, будто солдатъ чувствуетъ себя несчастнымъ въ ротѣ, является ли тому виною дурное обращеніе съ нимъ товарищей или отношеніе унтеръ-офицеровъ. Вотъ тогда-то быть можетъ самая пора, и требуется, чтобы была оказана помощь, и были устранены обстоятельства, способныя убить сѣмя добра. Тогда именно и умѣстна благотворная заботливость.

Посѣщеніе больныхъ.

Всякій по личному опыту знаетъ, какъ сильно нуждается больной въ участіи. Лучше всего чувствуетъ себя больной дома, согрѣтый заботливымъ уходомъ матери и любовью своихъ. Всѣ окружающіе ему дороги и близки, и, даже оставаясь одинъ, онъ знаетъ, что о немъ не забыли и не забудутъ. Но солдатъ лежитъ въ чуждомъ ему лазаретѣ, далеко отъ родины, вырванный изъ среды его товарищей, и если онъ и пользуется добросовѣстнымъ уходомъ, то все же окружающіе его люди ему чужіе. Какъ должно быть ему пріятно, когда начальники выказываютъ ему участіе, когда онъ видитъ, что и больной пользуется вниманіемъ, что его начальники думаютъ о немъ и приходятъ со словомъ утѣшенія, съ цѣлью ободрить его, справляются о его желаніяхъ, готовые послать бѣдной матери вѣсточку о немъ и тѣмъ доставить ему удовольствіе. Они приносятъ больному счастье, и это благодатное дѣйствіе распространяется гораздо дальше, ибо довѣріе и любовь не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но вообще къ военному званію и даже ко всей арміи—растетъ, пышно расцвѣтаетъ и даетъ богатые плоды.

Непосредственное начальство, въ особенности ротный командиръ должны считать своей главнѣйшей обязанностью систематически посѣщать своихъ больныхъ и оказывать имъ малѣйшія услуги, о которыхъ тѣ просятъ.

Пѣніе.

Не слѣдуетъ умалять значенія пѣнія, какъ средства воспитанія. Однако и теперь еще есть роты, гдѣ съ нимъ недостаточно серьезно считаются. Можно найти даже такія роты, гдѣ его нѣкогда не услышишь,—но, къ сожалѣнію, есть и такія, гдѣ пѣсни не свободны отъ грязи. Нѣмецъ любитъ пѣніе; въ немъ отражается нѣмецкая веселость, и вовсе не важно: имѣются ли голосъ и слухъ; всѣ поютъ. Не требуется ли это для развитія пѣнія?

Солдатъ не смотритъ на урокъ пѣнія какъ на службу; напротивъ, онъ радуется, когда можетъ принять въ немъ участіе. Во время пѣнія онъ забываетъ всѣ трудности дня и набираетъ новыя силы на будущее. Такимъ образомъ пѣніе является пріятнымъ и полезнымъ перерывомъ службы.

Дальнѣйшая польза, получаемая отъ пѣнія, существеннымъ образомъ зависятъ отъ выбора пѣсенъ, и далеко не безразлично, какая нища преподносится солдату въ текстѣ. Непристойныя пѣсни возбуждаютъ въ немъ плотскія вожделѣнія, онъ становится пошлымъ, теряетъ чистоту и нравственныя качества, и если онъ въ этомъ находитъ удовольствіе, то трудно сказать, какъ глубоко онъ падетъ. Такое пѣніе—настоящая язва, такъ какъ оно подтачиваетъ хорошее основаніе, заложенное воспитаніемъ, и нѣжное сѣмя становится жертвой гніенія.

Да и къ чему пѣть такія скверныя пѣсни, когда въ нашемъ распоряженіи имѣется богатый выборъ великолѣпныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ, которыя проникнуты истиннымъ патріотическимъ духомъ?

Какъ пошлыя пѣсни убиваютъ нравственное чувство, такъ истинно нѣмецкая пѣсня порождаетъ глубокое религіозное настроеніе, такъ же какъ любовь къ Государю и родинѣ; она очищаетъ мысль, вливаетъ бодрость въ душу, облагораживаетъ и приноситъ богатые плоды. Поэтому пѣсня нѣмецкаго солдата должна быть истинно—нѣмецкой. Долой нечистоту, долой и такія пѣсни, кото-

рыя хотя и не безнравственны, но лишены всякаго смысла; долой пѣсни объ отставномъ сюртукѣ (vom Reserveroek) и имъ подобныя. Силою приказанія такихъ пѣсенъ устранить нельзя; если не въ присутствіи начальства, то у себя въ комнатѣ ихъ быть можетъ, все же будутъ распѣвать. Онѣ исчезаютъ только тогда, когда солдата спокойно и серьезно учатъ, и когда онъ теряетъ вкусъ къ подобному безнравственному пѣнію благодаря тому удовольствію, которое онъ получаетъ отъ великолѣпной истинно-нѣмецкой пѣсни.

Но этого онъ можетъ достигнуть только посредствомъ занятій пѣніемъ.

Ротные праздники.

Число ротныхъ и др. праздниковъ опредѣляется не только наличными средствами, но и подходящими случаями. Въ одномъ мѣстѣ принято устраивать небольшой праздникъ послѣ удачныхъ смотровъ или по случаю стрѣльбы на призъ; въ другомъ празднуется большое лѣтнее торжество или день въ память битвы или въ честь полка, или празднества ограничиваются днемъ рожденія Государя и Рождествомъ.

Какъ бы то ни было, подобный праздникъ не достигаетъ цѣли, если съ начала до конца офицеры не принимаютъ въ немъ участія и не сближаются съ солдатами или когда они, вмѣсто того, чтобы быть въ общеніи съ подчиненными, жить и праздновать вмѣстѣ, сидятъ за отдѣльными столами и, быть можетъ, пьютъ другое и т. д. Здѣсь встрѣчаются не начальникъ съ подчиненнымъ, а человекъ съ человекомъ; здѣсь должны любовь и довѣрчивость находить благопріятную почву для развитія; здѣсь представляется богатое, безконечное поле для воспитанія, — поле, которое при надлежащей обработкѣ приноситъ обильные плоды, и благотворное вліяніе котораго будетъ простираться вплоть до отдаленныхъ будущихъ временъ. Солдатъ, узнавшій своего начальника какъ человека и рассказывающій у себя на родинѣ о томъ, какъ его офицеры и унтеръ-офицеры, проявлявшіе, правда во время службы, необходимую строгость, но безъ жестокости, жили съ ними внѣ службы, вмѣстѣ праздновали и веселились, — такой солдатъ, говорю я, распространяетъ въ народѣ уваженіе и

славу арміи, дѣлаетъ народное сердце нечувствительнымъ къ нападкамъ социаль-демократовъ на армію. Если такова награда за столь небольшую жертву, то спрашивается, какъ можно жалѣть для этого свои труды? Когда мы что-нибудь дѣлаемъ или не дѣлаемъ, необходимо отвѣтить себѣ на вопросъ, какія послѣдствія можетъ это повлечь за собой, и соответствующимъ образомъ поступить. Заглядывая далеко въ будущее, должны мы воспитывать себя и своихъ подчиненныхъ.

Сказанное мною выше составляетъ общую предпосылку; теперь позволю себѣ въ немногихъ словахъ коснуться Рождества и дня рожденія Государя.

Рождество.

(см. стр. 26).

Уже въ другомъ мѣстѣ я сказалъ, что празднованіе Рождества въ казармахъ должно служить для оживленія вѣры; здѣсь я намѣренъ рассмотреть его значеніе съ другой стороны, именно какъ семейный праздникъ. Кто смотритъ на Рождество какъ на праздникъ, когда люди только дѣлаютъ другъ другу подарки, тотъ лично проводить его безъ вѣры въ душѣ, не испытывая счастья внутренняго перерожденія христіанина, въ то время какъ семья крѣпнетъ отъ всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ знаковъ любви.

Это внѣшнее благословеніе не должно отсутствовать въ сочельникъ въ казармѣ. Не мало солдатъ находятся въ этотъ праздникъ далеко отъ семьи и родины; о томъ, какія чувства ихъ волнуютъ, если въ нихъ еще не угасла любовь къ роднымъ, извѣстно каждому изъ личнаго опыта, когда онъ впервые покинулъ родительскій домъ. И вотъ, въ подобные моменты тоски, когда солдатъ съ грустью думаетъ о дорогихъ ему существахъ, оставленныхъ дома, какой свѣтлой, совершенно иной покажется ему казарма, если начальникъ пригласитъ не получившихъ отпуска солдатъ на пышную сіяющую тысячами огней елку! Да, вотъ и у него праздникъ; его кровные родители, братья и сестры, правда, далеко, но они помнятъ о немъ, и ротный командиръ заступаетъ отца, а товарищи составляютъ его семью. Маленькіе подарки — что, по моему мнѣнію, является безусловной обязанностью ротнаго, — не шаблонные, а такіе, въ выборѣ которыхъ обнаруживаются

любовь и заботливость; совмѣстный ужинъ съ пивомъ, когда солдаты щелкаютъ орѣхи, ѣдятъ яблоки и угощаются пряниками — такое Рождество оставить въ нихъ глубокое впечатлѣніе. Дѣдъ будетъ рассказывать своимъ внукамъ, какъ великолѣпно праздновался въ казармѣ сочельникъ, онъ будетъ бредить арміей, офицерами и чуднымъ временемъ военной службы. Онъ снова молодежь, онъ съ гордостью смотритъ вслѣдъ отправляющимся на службу внукамъ, и его напутственное слово гласитъ: „Съ Богомъ за Государя и отечество“.

День рожденія Государя.

Лучшимъ праздникомъ какъ для солдата, такъ и для каждого хорошаго гражданина есть и будетъ день рожденія Верховнаго Вождя—праздникъ, который, являясь выразителемъ великаго національнаго духа, обладаетъ исключительной способностью возвышать насъ, воодушевлять и воспитывать. Всякому ясно, что и стоящій въ сторонѣ съ удовольствіемъ принялъ бы въ такой день участіе въ празднествѣ, если бы только товарищи ему позволили, — въ этомъ мы убѣждаемся каждый годъ. Лишь тогда благотворное вліяніе этого дня выходитъ далеко за предѣлы дѣйствительной службы, когда воспоминаніе о немъ не мимолетное. Поэтому торжество должно быть такъ обставлено, чтобы каждый думалъ про себя: никогда еще не было такъ прекрасно и лучше быть не можетъ. Это дѣлается довольно просто. Прежде всего, празднество переносится изъ казармы въ какое нибудь специально для этого случая приспособленное городское помѣщеніе; залъ, хорошо освѣщенный, украшается гирляндами и флагами, такъ чтобы и дѣвушки охотно туда пошли и своимъ присутствіемъ внесли еще больше оживленія. Это только подготовительная сторона; самый же день съ утра до вечера, не считая времени богослуженія и переключки, въ которыхъ долженъ принимать участіе всякій не занятый службой, принадлежитъ всецѣло солдату; затѣмъ рота въ полномъ составѣ собирается вмѣстѣ для празднованія.

Къ обѣду подается жаркое съ пивомъ, къ ужину солдаты получаютъ блюдо въ такомъ же родѣ. Праздникъ начинается рѣчью ротнаго командира и театральнымъ представленіемъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ танцы. Всѣ офицеры и унтеръ-офицеры при-

нимаютъ участіе, они стараются доставить удовольствіе солдатамъ — кто чѣмъ можетъ, и веселье царитъ вплоть до утра. Последними уходятъ начальники.

Пока рота ведетъ себя пристойно и не позволяетъ себѣ ничего лишняго, до тѣхъ поръ веселье и непринужденность не знаютъ границъ и усталости. Могу по чистой совѣсти сказать, что съ празднованія дня рожденія Государя я ни разу не возвращался ранѣе 7 часовъ утра, могу также, не преувеличивая, смѣло утверждать, что дамы, присутствовавшія на праздникахъ въ моей ротѣ, могли спокойно, не чувствуя себя неловко, оставаться на нихъ до самаго конца.

Такое празднованіе рожденія Государя остается въ памяти солдата, и онъ его навѣрно не забудетъ, и эта жертва со стороны офицеровъ не слишкомъ ужъ велика, если награда за нее такъ значительна. Такимъ образомъ по мѣрѣ сближенія офицеровъ съ солдатами, растутъ и развиваются любовь и довѣріе. Они выводятъ солдатъ изъ темной ночи, окутывающей духъ времени, къ вѣчному свѣту; они спасаютъ отечеству способное носить оружіе юношество отъ ядовитаго дыханія соціалъ-демократіи.

Заключительное слово.

Надѣюсь, что въ предлагаемой мною работѣ мнѣ удалось показать безусловную необходимость воспитанія солдата, которая покоится на двухъ основаніяхъ: съ одной стороны воспитаніе служить въ нашихъ рукахъ средствомъ переработки внутренняго міра солдата, съ другой стороны армія должна играть роль расадника истиннаго національнаго духа; она — нѣчто въ родѣ фильтра. Сыны отечества вступаютъ въ нее со всевозможными недостатками и слабостями, съ дурными качествами, руководимые совершенно ложнымъ пониманіемъ жизни. И вотъ въ этомъ фильтрѣ, который представляетъ собой армія, они должны оставить все нечистое и грязное, и вернуться въ свой народъ чистыми и благородными, въ качествѣ благомыслящихъ гражданъ — солдатъ, умѣющихъ цѣнить высокія, идеальныя блага этой жизни. Армія подобна солнцу, своими теплыми лучами разсѣивающему дыханіе холода и смерти, зарождающаю повсюду жизнь и движеніе. Но если армія — солнце, то

возвращающіеся домой запасные должны быть его лучами, проявляющими свое дѣйствіе въ народѣ.

Только такимъ образомъ она преслѣдуетъ и достигаетъ своей высокой цѣли, сокрушаетъ въ мирное время внутреннихъ враговъ родины и, внушая страхъ иностранцамъ, представляетъ собой непреоборимую защиту противъ внѣшнихъ враговъ. Армія, безгранично преданная своему Государю и отечеству; солдаты, безстрашно идущіе навстрѣчу врагу и съ радостью готовые пролить свою кровь за родину; народъ, воспитывающій изъ своихъ сыновей героевъ и самоотверженно не останавливающійся ни предъ какой жертвой отечеству—непобѣдимы.

Но учителями арміи являются офицеры и унтеръ-офицеры, въ особенности ротный командиръ, а потому прежде чѣмъ кончить, считаю нужнымъ поговорить еще объ этихъ учителяхъ.

Д. Начальники роты какъ воспитатели.

а) Командиръ роты или эскадрона.

Командиръ роты или эскадрона отвѣтствененъ за службу и воспитаніе своей части. Понять значеніе этого требованія можетъ лишь тотъ, кто самъ занимаетъ или занималъ этотъ постъ. При добросовѣстномъ исполненіи своихъ тяжелыхъ обязанностей приходится очень много работать, что конечно не легко, такъ какъ задача сводится не къ тому, чтобы блистать на парадахъ—это умѣетъ всякій обучающій солдатъ, но исключительно къ тому, чтобы изъ солдата сдѣлать и воспитать лучшаго гражданина, а изъ гражданина—лучшаго солдата. Солдатъ, годный для парадовъ, приноситъ отечеству немного пользы, если онъ въ тоже время не усвоилъ себѣ сознательно и воинскія доблести. Ротный командиръ, заботящійся только о внѣшнемъ блескѣ службы, объ успѣшности на смотрахъ, о царской наградѣ за стрѣльбу, работаетъ только для себя, а не въ интересахъ отечества. Поэтому только тотъ начальникъ угоденъ Государю, который забывая себя, всецѣло отдается службѣ и воспитываетъ своихъ солдатъ для выполненія ихъ задачи, —всякій другой только ослѣпляетъ, его дѣятельность призрачна.

Этимъ я отнюдь не имѣю въ виду сказать, что обученіе подчиненныхъ съ практической цѣлью, для достиженія возможнаго совершенства и въ этой области, не заслуживаетъ вниманія; наоборотъ, какъ я самъ говорилъ, солдатъ можетъ быть только результатомъ муштры и воспитанія; я объявляю войну лишь односторонней муштрѣ и хочу доказать неоспоримое право воспитанія. Въ роту ежегодно поступаетъ 70 новобранцевъ, а ротный командиръ сохраняетъ этотъ постъ около 12 лѣтъ и въ теченіе этого времени имѣетъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ 800 гражданъ въ качествѣ солдатъ. Не безразлично же, въ самомъ дѣлѣ, возвращаются ли эти люди на родину вѣрными своему Государю патриотами или социаль-демократами. Между тѣмъ безъ воспитанія и обученія войсковая часть, быть можетъ, отпустить больше социаль-демократовъ, чѣмъ сколько ихъ въ нее поступило—безразлично, явныхъ или тайныхъ, убѣжденныхъ ли агитаторовъ или такъ называемыхъ Mitläufer, и въ этомъ отношеніи отвѣтственность главнымъ образомъ падаетъ на ротнаго. Будь армія тѣмъ, чѣмъ она должна быть, т. е. фильтромъ, съ помощью котораго очищается внутреннее существо солдата, не было бы социаль-демократовъ, и запасные солдаты не голосовали бы на выборахъ въ рейхстагъ за социаль-демократа, противъ котораго они собственно должны бороться. Но такъ какъ на дѣлѣ они въ ужасающемъ числѣ голосуютъ за социаль-демократовъ, то приходится признать, что армія муштруетъ, но не воспитываетъ. Этотъ упрекъ направленъ, конечно, противъ всѣхъ, но въ особенности противъ ротнаго и друг. командировъ.

Насколько различенъ духъ, царящій въ ротахъ и друг., свидѣтельствуютъ съ одной стороны штрафныя книги, съ другой стороны—маневры, когда солдатъ пользуется почти неограниченной свободой. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, скажу только: „Спросите квартирохозяевъ о вашихъ солдатахъ, спросите жителей въ деревнѣ и въ городѣ, и вы узнаете, что сдѣлалъ солдатъ со своей свободой“. Неодинаковость поведенія, иногда довольно значительная, ясно обнаруживаетъ, что здѣсь воспитаніе вообще отсутствовало, тамъ оно оставило нѣкоторые слѣды или велось болѣе или менѣе умѣло. Мы часто говорили: „Воспитаніе—безсмыслица; у солдатъ нѣтъ чувства чести; порядокъ между ними возможенъ только при условіи строгой муштры“. Но это

заблужденіе. Ни одинъ человекъ не лишень чувства чести; тамъ, гдѣ оно, повидимому, отсутствуетъ, оно получило ложное направление или дремлетъ, и тѣмъ настоятельнѣе является необходимость вызвать его къ жизни или направить на вѣрный путь. Кто считаетъ воспитаніе невозможнымъ, тому я просто скажу, что онъ вообще ничего для этого не предпринималъ и ищетъ только оправданія своей преступной бездѣятельности.

Мы не только не должны создавать социаль-демократовъ, но обязаны ихъ всѣхъ безъ исключенія вернуть отечеству. Въ этомъ заключается задача ротнаго командира, выполнить которую ему никогда не удастся путемъ муштры. Конечно, онъ одинъ не можетъ взять на себя трудное дѣло воспитанія, для этого онъ нуждается въ содѣйствіи со стороны своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ онъ долженъ сдѣлать добросовѣстныхъ, годныхъ учителей и воспитателей.

Готовящемуся быть воспитателемъ нужно прежде всего воспитать самого себя, такъ какъ средствами воспитанія служатъ примѣръ, обученіе, поощреніе, предупрежденіе и наказаніе, то для правильного и цѣлесообразнаго примѣненія этихъ средствъ, необходимо быть самому воспитаннымъ.

Кто знакомъ съ жизнью въ дѣтской, тотъ навѣрно слышалъ, какъ малолѣтній ребенокъ спокойно отвѣчаетъ на запретъ: „папа, но вѣдь ты это самъ дѣлаешь“, или какъ дѣти рассказываютъ о той или другой привычкѣ дяди или тети. Да, случается, что дѣти впервые обращаютъ наше вниманіе на привычки или странности взрослыхъ. Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ, какъ одинъ отецъ, дѣлая замѣчаніе своему сыну за какую-то выходку, на вопросъ: „отъ кого же ты это перенялъ?“ получилъ въ отвѣтъ: „отъ тебя“.

Это въ достаточной мѣрѣ показываетъ, какъ незамѣтно, только въ силу ежедневной привычки, вызывается подражаніе хорошимъ или дурнымъ примѣрамъ, и какъ поэтому необходимо, чтобы начальники всѣхъ степеней строго слѣдили за собой и старались вліять на солдатъ главнымъ образомъ примѣромъ.

При наличности серьезнаго желанія это можетъ дѣлать всякій съ одинаковымъ успѣхомъ; я допускаю, что при пользованіи всѣми другими средствами воспитанія имѣютъ значеніе особенныя качества воспитателя, напр., самый способъ ихъ примѣненія, большій или меньшій опытъ, что приобрѣтается съ теченіемъ времени.

б) Младшіе офицеры роты.

Теплыми, проникновенными словами введенія къ Уставу суда чести вмѣняется офицерамъ въ безусловную обязанность забота объ истинной чести, потому что честь, присущая корпораціи офицеровъ и переходящая по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію, составляетъ тотъ духъ, который одинъ только сообщаетъ войску величіе и непобѣдимость.

Какковы офицеры, таковы унтеръ-офицера и солдаты. Духъ, исходящій отъ офицеровъ, невольно переносится на подчиненныхъ, поэтому можно съ полнымъ правомъ сказать, что тотъ является носителемъ этого духа, кто живетъ въ арміи. Унтеръ-офицера мѣняются сравнительно часто, такъ какъ черезъ 12 л. они уходятъ въ отставку; солдаты мѣняются каждые два года, но офицеръ, избравшій военное дѣло дѣломъ своей жизни, остается на службѣ, пока позволяютъ ему силы.

Изъ этого само собою разумѣется, что офицеры должны быть безупречны и пользоваться большимъ уваженіемъ не только въ арміи, но далеко за предѣлами послѣдней вплоть до отдаленнѣйшихъ слоевъ народа. Чѣмъ больше удастся врагамъ арміи обезславить доброе имя офицеровъ, тѣмъ легче будетъ имъ привлечь солдатъ на свою сторону.

Въ виду этого весьма важно, чтобы офицеры были воспитаны въ духѣ, искони возвеличивающимъ войско, и чтобы ротные и др. командиры считали своей задачей прежде всего дать соответствующее образованіе своимъ офицерамъ, а для этого они сами должны служить примѣрами достойными подражанія.

Образъ настоящей чести, данный въ уставѣ суда чести, служить офицеру путеводной нитью для руководства въ жизни, какъ на службѣ, такъ и внѣ нея.

Истинная честь невозможна безъ вѣрности до гроба, безъ несокрушимаго мужества, твердой рѣшимости, неприкословнаго повиновенія, правдивости, способности хранить молчаніе и самоотверженнаго исполненія малѣйшихъ требованій службы. Она предписываетъ, чтобы и внѣшняя жизнь офицера была проникнута достоинствомъ, вытекающимъ изъ признанія принадлежности къ тому сословію, на которое возложена защита престола и отечества. Офицеръ долженъ вращаться лишь въ тѣхъ кругахъ, гдѣ царятъ

добрые нравы, и будучи въ общественномъ мѣстѣ, не забывать, что онъ является не только образованнымъ челоѡкомъ, но и носителемъ чести и высокихъ обязанностей своего сословія. Офицеру слѣдуетъ воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, способныхъ вредить доброй слаѡ одного или всѣхъ товарищей, въ особенности отъ разныхъ излишествъ, пьянства и азартной игры, не принимать на себя такихъ обязательствъ, на которыхъ лежитъ даже тѣнь непорядочности, не предаваться азартной игрѣ на биржѣ, не участвовать въ промышленныхъ обществахъ, которыя преслѣдуютъ не совсѣмъ благовидныя цѣли и репутація которыхъ не безупречна, наконецъ, быть чуждымъ стремленіямъ нажитья способами сомнительнаго достоинства. Свое честное слово онъ долженъ давать очень осторожно.

Съ другой стороны, чѣмъ больше окружаютъ офицера роскошь и довольство, тѣмъ настоятельнѣе для него необходимость помнить, что не матеріальнымъ благамъ онъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ въ государствѣ и обществѣ. Опасность, которую влечетъ за собой стремленіе къ корысти и хорошей жизни, заключается не только въ пониженіи воинскихъ доблестей офицера, но и въ окончательномъ потрясеніи основъ, поддерживающихъ офицерство.

Чувство собственнаго достоинства офицера должно быть свободно отъ неуваженія или высокомерія по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ. Чѣмъ сильнѣе любовь офицера къ своему призванію и чѣмъ возвышеннѣе представленіе о его цѣляхъ, тѣмъ понятнѣе ему станетъ, насколько полное довѣріе къ офицерству со стороны другихъ сословій является необходимымъ условіемъ для успѣшнаго и славнаго разрѣшенія послѣдней и величайшей задачи войска.

Данный образъ есть мѣрило для поведенія офицера; этотъ образъ представляетъ идеаль, которымъ онъ обязанъ руководствоваться въ стремленіи къ самосовершенствованію. Если бы офицеръ ежедневно предлагалъ себѣ вопросъ: „удовлетворяю ли я во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ данному мнѣ образу истинной чести?“ и расчленялъ бы вопросъ на части соотвѣтственно числу обязанностей, налагаемыхъ на него честью; если бы онъ, далѣе, честно, не щадя и не обманывая себя, отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, то онъ зналъ бы, что ему дѣлать. Онъ долженъ съ серьезнымъ

желаніемъ приступить къ работѣ и позволить себѣ отдыхъ не ранѣе, чѣмъ достигнетъ схода съ нимъ, ибо ему приходится быть примѣромъ и, какъ таковой, — безупречнымъ.

Какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности? Работаетъ ли надъ собой ротный командиръ, и заставляетъ ли онъ своихъ офицеровъ дѣлать то же самое?

— Нѣтъ! Какъ вѣрующій христіанинъ считается въ наше время глупымъ и преданнымъ старымъ предрасудкомъ, точно также, какой-нибудь „Stiesel“, который отсталъ отъ духа времени, считается несовременнымъ. Старое, говорятъ, пало, на обломкахъ его расцѣпается новая жизнь, и съ этими словами переходятъ къ повседневному дѣланью. Но такъ какъ и теперь еще живъ старый Богъ, и теперь недостатокъ остается недостаткомъ, преступленіе — преступленіемъ, такъ и каждая добродѣтель сохранила характеръ добродѣтели. — и какъ раньше всякое уклоненіе отъ требованій чести означало шагъ къ безчестности, такъ и теперь тотъ идетъ къ пропасти, кто сталъ чуждымъ чести. Печально, когда пишутъ въ книгахъ — какъ мнѣ недавно случилось читать, — что офицеръ есть тоже сынъ своего вѣка, а потому нельзя лишать его права ставить и свои повышенныя требованія къ жизни. Нѣтъ, говорю я, печально, если офицеръ пренебрегаетъ обязанностями, предписанными ему особыми законами, и вмѣсто того, чтобы стать выше своего времени, дѣлается его рабомъ. Именно въ моменты упадка народныхъ нравовъ офицеру надлежитъ быть твердымъ и черезъ армію воспитывать народъ. Офицеръ, какъ никто другой, обязанъ служить примѣромъ, такъ какъ именно въ наше время глаза всего свѣта обращены на него, въ особенности враговъ, разсѣянныхъ повсюду и занятыхъ выслѣживаніемъ какой-нибудь темной стороны, чтобы использовать ее для своихъ грязныхъ цѣлей.

Офицеры должны пользоваться большимъ уваженіемъ, въ противномъ случаѣ они не въ состояніи исполнить свой священный долгъ — это остается фактомъ. Отъ несправедливыхъ нападокъ никто не можетъ быть гарантированъ, — они, правда, и быстро рушатся, — но, во всякомъ случаѣ, каждому въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ нужно стараться не подавать къ этому повода.

Не социаль-демократовъ, не враговъ отечества мы должны воспитать, а народъ, преданный своему Государю, способный на

все доброе и благородное, — народъ, который для чести и славы родины готовъ на всякую жертву и съ радостью отдаетъ свое богатство и сыновей. Этого мы достигнемъ тогда, когда представимъ собой вѣрное, чистое, ничѣмъ не затуманенное отраженіе истинной чести. По мѣрѣ удаленія отъ нея наши недостатки становятся все болѣе значительными, и быстрѣе выростаеь вокругъ насъ сорная трава. Если бы офицеры могли это хорошенько понять!

Честь и долгъ занимають первое мѣсто, они должны проявляться на службѣ и внѣ службы. Офицеру необходимо освободиться отъ своихъ недостатковъ, побороть ихъ; сюда относятся гнѣвъ, вспыльчивость, капризь, произволь, жестокость и всякія подобныя свойства; въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ онъ долженъ знать только нелицепріятную справедливость и даже при строгости доброжелательность и любовь. Таковыми приходится быть ротнымъ и др. командирамъ, таковыми должны они воспитать своихъ офицеровъ. Не надо смѣшивать любовь, о которой здѣсь идетъ рѣчь, съ любовью къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ; это чисто братская любовь въ христіанскомъ смыслѣ, — любовь, которая сама собой приходитъ, если любить свое дѣло, и которая тѣмъ сильнѣе захватываетъ, чѣмъ больше быть ему преданнымъ; съ другой стороны она ничего общаго не имѣетъ со слабостью: вѣдь и любовь наказываетъ и караетъ, или кто-нибудь станеть утверждать, что отецъ не любитъ своего сына, когда подвергаетъ его наказанію? Его наказаніе не опредѣляется капризомъ или произволомъ, онъ только любя, старается найти настоящее средство исправленія. Воспитаніе есть искусство, художникомъ же является лишь тотъ, кто воодушевленъ любовью къ искусству, — всякій другой неучъ или преступникъ.

Подобно тому какъ офицеръ долженъ быть на службѣ образцомъ достойнаго поведенія и точнаго, добросовѣстнаго исполненія своего дѣла, быть всегда и вездѣ первымъ, кому другіе подражаютъ; не уставать, обнаруживая тѣмъ больше свѣжести и энергіи, чѣмъ больше ихъ требуется; поощрять примѣромъ мужества, проявляя въ то же время при всѣхъ перерывахъ для отдыха заботливое отношеніе къ своимъ подчиненнымъ, себя и свои нужды оставляя на послѣднемъ планѣ; такъ и внѣ службы онъ долженъ всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій способствовать укрѣпленію въ народѣ уваженія къ корпораціи офицеровъ.

Съ требованіями чести онъ уже знакомъ изъ введенія Устава суда чести; ему остается только направлять свою дѣятельность соотвѣтственно его постановленіямъ и слѣдовать велѣнію закона, а отнюдь не толковать вкривь и вкось, пока онъ не окажется удобства ради въ достаточной мѣрѣ подрѣзаннымъ. По мнѣнію многихъ, внѣ службы позволительно жить какъ угодно въ виду того, что въ этихъ условіяхъ онъ не приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ солдатами, а что скажетъ свѣтъ, совершенно безразлично, если только прямо не затрагивается честь? Но это большое заблужденіе, потому что каждый недочетъ отзывается вредно не только на репутаціи отдѣльнаго лица, но и на репутаціи всѣхъ.

Въ то время, какъ грубое обращеніе отталкиваетъ подчиненныхъ, капризный характеръ внушаетъ робость, насиліе создаетъ социаль-демократовъ: въ то время, какъ всякое проявленіе жестокости на службѣ, всякая несправедливость и малѣйшая небрежность влекутъ за собой утрату уваженія со стороны подчиненныхъ и подрываютъ основы, на которыхъ держится сила арміи, — дѣйствія и упущенія внѣ службы бросаютъ длинныя, густыя тѣни, въ особенности теперь, когда враждебная государству пресса готова сдѣлать изъ мухи слона.

Офицеръ постоянно находится на глазахъ у всѣхъ и, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всегда предметъ вниманія. На службѣ онъ подъ контролемъ подчиненныхъ; внѣ службы за нимъ, можно сказать, наблюдаетъ публика и на улицѣ, и на гуляньяхъ, и въ общественныхъ мѣстахъ, и въ ресторанахъ; даже въ казино и у себя дома, въ четырехъ стѣнахъ, онъ не одинъ: то денщики бѣгаютъ взадъ и впередъ, то ординарцы приходятъ и уходятъ. Я не буду изображать тѣхъ картинъ, которыхъ офицеру слѣдуетъ избѣгать изъ уваженія къ себѣ и занимаемому имъ положенію, а только спрошу: роняетъ ли офицеръ свое достоинство, когда денщики и ординарцы въ казармѣ, а потомъ, по увольненіи со службы, на родинѣ рассказываютъ: „Офицеры ведутъ распутный образъ жизни, они играютъ, пьютъ и развратничаютъ; даже въ собственныхъ квартирахъ въ обществѣ распутныхъ женщинъ они устраиваютъ оргіи и попойки, подрываютъ свое здоровье и дѣлають долги“. Съ другой стороны: выигрываетъ ли въ уваженіи корпорація офицеровъ, когда говорятъ: „я цѣлый годъ состоялъ въ казино орди-

нарцемъ“, или: „я цѣлый годъ служилъ въ денщикахъ и ни разу не замѣтилъ, чтобы офицеры хоть на волосъ уклонились отъ правильнаго пути; напротивъ, во всемъ хорошемъ они для насъ были примѣрами, достойными подражанія, и только негодяй можетъ это отрицать“. Офицеръ долженъ всегда имѣть предъ глазами и запечатлѣннымъ въ сердцѣ образъ истинной чести или онъ не въ состояніи будетъ исполнять свой долгъ воспитателя.

Солдаты обязаны относиться къ своему начальнику съ уваженіемъ и почительностью; не представляется ли подобное требованіе почти невозможнымъ, если на всемъ поведеніи начальника не лежитъ печать того достоинства, которое вытекаетъ изъ сознанія возложенной на него защиты престола и отечества? Развѣ могу я уважать кутилу, расточителя, игрока, пьяницу, волокиту и нѣженку? Развѣ могу я оказывать почительность тому, кто высокомерно и съ пренебреженіемъ проходитъ мимо меня, хотя, быть можетъ, во мнѣ больше чести, т. е. внутренней цѣнности, чѣмъ въ немъ?

Конечно, нѣтъ! Итакъ, пусть старшіе начальники воспитываютъ себя и своихъ подчиненныхъ; пусть они, наряду со стремленіемъ къ самоисправленію, неустанно слѣдятъ и оберегаютъ другъ друга.

в) Унтеръ-офицеры.

Наши унтеръ-офицеры, въ силу своего происхожденія и недостаточной опытности, собственно не подходятъ для роли воспитателей, и тѣмъ не менѣе эта задача прежде всего падаетъ именно на нихъ и, кромѣ того при особенно неблагоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ они, какъ на службѣ, такъ и внѣ ея, находятся въ постоянномъ соприкосновеніи съ солдатами. Поэтому требованіе самовоспитанія и контроля надъ собой примѣняется къ нимъ съ особенной строгостью: вѣдь они представляютъ собой тотъ образецъ, который солдаты имѣютъ всегда предъ глазами. Это обстоятельство вынуждаетъ ротнаго и друг. командировъ съ большой осторожностью выбирать своихъ помощниковъ, а съ другой стороны непрерывно работать надъ своими унтеръ-офицерами. Чѣмъ возвышеннѣе будетъ представленіе объ истинной чести въ корпорации унтеръ-офицеровъ роты, тѣмъ благороднѣе будутъ стремленія всей роты, тѣмъ воспитаннѣе вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ под-

растающее поколѣніе унтеръ-офицеровъ, и въ результатѣ останется только поддержать въ нихъ этотъ добрый духъ и беречь его.

Воспитаніе унтеръ-офицеровъ должно быть прежде всего направлено къ тому, чтобы развить въ нихъ способность пониманія добра и зла, чистаго и нечистаго, благородства и подлости. Обладая способностью распознаванія, они уже сами по себѣ освободятся отъ пороковъ, такъ какъ никто изъ унтеръ-офицеровъ не совершаетъ проступковъ изъ любви ко злу.

Если унтеръ-офицеру дали ясно понять, что грубостью, криками, бранью и насиліемъ онъ не только не приноситъ пользы службѣ, но прямо вредитъ ей, что онъ такимъ путемъ только создаетъ социаль-демократовъ и даетъ этой партіи удобный поводъ подымать волненія, навѣтами дискредитировать значеніе начальства въ глазахъ подчиненныхъ, и передъ народомъ бросать тѣнь подозрѣнія на армію, то онъ, безъ сомнѣнія, постарается поборотъ въ себѣ недостатки. Насиліе должно исчезнуть изъ арміи, поэтому нужно, чтобы высшій начальникъ не доводилъ до этого своего подчиненнаго, а, наоборотъ, всячески оберегалъ его. Недавно я прочелъ въ социаль-демократической газетѣ, что насилія, чинимыя надъ солдатами, имѣютъ своимъ источникомъ чрезмѣрные требованія начальниковъ, и что эти послѣдніе, какъ истинно виновные, и подлежатъ наказанію. Ротный, будто бы, требуетъ, чтобы унтеръ-офицеръ, обучающій новобранцевъ, заставилъ ходить прямо имѣющихъ Х и О-образныя ноги, чтобы онъ грязную свинью въ одинъ моментъ превратилъ въ воплощенную чистоту, и непрерывно осыпаетъ бѣднаго унтеръ-офицера упреками, а унтеръ-офицеръ сердится и старается дать выходъ своему гнѣву въ насиліи надъ солдатомъ. Каждый упрекъ надо провѣрить, и тогда придется допустить, что подобныя явленія имѣютъ мѣсто, хотя и въ единичныхъ случаяхъ. Если раздраженіе и не всегда доводитъ до насилія, какъ здѣсь, то все же ротному нерѣдко представляется возможность предупредить его: вѣдь онъ знаетъ своихъ унтеръ-офицеровъ и ему не трудно принять во вниманіе ихъ характеръ при распредѣленіи новобранцевъ. Наименѣе способныхъ изъ новобранцевъ нельзя поручать вспыльчивымъ унтеръ-офицерамъ; незамѣтно, какъ бы совершенно случайно, попадаютъ они въ руки къ спокойному унтеръ-офицеру. Но все это вишняя сторона, сущность же заключается въ воспитаніи. Унтеръ-офицеръ долженъ чувство-

вать, что насиліе чинить надъ безоружнымъ — солдатъ безоруженъ — подло и есть признакъ трусости: одинъ моментъ — и роли перемѣнились. Если ударъ случился, то унтеръ-офицеръ становится безпомощнымъ и всецѣло зависитъ отъ милости или немилости подчиненнаго, — позорное положеніе; но еще постыднѣе, когда потерпѣвшій смилостивился и не жалуется. Съ другой стороны, унтеръ-офицеру необходимо проникнуться сознаниемъ того, что побои не дѣлаютъ человека ни умнѣе, ни чище, ни прямѣе и т. д., скорѣе они дѣлаютъ его равнодушнымъ, толстокожимъ, упрямымъ и социаль-демократомъ; ему надо знать все послѣдствія, которыя влечетъ за собой каждый актъ насилія. Наказаніе слѣдуетъ непосредственно за проступкомъ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ; тамъ, гдѣ насиліе имѣло небольшіе размѣры, его дальнѣйшее пребываніе на дѣйствительной службѣ стало все же невозможнымъ.

Уже въ предыдущей главѣ, которая съ соответствующими измѣненіями годится и для унтеръ-офицеровъ, я указалъ на то, что подчиненный обязанъ почтительно, съ уваженіемъ относиться къ своему начальнику. По отношенію къ унтеръ-офицеру это является само по себѣ труднымъ со стороны тѣхъ, кто превосходитъ его умомъ и образованіемъ, но если унтеръ-офицеръ всегдѣ своимъ поведеніемъ докажетъ свое право на особенное уваженіе, то не найдется ни одного подчиненнаго, который охотно и совершенно добровольно не оказалъ бы ему этого уваженія.

Нельзя упускать изъ виду, что унтеръ-офицеры чрезвычайно часто сталкиваются съ солдатами, а потому съ человѣческой точки зрѣнія вполне объяснимо образованіе симпатій и антипатій, и въ связи съ этимъ — въ большинствѣ случаевъ невольно и безсознательно — стремленіе оказать предпочтеніе одному, насолить другому, и естественно получается впечатлѣніе такого порядка вещей, гдѣ все держится на любимцахъ, капризахъ и своеволіи.

Еще печальнѣе бываетъ, когда это сопркосновеніе приводитъ къ болѣе тѣсному сближенію съ отдѣльными солдатами, такъ что унтеръ-офицеръ допускаетъ соблазнить себя подарками или даже требуетъ ихъ, или настолько забывается, что одоливается у своихъ подчиненныхъ.

Дѣло всякаго командира хорошенько растолковать своимъ унтеръ-офицерамъ эти вещи. Они сами должны понять, что каж-

дый подарокъ подчиненнаго есть признакъ неуваженія, непочтенія и нахальства; подчиненный вовсе не имѣетъ въ виду показать этимъ свое особенно сильное уваженіе, онъ просто хочетъ подкупить его, заставить закрыть глаза, когда онъ лѣнивъ или легкомысленъ, вялъ или небреженъ — однимъ словомъ ему хочется добиться незаслуженной благосклонности.

Если унтеръ-офицеръ идетъ на это, то онъ теряетъ свой престижъ въ глазахъ своихъ подчиненныхъ, которые видятъ, что онъ падаетъ все ниже и ниже, и тѣмъ вредитъ репутаціи всего унтеръ-офицерства. Отягчающимъ его вину обстоятельствомъ является еще при этомъ непослушаніе, ибо унтеръ-офицеру запрещено принимать подарки.

Еще хуже, когда онъ настолько забывается, что одоливается у подчиненнаго и тѣмъ всецѣло попадаетъ въ его руки; начальникомъ по отношенію къ нему становится его подчиненный.

Нѣтъ возможности исчерпать главу о воспитаніи унтеръ-офицеровъ; въ надеждѣ, что и эти немногія указанія бросаютъ достаточно яркій свѣтъ на его высокое значеніе, я въ заключеніе обращаю вниманіе на слѣдующее:

„Тѣ унтеръ-офицеры, которые не поддаются воспитанію, должны быть какъ можно скорѣе устранены, потому что они, какъ раковая опухоль, губельны для войсковой части и въ болѣе широкомъ смыслѣ даже для арміи“.

Итакъ, съ Богомъ приступимъ мы къ серьезной работѣ за Государя и отечество, согласно девизу, данному К. М. Арндтомъ:

„Deutsche Einheit, deutscher Gott,
Deutscher Glaube ohne Spott,
Deutsches Herz und deutscher Stahl,
Sind wir Helden allzumal“.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Предлагаемая работа была уже напечатана, когда я прочелъ въ іюньской книжкѣ, Ежегодника арміи и флота, статью капитана и адъютанта Имп. Пѣхотной бригады № 46, Мейера, подъ названіемъ „Соціальная политика въ военномъ обученіи“.

Мнѣ думается, я достаточно ясно высказался въ данной работѣ относительно того, что я считаю соціальную политику безусловно необходимой, поскольку она требуется для воспитанія солдата въ духѣ самоотверженной любви къ отечеству и наслѣдственному Монарху. Вышеназванная статья навела меня на мысль, что мною пропущены 2 пункта громадной важности, а именно: бережливость и права, предоставленныя гражданину, равно какъ и вытекающія отсюда обязанности.

Я постараюсь восполнить пробѣлъ и перейду къ главѣ

Бережливость.

Недовольство своимъ положеніемъ и существующими условіями жизни—вотъ та пружина, что приводитъ большинство рабочихъ въ лагерь соціаль-демократовъ. Вызывается же оно гнуснымъ подстрекательствомъ безсовѣстныхъ агитаторовъ или же собственной виной.

Соблазнитель потерпѣть неудачу вездѣ, гдѣ ихъ намѣренія будутъ надлежащимъ образомъ поняты и гдѣ вѣрность уже пустила прочные корни; но тамъ, гдѣ еще не раскрыта ложь ихъ ученія, или гдѣ уже успѣло по собственной винѣ воцариться недовольство, тамъ ихъ стремленія увѣнчаются успѣхомъ. Я говорю: по собственной винѣ, такъ какъ большинство людей почти всегда становятся недовольными въ томъ случаѣ, когда алчность заставляетъ ихъ желать того, что выше ихъ средствъ и данныхъ условій,

иногда изъ за различныхъ страстей, какъ-то фантомства, пьянства, позорной жизни и т. д. и, наконецъ, изъ за расточительности.

Все это необходимо уяснить солдату на примѣрахъ. Но онъ гораздо глубже проникнетъ во все сказанное въ томъ случаѣ, если ему самому приходилось уже наблюдать среди своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, что расточитель всегда находится на краю гибели; онъ научится также цѣнить высокое значеніе бержливости, если ему приходилось видѣть, какъ далеко пошли тѣ люди, которые не подпали подъ власть своихъ страстей, не служили своимъ порочнымъ стремленіямъ, а, наоборотъ, поборолли ихъ.

Рабочій зарабатываетъ столько, что онъ всегда можетъ кое-что отложить, но онъ очень часто не думаетъ объ этомъ, такъ какъ слишкомъ живетъ настоящимъ и рѣдко заглядываетъ въ будущее, а также потому, что у него отсутствуетъ правильная оцѣнка развлеченій, ибо онъ ищетъ ихъ только въ танцевальномъ залѣ и въ трактирѣ.

Если ежедневно выпивать даже по одному только стакану пива за 10 пф., то въ мѣсяцъ придется издержать до 3,00 марокъ, а въ годъ до 36,00 марокъ; если же отказаться отъ пива, то можно столько же сберечь или употребить на какія-нибудь другія полезныя цѣли. Возможность обходиться безъ алкоголя доказываетъ намъ существованіе общества трезвости, число членовъ котораго возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Можно привести не мало такихъ примѣровъ и показать затѣмъ ихъ практическое осуществленіе, не трудно также подвергнуть ихъ дальнѣйшей разработкѣ. Оставаясь при томъ же примѣрѣ, я бы совѣтовалъ солдатамъ высчитать, что тотъ, кто будетъ такимъ образомъ откладывать, сумѣетъ сберечь въ 10 лѣтъ 360 марокъ; далѣе сумма сбереженій, конечно, увеличится, если обыкновенно вмѣсто одного стакана выпивали 2 и т. д. Великое значеніе бережливости сводится отчасти къ тому, что всякій, имѣющій сбереженія, всегда будетъ стремиться увеличить ихъ, а также къ тому, что онъ болѣе или менѣе застрахованъ отъ соблазновъ соціаль-демократіи, такъ какъ ему незнакомо недовольство.

Бережливость воспитываетъ аккуратность во всемъ; такимъ путемъ даже самый мелкій рабочій можетъ добиться нѣкотораго, вполне достаточнаго для его положенія благосостоянія; во всякомъ случаѣ онъ добьется беззаботной жизни. Кто сознаетъ и пой-

метъ, что необходимо прежде всего откладывать при обычныхъ ежедневныхъ расходахъ, тотъ по всей вѣроятности, охотно пойдетъ по указанному пути.

На это можетъ кто-нибудь возразить и подумать, что жизнь, всецѣло посвященная труду и бережливости, не имѣетъ цѣны, вѣдь хочется же иногда отдохнуть и развлечься. Поэтому невозможно говорить о бережливости, не встрѣтивъ этого возраженія.

Никто, конечно не пожелаетъ отказать въ отдыхѣ и удовольствіи рабочему, проработавшему старательно цѣлую недѣлю; важно только выяснитъ, что подразумѣвать подъ этимъ. Когда видишь, какую печальную роль играетъ алкоголь, и какой разгулъ царитъ вслѣдствіе опьяненія въ танцевальномъ залѣ; когда слышишь, какъ, шумя и скандаля, ходятъ по улицамъ вечеромъ или даже ночью, цѣлой толпой, то не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ удовольствіи и отдыхѣ. Подобный разгулъ лишь ослабляетъ тѣло и парализуетъ, хотя бы временно, умственные способности, принося вмѣсто предоставленнаго отдыха, одно лишь нежеланіе работать, а также влечетъ за собой большіе расходы, безъ которыхъ лучше было бы обойтись.

Такихъ развлеченій надо избѣгать, и рабочій, какъ и всѣ люди, можетъ найти наслажденіе въ природѣ, необходимо только пробудить въ немъ любовь къ ней, чтобы это удовольствіе стало ему доступно. На лонѣ природы царитъ лишь радость, наслажденіе, отдыхъ, и все это дается даромъ или же за небольшія деньги, если воспользоваться желѣзной дорогой или пароходомъ, чтобы выбраться изъ душной атмосферы за городъ.

Я, конечно, не хочу этимъ сказать, что рабочій долженъ избѣгать танцевальныхъ и другихъ учрежденій: театра или концертовъ; пусть онъ только научится сообразоваться со своими средствами и искать радостей въ себѣ самомъ, а не въ алкоголѣ. Ему необходимо проникнуться сознаніемъ того, что всякое излишество позорно, и что развлеченіе, которое другимъ неприятно, или которое его самого унижаетъ, есть не удовольствіе, а преступленіе противъ приличія, добрыхъ нравовъ и морали или же противъ закона и порядка.

Этихъ указаній достаточно для дальнѣйшаго развитія темы и для плодотворнаго использованія матеріала на урокахъ и беседахъ. Приступаю къ заключительной главѣ.

Гражданскія права и обязанности.

Всеобщее, равное и тайное избирательное право.

Въ наше время много говорятъ, а особенно молодежь, о своихъ правахъ; объ обязанностяхъ же приходится слышать крайне рѣдко. Рабочіе, напр., подстрекаемые социаль-демократами, неумимы въ своихъ требованіяхъ, не знающихъ границъ, и почти забываютъ о своихъ обязанностяхъ, а между тѣмъ только тотъ можетъ имѣть права, кто честно и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности. И тѣмъ не менѣе государство даровало всѣмъ гражданамъ, достигшимъ 25 лѣтъ, чрезвычайно важное право — всеобщее избирательное право.

Солдатъ еще не воспользовался имъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ у него будетъ право голоса; и вотъ на воспитаніи въ духѣ вѣрности лежитъ обязанность выяснитъ ему значеніе избирательнаго права, чтобы онъ сумѣлъ разобраться въ подпольной работѣ социаль-демократіи и проникнуть взоромъ мракъ ихъ дѣятельности.

Народные представители (надо, конечно, заранѣе дать понятіе о конституціонномъ, парламентскомъ правленіи) участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ государственныхъ вопросовъ, потому что всякій правительственный проектъ получаетъ силу закона только съ согласія парламента, т. е. народныхъ представителей. Они-то и рѣшаютъ судьбы отечества. Отсюда вытекаетъ необходимость избирать въ рейхстагъ или ландтагъ такихъ людей, которые были бы свободны отъ всякаго личнаго честолюбія и какихъ бы то ни было партійныхъ интересовъ, имѣя въ виду лишь благо государства и, при честномъ, монархическомъ образѣ мыслей, стремящихся проявлять свою дѣятельность на пользу нашего отечества и счастье нашего народа.

Кто это вѣрно понялъ, тотъ пойметъ и то, какая тяжелая отвѣтственность связана съ избирательнымъ правомъ. Оно — всеобщее и равное, т. е. голосъ умнѣйшаго имѣетъ такое же значеніе, какъ и голосъ самаго ограниченнаго, голосъ богача значитъ столько же, сколько и голосъ бѣдняка, а голосъ вышшаго чиновника — то же, что и голосъ послѣдняго гражданина. Такимъ образомъ, никому не отдается предпочтенія, вездѣ среди народа царитъ абсолютное равенство, хотя право не было бы несправедливымъ, если бы умные люди, въ силу своего знанія свѣта и большей опыт-

ности, располагали большим количеством голосовъ, чѣмъ тѣ, которые не имѣютъ собственнаго мнѣнія и отдають свои голоса, уступая подстрекательству безсовѣстныхъ агитаторовъ.

Всякій разъ, когда назначаются новые выборы, почти всѣ партіи выставляютъ въ разныхъ избирательныхъ округахъ своихъ кандидатовъ, которые, при участіи искусныхъ ораторовъ или безъ нихъ, устраиваютъ предвыборныя собранія, чтобы привлечь избирателей на свою сторону. Пока не пускаются въ ходъ низкія, гнусныя и подлыя средства, ничего нельзя возразить противъ такого порядка вещей. Но социаль-демократіи присущи разрушительныя стремленія, а потому ей приходится вербовать сторонниковъ силой лжи, клеветы, искаженіемъ истины и обманомъ.

Такимъ образомъ эта партія, пользуясь услугами своихъ агитаторовъ, засыпаетъ рабочимъ глаза пескомъ, ослѣпляетъ ихъ всевозможными обѣщаніями, никогда по существу не исполнимыми, и обращаетъ дотоле свободныхъ гражданъ въ позорныхъ рабовъ.

Не трудно выяснитъ солдату, до какой степени эти люди заврались, стоитъ только указать на оклеветаніе арміи, на ихъ подлыя нападки на нашихъ борцовъ на юго-западѣ нѣмецкой Африки и на ихъ неосновательныя утвержденія, будто не будетъ воинской повинности, если въ рейхстагъ попадетъ много социаль-демократовъ, что съѣстные припасы подешевѣютъ, и т. д.

Но вотъ что ужаснѣе всего. Во время выборовъ социаль-демократы вручаютъ своимъ приверженцамъ бюллетень и въ случаѣ надобности принуждаютъ силой избрать своего кандидата. Такимъ путемъ возрастаетъ число голосовъ у социаль-демократовъ. Въ ихъ партіи не мало такихъ, которые изнываютъ подъ этой тираніей и охотно бы вышли изъ нея, если бы не были такъ связаны. Подобно хищному животному, не выпускающему разъ пойманной добычи, крѣпко держитъ и социаль-демократія свою жертву.

Здѣсь ужъ не можетъ быть и рѣчи о свободномъ самоопредѣленіи, и какъ позорно до такой степени подпасть подъ иго союза, враждебнаго отечеству, чтобы не имѣть смѣлости высказать свое личное мнѣніе. Глубоко унижительно и недостойно, когда человекъ изъ рабской трусости, изъ страха передъ искусителями народа, вопреки голосу разсудка и противъ собственной воли, одуститъ насильно навязанный избирательный бюллетень.

Несмотря на всю власть, доставшуюся благодаря всеобщей,

равной и тайной подачѣ голосовъ социаль-демократіи — партіи, порабощающей право лжию и обманомъ, она, тѣмъ не менѣе, не перестаетъ кричать о насиліи подъ широкими массами со стороны болѣе могущественнаго меньшинства и выдвигаетъ условія жизни въ другихъ странахъ, пменно въ Англій, въ качествѣ образца, достойнаго подражанія. Но если, на основаніи этого утвержденія, сравнить избирательное право обѣихъ странъ, то увидимъ — какъ это будетъ выяснено ниже, что оно наиболѣе совершенно проведено въ Германіи, и Англія такимъ образомъ немного отстала отъ Германіи.

Тамъ, напр., избирательное право для Нижней палаты связано съ землевладѣніемъ, притомъ такъ, что всѣ тѣ, у кого земля лежитъ въ разныхъ избирательныхъ округахъ, располагаютъ въ соотвѣтствіи съ этимъ большимъ количествомъ голосовъ и въ каждомъ изъ нихъ могутъ использовать свое право.

Какъ сказано, въ Германіи всѣ безъ исключенія граждане, достигшіе 25-лѣтняго возраста, имѣютъ право голоса, а въ прославленной Англій избирательнымъ правомъ пользуется лишь тотъ, кто, если онъ не землевладѣлецъ, платитъ по крайней мѣрѣ 200 марокъ за квартиру, которую занимаетъ по меньшей мѣрѣ годъ или показываетъ въ расходъ такую же сумму въ качествѣ арендной платы или ренты.

Это сравненіе краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько лучше поставленъ нѣмецкій рабочій, чѣмъ чужеземный его собратъ, и какъ социаль-демократія извращаетъ даже факты, чтобы поддерживать недовольство среди своихъ послѣдователей.

Когда солдатъ пойметъ все великое значеніе всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ, онъ сознательно отнесется къ тяжелой отвѣтственности, воплощенной въ этомъ правѣ, и ясно пойметъ обязанность, вытекающую изъ него, а именно обязанность фактически использовать это избирательное право и послать въ парламентъ людей, съ которыми Его Величество Государь могъ бы управлять на благо страны.

Солдаты должны узнать, что социаль-демократы голосовали какъ разъ противъ законовъ, имѣющихъ въ виду благосостояніе страны, и что наше отечество оказалось бы въ печальномъ положеніи, если бы другія партіи, благодаря ихъ численному превос-

ходству не утвердили того, что было необходимо для сохранения и развѣта отечества.

Въ этомъ случаѣ нужно показать солдатамъ безусловную необходимость арміи въ роли остраго и грознаго оружія, направленаго противъ нашего внѣшняго врага, что для арміи и флота должно быть утверждено все, способное ихъ сдѣлать сильнѣе чужеземнаго войска или, по крайней мѣрѣ, не слабѣе его.

Каждый добросовѣстный гражданинъ долженъ воспользоваться своимъ правомъ голоса и притомъ свободно, въ сознаніи его необходимости. Даже одинъ голосъ, не поданный удобства ради или вслѣдствіе ложнаго представленія о томъ, что единичный голосъ никакой роли не играетъ, можетъ привести къ большинству социаль-демократовъ. Конечно, намъ нечему учиться у этой партіи, но въ ней достойно подражанія то, что на выборахъ они всё на лицо.

Лучше всего—это избѣгать встрѣчи съ социаль-демократами, чтобы не быть введенными въ искушеніе; у кого же на это не хватитъ силы воли, тотъ пусть посѣщаетъ собранія и другихъ партій и самъ убѣдится, гдѣ ложь и гдѣ правда, гдѣ право и гдѣ несправедливость; а въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ пониманія, и дѣло представляется не яснымъ, скорѣе слѣдуетъ воздержаться отъ голоса, чѣмъ выбирать измѣнника отечества.

Право союзовъ и собраній.

Стоить только немного подумать, и мы будемъ вынуждены согласиться, что въ злоупотребленіи этимъ правомъ скрывается большая опасность для общественности и общаго блага, что такимъ образомъ предоставленіе этого права знаменуетъ собой безконечно большое довѣріе со стороны правительства къ правовому сознанію народа.

Социаль-демократы направляютъ своихъ сторонниковъ на правительство за то, что оно удержало за собой право надзора за всѣми публичными собраніями и право, въ случаѣ надобности, закрывать ихъ; они это называютъ ограниченіемъ свободы.

Но такое толкованіе—явная нелѣпость. Никогда собраніе не будетъ запрещено или распушено до окончанія, по требованію полиціи, разъ не нарушены должныя порядокъ и спокойствіе или

не подвергаются обсужденію вещи, угрожающія общественной безопасности или благу государства — и только въ послѣднемъ случаѣ заставляютъ собравшихся разойтись, — на это есть полное право.

Найдется ли, напр., хозяинъ, который бы позволилъ своимъ квартирантамъ пользоваться квартирой для недозволенныхъ цѣлей или самовольно производить перемѣны въ его домѣ? Или гдѣ найдется такой содержатель гостинницы, который бы не заботился о томъ, чтобы его гости вели себя прилично и не вмѣшался бы тотчасъ, если бы кто-нибудь изъ гостей затѣялъ ссору? Неужели же государство не имѣетъ права оберегать спокойствіе и порядокъ? Конечно, да, потому что оно обязано передъ миролюбивымъ гражданиномъ стоять на стражѣ закона. Не требуется большого ума, чтобы это сообразить.

Личная свобода.

Въ настоящее время подъ личной свободой едва ли понимаютъ какое-нибудь особенное право; она принимается какъ нѣчто само собой разумѣющееся, и все же она—право, глубоко внѣдренное въ жизнь общества. Каждому нѣмцу предоставляется выбирать любое занятіе, для него открыты всѣ двери, вопросъ только въ его способностяхъ; каждый нѣмецъ вправѣ жить, гдѣ ему угодно, онъ по собственному желанію можетъ переселяться изъ одного города въ другой, изъ деревни въ городъ и изъ города въ деревню, его никто не допрашиваетъ, есть ли у него работа или средства къ жизни, если работы нѣтъ.

Кто подумаетъ о томъ, что родина дала ему школьное образованіе, что онъ все время только получалъ, не будучи въ силахъ чѣмъ-либо отплатить, тотъ особенно оцѣнитъ право свободного самоопредѣленія, и кто ясно видитъ, что нѣмецкій гражданинъ свободенъ благодаря государству, тотъ съ трудомъ пойметъ, какъ люди при такихъ условіяхъ подчиняются тиранической власти социаль-демократіи.

Личная свобода сопровождается еще личной безопасностью, благодаря защитѣ закона, подъ сѣнью котораго мы такъ спокойно живемъ. Намъ не приходится беспокоиться за судьбу нашего имущества: никто не можетъ его у насъ отнять, убавить или нанести

ущербъ, не подвергаясь соотвѣтствующему наказанію; никто не может его оспаривать, ибо въ рукахъ судьи вѣсы правосудія.

Да, гражданинъ имѣетъ право и днемъ и ночью дѣлать, что угодно. Пока имъ не нарушены требованія нравовъ, морали и закона, онъ пользуется вездѣ и во всякое время полной, неограниченной свободой.

Страхование на случай несчастія, болѣзни, пнвалидности и старости.

Когда рабочій, на основаніи закона, вынужденъ заплатить половину стоимости наклеиваемыхъ марокъ, социаль-демократія представляетъ это какъ неслыханное насиліе, и вмѣсто того, чтобы выяснить своимъ приверженцамъ всю пользу отъ такого порядка вещей, они лишь подстрекають народъ. Насколько это бессмысленно, видно изъ того, что работодатель, не имѣя самъ никакой выгоды изъ этого страхованія, однако обязанъ внести половинную сумму за марки, и единственно, кто имѣетъ основаніе быть недовольнымъ, такъ это работодатель, который, тѣмъ не менѣе и не думаетъ объ этомъ, а охотно вноситъ свою лепту для блага своихъ рабочихъ.

Деньги, уплачиваемыя рабочимъ за марки, правду говоря, очень незначительны и не выдерживаютъ никакого сравненія съ большими взносами, которые отъ нихъ требуетъ социаль-демократическая партія. Первые приносятъ пользу, обезпечивая человѣку пожизненную пенсію, которая въ мѣсячномъ размѣрѣ далеко превышаетъ внесенную имъ совокупную сумму денегъ; вторыя для него безвозвратно потеряны. Куда онѣ дѣвались, пошли ли онѣ на забастовочныя цѣли, или на нихъ жилъ, не трудясь, какой-нибудь агитаторъ, или ими воспользовались русскіе революціонеры,—кто можетъ знать, но рабочій ихъ больше въ глаза не видитъ.

Какую пользу извлекаетъ рабочій изъ упомянутыхъ въ этомъ заглавіи страхованій и другихъ гарантій, наблюдалъ, конечно, каждый солдатъ у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ или родственниковъ; поэтому нужно быть совершенно слѣпымъ, чтобы поддаться подстрекательству со стороны социаль-демократовъ и оказаться неблагодарнымъ по отношенію къ дому нашихъ Гогенцоллерновъ, которымъ такъ дорого благо народа. Всѣ вышеназван-

ные благотѣльные законы введены блаженной памяти императоромъ Вильгельмомъ I и развивались далѣе и усовершенствованы волею нашего теперешняго Государя. Социаль-демократы наряжаются въ чужія перья, выставляя себя ихъ творцами; но будетъ ли одной ложью больше или меньше, имъ все равно, разъ важно заставить людей повѣрить въ то, что они благотѣтели народа. Въ виду этого наши солдаты должны научиться распознавать волка въ овечьей шкурѣ и имѣть вѣрное представленіе о немъ, потому что только такимъ путемъ они сумѣютъ уберечься отъ него и сохранить вѣрность.

Какъ мало социаль-демократы сдѣлали для рабочихъ, видно изъ официально удостовѣреннаго факта, что при 125 социаль-политическихъ законахъ, изданныхъ между 1867 и 1904 гг. сначала въ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ и потомъ въ Германской имперіи, они только въ 44 случаяхъ голосовали за; 34 раза они стояли на сторонѣ противниковъ. О томъ, какъ они вели себя въ остальныхъ 37 случаяхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній нѣтъ. Но, какъ бы то ни было, достаточно краснорѣчивымъ является то, что партія, хвастливо именующая себя рабочей партіей, только 44 раза дала свое согласіе на законы, долженствовавшіе служить общему благу большей части населенія, въ особенности, если отрицательное отношеніе — какъ здѣсь, было вызвано несерьезными соображеніями, а обуславливалось партійными политическими основаніями, т. е. стремленіемъ возбудить недовольство и раздуть все растущую алчность.

Только одинъ примѣръ.

Социаль-демократія отклонила страхованіе на случай инвалидности и старости, оправдывая veto своей партіи утвержденіемъ, что стыдно, молъ, Германіи предлагать въ формѣ ренты нищенскую подачку рабочимъ, потерявшимъ работоспособность отъ старости или инвалидности.

Фактически же дѣло обстоитъ такъ, что 1905 годъ обременилъ бюджетъ на 50 милліоновъ марокъ, и что около милліона рабочихъ пользуются благами, которыми они обязаны этому закону.

Подобно этому дѣйствовала партія и при изданіи другихъ законовъ о страхованіи рабочихъ, и если въ такихъ вопросахъ они теперь перемѣнили свою позицію, то къ этому были вынуждены, потому что рабочій сталъ проникательнѣе, и его не такъ легко запутать.

Общи́я обязанности и воинская повинность.

За всё эти и нѣкоторыя другія права рабочій, который не платитъ никакихъ налоговъ (это слѣдуетъ особенно подчеркнуть и выяснитъ), обязанъ только нравственно и добропорядочно вести себя, повиноваться закону и оберегать общественную безопасность, быть вѣрнымъ подданнымъ своего государя и самоотверженно любить свое отечество.

Всѣ эти обязанности не обременительны; тотъ, кто видитъ, что его личное благо тѣснѣйшимъ образомъ связано съ благомъ отечества, и кто ясно понялъ, что народъ въ цѣломъ можетъ мирно развиваться лишь при условіи внутренняго спокойствія, мира, порядка, взаимной любви, — тотъ приноситъ безусловное повиновеніе закону и т. д., какъ свободный даръ: для него обязанности являются не тяжелой обузой, а чѣмъ-то само-собою понятнымъ, и онъ желаетъ служить для другихъ примѣромъ добросовѣстнаго ихъ исполненія.

На гражданина, способнаго носить оружіе, отечество возложило еще одну обязанность, именно обязанность упражняться въ употребленіи оружія, чтобы, въ случаѣ грозящей опасности, цѣной собственной жизни защищать престолъ и отечество.

Это составляетъ священную обязанность, которую исполняетъ каждый гражданинъ, пока онъ не сдѣлался социаль-демократомъ или не заразился духомъ этой партіи, — священную обязанность, полезную и каждому въ отдѣльности.

Новобранца, правда, вырываютъ изъ сферы его обычныхъ занятій и жизни. онъ вступаетъ въ совершенно новый и чуждый ему міръ, но, тѣмъ не менѣе, не стоитъ одиноко, такъ какъ его начальники замѣняютъ ему родителей, а товарищи — друзей.

Благодаря новой обстановкѣ, солдатъ значительно расширяетъ свой кругозоръ. Среди его товарищей есть много видѣвшихъ свѣтъ, есть и представители всѣхъ профессій. Одни рассказываютъ о чужихъ краяхъ, народахъ, нравахъ и обычаяхъ, другіе — о характерѣ своихъ занятій, и кто внимательно прислушивается, тотъ многому поучается.

Уроки, имѣющіе своимъ предметомъ королевскій домъ или полковую и отечественную исторію, знакомятъ съ развитіемъ государства такъ же, какъ и съ любовью нашихъ предковъ къ

Государю и отечеству. Сердце солдата должно наполняться гордостью, но гордостью, способной вызвать серьезное соревнованіе.

Мало того, практическая служба даетъ солдатамъ умѣнье пользоваться своими членами независимо другъ отъ друга и развивать свои нравственные и тѣлесныя силы до высшихъ предѣловъ; она укрѣпляетъ его здоровье. Привычки предъявлять къ себѣ большія требованія, солдатъ и въ частной жизни будетъ работоспособнѣе. Запасной, возвращающійся къ своимъ занятіямъ, уже не тотъ, что новобранецъ, два или три года тому назадъ поступившій въ армію, и если социаль-демократы отрицаютъ пользу военной службы, хотя они и сами на себѣ испытали ее, то это только яснѣе свидѣтельствуетъ о томъ, какого образа мыслей эти господа.

Въ Складѣ „ПОСРЕДНИКЪ ДЛЯ ВОЙСКЪ“ С.-Петербургъ, Гороховая, 3.

ПРОДАЮТСЯ:

ТАБЛИЦА ВЪ ДВѢ КРАСКИ
ДОВОЛЬСТВІЕ СОЛДАТА

денежное, вещевое, провіантское, приварочное и чайное.

Составлено согласно отд. VI программы полковыхъ учебныхъ командъ пѣхоты.

Изданіе 4-е, совершенно переработанное и исправленное по
1 Октября 1907 года.

На двухъ большихъ листахъ. Цѣна 50 коп.

Тоже, въ видѣ брошюры—20 коп.

ТАБЛИЦА ВЪ ДВѢ КРАСКИ
КЛЯТВЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ
НА ВѢРНОСТЬ СЛУЖБЫ.

(Присяга).

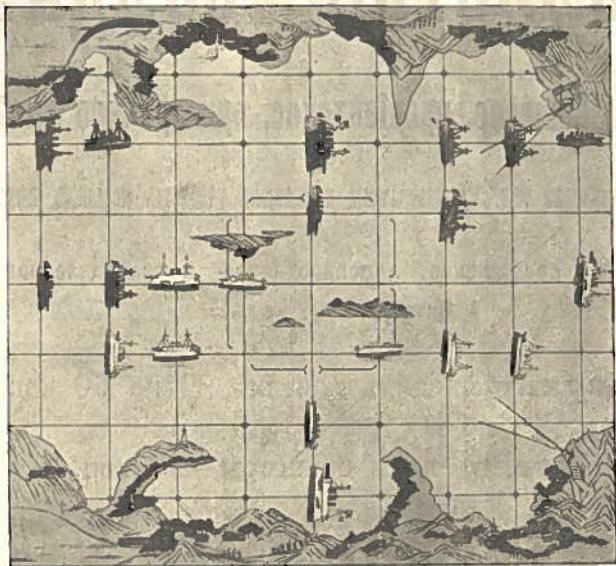
Цѣна 10 коп.

Въ Складѣ „Посредникъ для войскъ“ С.-Петербургъ, Гороховая, 3.

ПРОДАЕТСЯ:

ВОЕННО-МОРСКАЯ ИГРА,

САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ИЗЪ ВСѢХЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ.

(Изъ отзыва). . . Она (игра), правда, гораздо проще шахматъ, но именно эта упрощенность, не лишаящая все-же игру занимательности, обеспечиваетъ ей будущность, наряду съ шашками. Въ этомъ отношеніи Военно-морскую игру можно поставить между шашками и шахматами, она проще шахматъ, но сложнѣе и даетъ большій просторъ изобрѣтательности и находчивости игрока, нежели шашки.

(„Природа и Люди“ 1907 г. № 30).

Цѣна 2 р. 50 к.

Съ пересылкой въ Европейской Россіи—3 р. 15 к.